

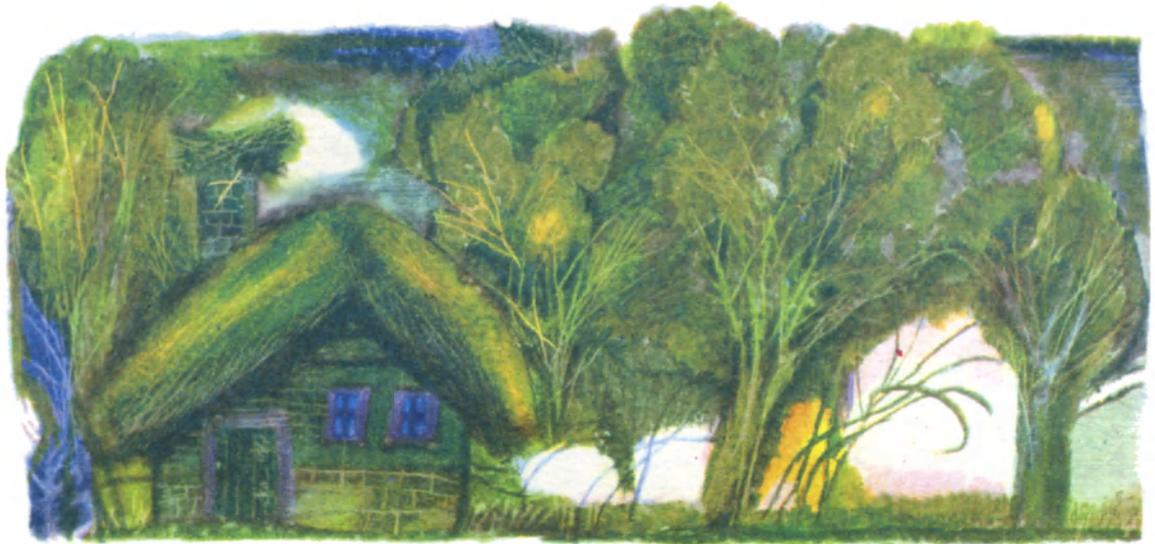
АНГЕЛ КАРАЛИЙЧЕВ

**БОЛГАРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

1

Иллюстрации Румена Скорчева

АНГЕЛ КАРАЛИЙЧЕВ

**БОЛГАРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

Том 1

Государственное издательство

СВЯТ

София, 1984

© Ангел Каралийчев, 1979
© Художник Румен Скорчев, 1979
© Перевод. Ольга Басова, Валентина Коцева, Майя Качаунова, 1979
с/о Jusautor, София, 1984

ПРИТЧА О БОЧКЕ

Пришло старику-отцу время умирать, позвал он своих пятерых сыновей и сказал:

— Дети мои, кончился мой земной путь. Ухожу я от вас. Но перед тем, как закрыть глаза навсегда, расскажу вам одну притчу. Выслушайте ее хорошенько и потом растолкуйте мне, о чем в ней говорится.

Сыновья наострили уши, а старик окинул их взглядом и начал:

— Вырос в одном лесу большой-пребольшой дуб. С его могучих ветвей осенью дождем падали желуди. Глубоко в землю ушел он корнями, и никакая буря не была ему страшна. Но однажды в лес пришел дровосек. Смерил взглядом дуб, засучил рукава, взмахнул топором и начал его рубить. К вечеру повалил он могучее дерево на землю. Ветви обрубил, а ствол отвез к себе и распилил на ровные доски. Заехал к нему в конце лета бочар, погрузил доски на телегу и повез в свою мастерскую. Там он нарезал из них дощечек потоньше, сделал обручи, днища и сколотил

большую бочку. Каждую осень он наполнял эту бочку искристым молодым вином и продавал его крестьянам, когда те справляли свадьбы, именины или поминки. Так дело и шло, покуда бочка была крепкая. Но вот один из обручей лопнул, доски разошлись, и вино вытекло. Бочка начала рассыхаться, а покуда бочар собирался поставить новый обруч, и совсем развалилась. Доски и днища хозяйка сожгла в печи, а обручи забрали себе детишки и стали катать их по улицам.

Растолкуйте мне теперь эту притчу!

Задумались пятеро братьев, но никто из них не мог разгадать отцовскую загадку. Тогда старик покачал головой и сказал:

— Молоды вы еще, потому и не догадываетесь. Придется мне растолковать вам, о чем говорится в этой притче. Лес, в котором растут большие деревья, — это наша родная страна. Деревья в этом лесу всё выше и выше поднимаются. Бочка — семья, доски — это мы, обручи — согласие, а вино — радость и хорошая жизнь. Пока в семье есть согласие, и жизнь хороша. Дому, в котором нет согласия, лучше сгореть. Берегите же обручи, дети мои!

Старший сын поклонился, поцеловал отцу руку и промолвил:

— Спасибо, батюшка, за мудрый совет. Мы не забудем его, пока живы.

КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ

Когда Галинку выдавали замуж, мать наказывала свекру и свекрови:

— Вы уж обходитесь с моей дочкой поласковой. Берегите ее. Она работать не приучена. Веника ей, чтоб горницы и двор подметать, в руки не давайте — она себе глаза засорит. К речке по воду не посылайте, плечики у нее нежные, к коромыслу с полными ведрами не привычные. А под голову ей пуховую подушку положите, она у нас на мягком спала.

Переглянулись свекор со свекровью, но ничего не сказали сватье в ответ.

— И обещайте, что худого слова ей вовеки не молвите. Ее ушки худых слов не слыхивали.

— Что до худых слов — у нас в доме такого не водится, — сказал свекор и уселся в телегу. Рядом с ним примостилась свекровь, а молодые позади сели. Поехали они в мужнино село. Целый день ехали, только к вечеру добрались, потому что до села этого далеко было.

Свекровь сразу же засучила рукава, замесила тесто для пирога, курицу сварила, спустилась в погреб и нацедила вина. А Галинка уселась, сложа руки, на лавку и знай себе приговаривает:

— Ах, какая проворная у меня свекровь, точь-в-точь как матушка. Хорошо мне здесь жить будет!

Поужинали они сытно и улеглись спать. Так ночь и прошла. На другое утро старик-свекор поднялся пораньше и разбудил всех:

— Ну-ка, вставайте, пора в поле идти!

Протерла Галинка заспанные глаза, сладко зевнула и говорит:

— А что там делать?

— Кукурузу окучивать.

— А чем? — спрашивает маменькина дочка.

— Известно чем, мотыгами, — ответила свекровь.

— Я не пойду.

— Это почему же? — удивился муж.

— Да потому, что мотыга тяжелая, как я ее поднимать буду?

— Оставайся тогда дома, — сказал свекор, — приberi все и приготовь ужин. И для этого руки нужны.

Хозяева отправились в поле, а молодая осталась. Провалилась до полудня, проголодалась. Поднялась, стала искать, чего бы поесть, а во всех горшках пусто.

„Ничего не оставили, забыли про меня“, — подумала Галинка, потянулась, зевнула и вышла в сад. Увидела, что в саду много цветов, разахалась: „Ах, какие чудесные!“ — и принялась их рвать.

Пчелки проворно перелетали с цветка на цветок и радостно жужжали.

— Чего это они так спешат? — удивилась Галинка и лениво побрела к ближайшей черешне.

Легла на траве под деревом, протянула, не поднимаясь, руку, сорвала несколько ягодок и снова начала зевать. Так и скоротала весь день.

Вечером работники вернулись с поля усталые и голодные. Смотрят: дом не прибран, воды в ведрах нет, печь прогорела, куры некормленные уснули.

Бросила свекровь мотыгу и схватилась за ведра. Принесла воды. Развела огонь, поставила ужин. А Галинка сидела на лавке, сложа руки, и смотрела, как та старается.

Накрыла свекровь на стол и позвала всех ужинать.

Галинка уселась первая. Свекор взял лепешку и разломил ее на три части. Один кусок дал жене, другой сыну, а третий себе оставил.

— А невестке? — спросила свекровь.

— Она не голодная. Кто не работает, тому есть не хочется.

Галинка надула губы и поднялась из-за стола. Ушла к себе в горницу и стала плакать. От голода всю ночь глаз не сомкнула.

На другое утро повторилось то же самое. Все на огород пошли, а Галинка не захотела.

— Уж очень сильно солнце печет, — сказала она, — лицо почернеет.

Оставили ее дома и на этот раз. Опять маменькина дочка не приоткрыла ни к чему. Нашла под одной миской краюшку черствого хлеба, оставленную для собаки, съела ее и до вечера в саду на траве провалялась. Воды для поливки, конечно, не принесла, и цветы вянуть начали.

Поздно вечером вернулись работающие родственники домой, не чуя под собой ног от усталости. Свекровь нахмурилась, но делать нечего — сама испекла лепешку, а когда все уселись ужинать, свекор снова разделил лепешку на три части. Галинка опять ни с чем осталась.

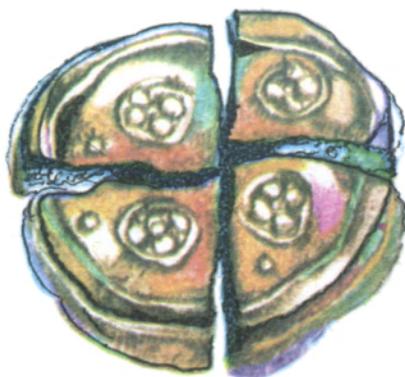
— Почему молодую не угощаешь? — спросила свекровь.

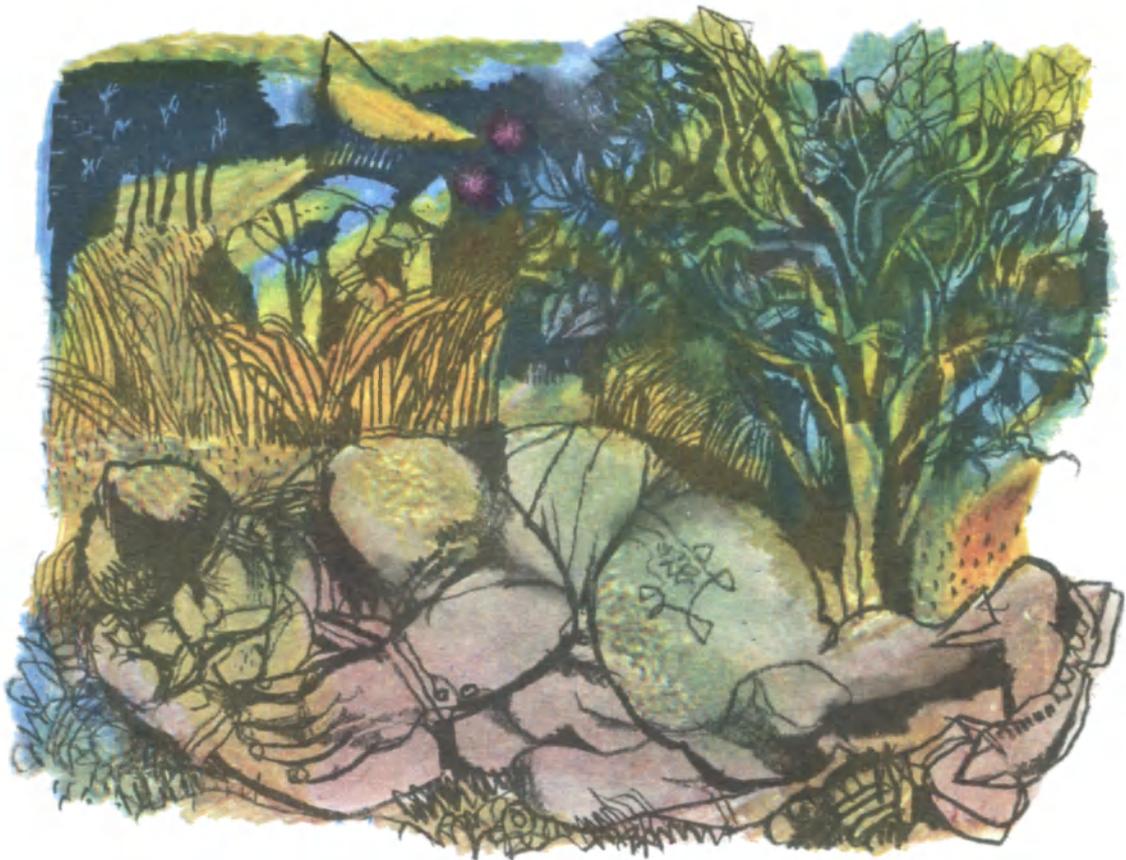
— Кто не работает, тому есть не хочется, — ответил свекор.

Голодная Галинка всю ночь с бока на бок ворочалась и думала. Лишь перед рассветом задремала. А как пропели третьи петухи, живо вскочила с постели. Свекра, свекрови и мужа уже не было дома, они еще затемно ушли в поле. Тогда Галинка засучила рукава и принялась за дело. Подмела в доме и во дворе. Принесла воды из колодца, полила цветы в саду, развела огонь и приготовила ужин. Тесто в корыте замесила. Лепешку испекла. Управившись по хозяйству, взяла прялку и уселась прядь на пороге. Вернулись вечером усталые работники, увидели, что всё прибрано, и очень обрадовались. Галинка накрыла на стол и подала свекру лепешку. Стоит, ждет, что он сделает, а у самой сердце трепещет. Старик взял лепешку, разломил ее на четыре части, самый большой кусок Галинке протянул и сказал:

— Ешь, доченька, ты заслужила, потому что сегодня хорошо потрудились.

Галинка взяла свой кусок и принялась за еду. В жизни не ела она такого вкусного хлеба.

БОГАЧ И ЖНЕЦ

Как-то один богач позвал своего соседа бедняка, чтобы тот сжал ему ниву.

— До каких пор мне работать? — спросил бедняк.

— Покуда не закатится вон-то небесное светило. — И богач показал пальцем вверх.

— А сколько ты мне заплатишь?

— Дам тебе мешочек муки, коли будешь трудиться на совесть.

Отправился бедняк на ниву богача и принялся за дело. Не разгибая спины, жал. Серп так и сверкал у него в руке. Лишь к полудню присел он на короткое время под грушей, съел на скорую руку ломоть хлеба да головку лука и снова за серп взялся. К вечеру полнивы сжал. Когда солнце закатилось, усталый бедняк разогнул спину, утер со лба горячий пот и сказал:

— Хватит!

— Как так хватит? — прикрикнул на него богач, который пришел посмотреть, много ли наработал жнец. — Полнивы еще осталось.

— Так ведь солнце уже зашло.

— Солнце-то зашло, но ты взгляни-ка на небо! Вон уже и месяц, его младший брат, светит. Будешь жать, покуда и он закатится. Иначе не видать тебе муки.

А на небе и впрямь златорогий месяц показался и всё кругом осветил.

Делать нечего, пришлось жнецу снова взяться за серп. Всю ночь работал он без передышки, а богач улегся под грушей и выпался на славу. Солнце еще не взошло, как бедняк всю ниву сжал.

— Ну вот теперь я тебе дам мучицы, — сказал богач. — Беги-ка домой за мешочком и приходи ко мне на мельницу.

Ушел бедняк, а через некоторое время на мельницу явился с большим мешком из козьей шерсти.

— Сыпь муку! — говорит богачу.

Тот глаза выпучил да как раскричится:

— Зачем ты такой мешок притащил?

— Так это же старший брат мешочка, — ответил жнец.

— Откуда у мешочка может быть старший брат?

— Раз у солнца есть младший брат, почему же у мешочка не быть старшему? — сказал в ответ находчивый бедняк.

Нечего делать, пришлось богачу насыпать ему полный мешок муки.

БОЯРСКИЙ СЫН И ПАСТУХ

Один старый боярин позвал своего сына и сказал ему:

— Пора тебе, сынок, отправиться в путь-дорогу, побродить по белу свету, жену себе подыскать. Ты уже вырос, а годы проходят незаметно. Сам знаешь, ниву надо жать, пока зерно не осыпалось.

— А какую мне девушку выбрать, батюшка? — спросил сын. — Ведь она должна быть знатного рода, богата и краше всех девушек на свете.

— Нет, сынок, мой тебе совет: не зарись ни на красоту, ни на богатство, а найди себе жену добрую да разумную.

Взял юноша в попутчики своего дядю, и отправились они по селам и городам — невесту искать. Всех встречных спрашивали, не знают ли они девушки такой разумной и домовитой, что была бы достойна сделаться невесткой первого боярина в их государстве. Но только одно и слышали в ответ:

— Такой девушки в наших краях нет. Придется вам поискать в других местах.

Где только они не побывали! Вот, наконец, пришли в одно село и присели отдохнуть у колодца, к которому все тамошние девушки по воду ходили. Покуда стемнело, прошло перед ними много девушек, но ни одна из них не пришлась им по сердцу.

— А других девушек у вас в селе нет? — спросил боярский сын одного богатого крестьянина, который вышел встретить знатных пришельцев.

— Есть еще одна, да только она тебе не подойдет.

— Почему?

— Потому что она дочка простого пастуха.

— Ничего, проводи-ка нас к ней.

Лачужка пастуха стояла у самой околицы. Когда они подошли к ней поближе, дядя с племянником переглянулись: только что побеленная, она вся так и светилась, двор был чисто выметен, окошки промыты, каждая вещь свое место занимала. Дочка пастуха встретила их на пороге. Одета она была совсем бедно, но от нее так и веяло чистотою и скромностью.

— Вот эта девушка и будет моей женой! — прошептал боярский сын своему дяде.

Дочка пастуха спросила незнакомцев, откуда они и по какому делу пришли.

— Мы скупщики скота, — ответил дядя. — Нам сказали, что твой отец хочет продать телку, вот мы и пришли.

— Батюшка еще не вернулся. Посидите и подождите, — сказала девушка, принесла им подушки, развела в очаге огонь, чтобы приготовить ужин, и принялась хозяйничать, да так ловко, что они наглядеться на нее не могли.

Немного погодя воротился домой старый пастух. Поздоровался с гостями, пригласил их разделить с ними ужин и тоже полюбопытствовал, по какому делу они пришли и чем занимаются.

— Скрывать не будем, — ответил дядя юноши. — Ищем мы невесту. Всё царство обошли, да так и не могли найти подходящую девушку. А вот увидели твою дочку, и она сразу же пришлась по сердцу моему племяннику. Согласен ли ты выдать ее за него замуж?

— Отчего ж не выдать? — ответил старый пастух. — Коли вишенка поспела, нужно ее сорвать. Но вы сперва мне скажите, есть ли у жениха какое-нибудь ремесло?

— Никакого ремесла у меня нет, — ответил юноша, — я сын первого царского боярина. К чему мне ремесло?

— Я тебя не спрашиваю, чей ты сын, а спрашиваю, какое ремесло ты знаешь, — повторил пастух.

— Не смейся людей, — вмешался дядя юноши, — к чему ему ремесло, когда его отец владеет многими городами и селами, а сундуки у него ломятся от золота и серебра. Дочка твоя, как царица, жить будет!

— Нет здесь невесты для человека, который никакому ремеслу не обучен, — отрезал пастух. — Отведайте лучше похлебки, которую дочка моя сварила, а про сватовство забудем. Я решил отдать свою дочь только такому человеку, у которого есть ремесло.

Гости принялись за похлебку и снова переглянулись — ничего вкуснее они сроду не ели.

После ужина, когда все улеглись спать, юноша сказал своему дяде:

— Вот вернемся домой, я созову своих товарищей, приеду с ними сюда и силой возьму эту девушку в жены.

— Силой такие дела не делаются, не будет у вас после этого хорошей жизни. Лучше ты возьми да обучись какому-нибудь ремеслу. Тогда отец сам отдаст ее тебе.

— Ладно, обучусь, я боярский сын и всему могу выучиться! — сказал юноша, закутался в теплое одеяло и уснул.

На другой день распрощались они с пастухом и его дочкой и отправились в город. Решили первым делом зайти к самому искусному золотых дел мастеру. Сказано — сделано. Зашли.

— Возьмешься ли ты обучить этого парня своему ремеслу? — спрашивает его дядя юноши.

— Что ж, можно. Лишь бы ему наше дело пришлось по душе.

— А сколько времени придется учиться?

— По меньшей мере три года.

— Три года? Да разве я рехнулся, чтобы просидеть в твоей мастерской целых три года! — закричал боярский сын.

— Тогда ты не выучишься нашему ремеслу! — сказал золотых дел мастер.

— Слушай, — начал уговаривать его дядя юноши, — он ведь сын первого боярина в нашем царстве. Обучи его своему ремеслу за две-три недельки. Не просчитаешься. Его отец щедро наградит тебя.

— Не могу я обучить его меньше, чем за три года. Наше ремесло тонкое. Большое искусство для него требуется.

— Пойдем, дядя! — вскричал боярский сын и вышел вон в гнев.

Стали они обходить всех мастеров подряд — легкого ремесла искать. Кого ни спрашивали, все им отвечали, что для любого ремесла нужны время и терпение. Наконец пришли они к одному старику, который плел корзины из ивовых прутьев.

— Вот это ремесло по мне! — сказал боярский сын и спросил старика, за сколько времени тот может выучить его плести корзины.

— Коли ты не дурак, — ответил старик, — так за две-три недели.

Обрадовался боярский сын и пошел на выучку к корзинщику. Сперва он только сдирал кору с ивовых прутьев, затем начал гнуть из них обручи, а потом и за плетение принялся. Попыхтел и попотел он так не три, а целых семь недель, но смастерил, наконец, корзинку. Схватил ее и поспешил в село, где жили старый пастух и его дочка.

— Что ты мне принес в этой корзинке? — спросил его старик.

— Ничего. Корзинка пустая. Но я пришел сказать тебе, что теперь у меня есть ремесло. Эту корзинку сплел я сам.

Пастух осмотрел ее и решил:

— Неплохо. Но мне нужно своими глазами увидеть, как ты работаешь. Поэтому я хочу, чтобы ты этой ночью сплел мне еще одну корзину.

— Хорошо, — сказал юноша и отправился к реке за ивовыми прутьями. Целую охапку оттуда принес. Содрал с них кору, уселся на рогожку и начал плести. Еще первые петухи не пропели, а корзинка была уже готова. Старик внимательно осмотрел ее со всех сторон и остался доволен работой боярского сына. Потом он послал дочку на виноградник и велел ей наполнить новую корзину лучшими гроздьями. Когда девушка ушла, пастух обернулся к боярскому сыну и сказал ему:

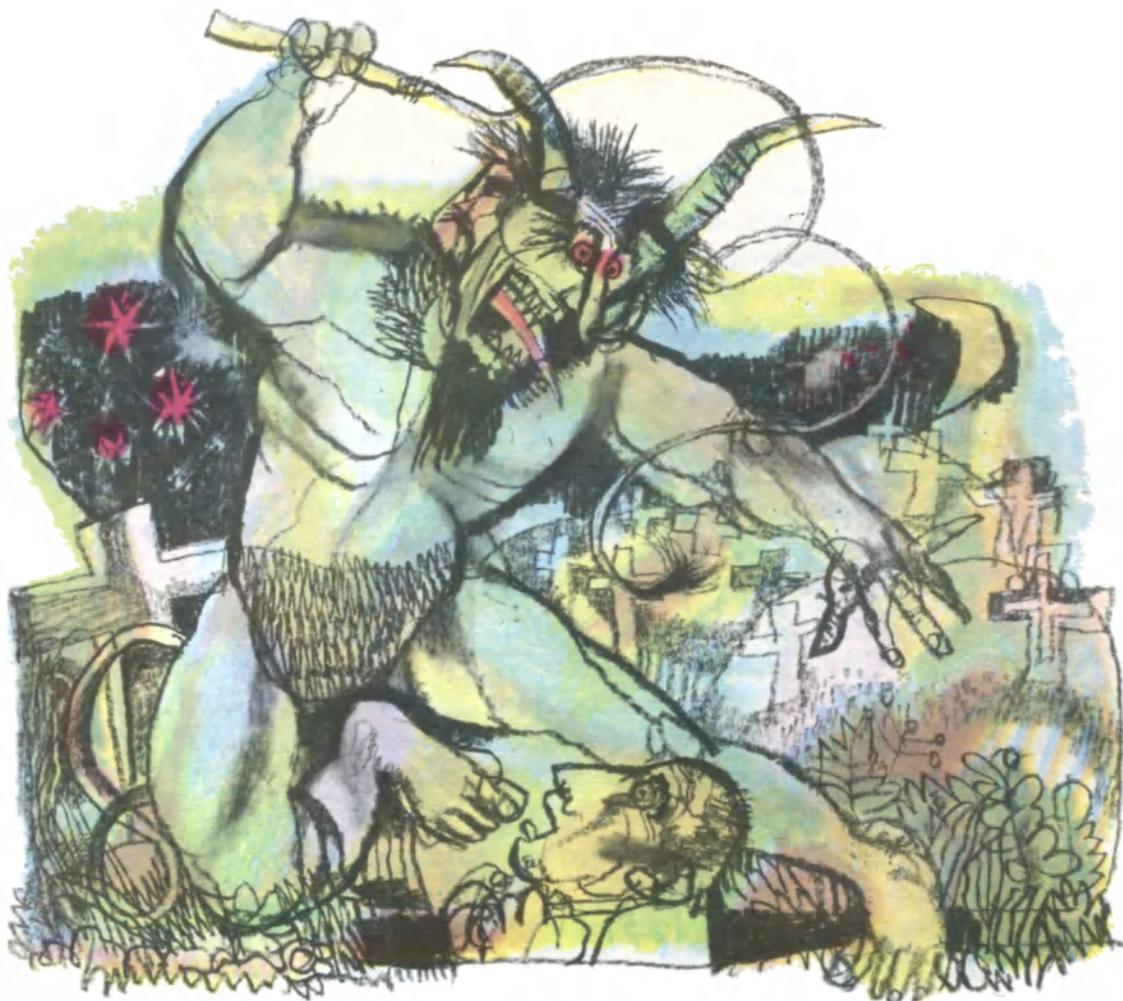
— Вижу, что ты мастер в своем ремесле, и потому согласен отдать свою дочку тебе в жены. А сейчас выслушай мой рассказ, и тебе станет понятно, почему я хотел, чтобы ты обучился какому-нибудь ремеслу. Теперь я пасу коров, сынок, но знай, что в свое время я был царем и мне были подвластны обширные земли и множество людей. Хотя в моей казне лежало несметное количество золота и драгоценных камней, жадность моя не знала меры. Тяжелыми налогами облагал я своих подданных, мучил их, и они возненавидели меня. И вот, когда в пределы моего царства вторглись чужеземные войска, народ мой, желая моей гибели, не поднялся против них с оружием в руках. Враги разрушили мои крепости и вступили в столицу. Царству моему пришел конец. Все считали, что я пал в бою, но видишь, я всё еще жив. Ты спросишь, как же мне удалось спастись. А вот как: когда неприятельские войска подожгли мой дворец, я выбрался из него по подземному ходу и, никем не замеченный, бежал. Три дня и три ночи скрывался я среди болот, где комары чуть не съели меня живьем. За это время победитель вложил меч в ножны, наступило успокоение, и мне удалось выбраться из пределов моего бывшего царства. Долго скитался я, пока, наконец, не дошел до вашей земли и не поселился в этом селе, никому не говоря о своем прошлом. Здешние крестьяне оказались хорошими людьми. Приютили меня, накормили и предложили сделаться сельским пастухом, ибо никакого ремесла я не знал. Стал я пасти коров, со временем построил вот эту лачужку и женился во второй раз, потому что первую мою жену увел неприятель. На старости лет приходится мне

ходить за коровами, но я не жалуясь на это: знаю, что честным трудом хлеб себе добываю. А в доме у меня есть бесценное сокровище — моя дочка. Теперь тебе понятно, почему я хочу выдать ее замуж за человека, знающего какое-нибудь ремесло? Ремесло, сын мой, стоит дороже царской короны.

— Ты прав, — промолвил боярский сын и вышел встречать свою невесту, которая несла на плече сплетенную им корзину, наполненную янтарным виноградом.

На другой день юноша увез дочку пастуха в отчий дом, и там они справили пышную свадьбу.

ПРО ЛЕНТЯЯ

Жил-был один человек — лентяй, каких мало. Дети его с голоду ходили по чужим домам милостыню просить, а он целыми днями на боку под деревом полеживал. Крестьяне, проходя мимо, останавливались и принимались совестить его:

— Весь народ трудится, а ты всё валяешься. Детям твоим побираться приходится. Ну не стыдно ли тебе? Поднимайся-ка да иди работать!

— От работы лошади дохнут! — отвечал лентяй и поворачивался на другой бок.

Наконец надоело ему такие попреки слушать, поднялся он и пошел к сельскому попу.

— Батюшка, — сказал лентяй, — отслужи-ка по мне панихиду и позови людей, пусть меня живым в землю зароят.

— Зачем это тебе? — удивился поп.

— Не дает мне народ покоя. Каждый день бранит за безделье. Авось на том свете никто приставать не будет.

— Ну что ж, пусть будет по-твоему, — согласился поп, отслужил панихиду и позвал двух человек, чтобы отнесли лентя на кладбище. Отправились они — поп впереди идет и кадилом машет, а двое крестьян с гробом за ним. Встретился им по дороге один трудолюбивый человек.

— Куда это вы его несете? — спрашивает.

— На кладбище.

— Стойте, разве можно живого человека хоронить! Что это вы вздумали?

Тут ему всё и рассказали. Трудолюбивый подумал-подумал и говорит лентяю:

— Слушай, пойдём-ка лучше ко мне, я тебе дам меру пшеницы, вот ты и прокормишься, покуда еще чего-нибудь не заработаешь.

— А ты мне какую пшеницу дашь — молотую?

— Ну вот еще! Известно, немолотую.

— Раз так, несите меня на кладбище, братцы. На что мне такая пшеница! Ее и на мельницу отвезти надо, и смолоть, и домой вернуться, и тесто замесить, и испечь, а после того и съесть — уж очень всё это долго и хлопотно. Нет уж, лучше на кладбище!

Отнесли его на кладбище и положили живьем в могилу. Сверху землей закидали, а ко рту трубку подвели, чтобы дышать мог. Прочел поп молитву, кадилом помахал и ушел вместе с помощниками.

А ночью трудолюбивый сказал себе: „Пойду-ка я сейчас да выгоню лень из того бездельника, который в могилу улегся“. Надел он черную одежду, лицо сажой измазал, к голове рога приставил, пошел на кладбище и открыл похороненного заживо.

— Вставай! — толкнул он лентяя ногой.

Тот продрал глаза со сна, вскочил с перепугу на ноги и спрашивает:

— Кто ты?

— Дьявол, — отвечает ему рогатый. — Делили мы нынче души умерших, и твоя мне досталась. Теперь я твой хозяин. Что прикажу, то ты и должен делать, не то брошу тебя в котел с кипящей смолой. Больше тебе на боку лежать не придется.

Лентяя дрожь пробрала.

— Что же я должен делать?

— Вон, видишь, на том конце кладбища куча камней лежит? Должен ты эту кучу на другой конец перетаскать. Поторапливайся! Чтобы до рассвета все камни на новом месте лежали!

Ничего не поделаешь, стал лентяя тяжеленные камни перетаскивать. Таскал он, таскал, кряхтел, падал, потом обливался. Когда всё перенес, переодетый чертом подошел к нему с кнутом в руке и говорит:

— Ну, а сейчас я с тобой расплачусь!

Привязал он его к дереву, поплевал себе на ладони и принялся стегать кнутом. Отстегал хорошенько и сказал: „Теперь знаешь, как черти своим слугам платят! А ну-ка полезай обратно!“ И потащил лентяя к могиле.

Лентяй улегся в нее, а его мучитель бросил сверху две-три лопаты земли и ушел восвояси. Вскоре и светать стало. Лентяй очухался, руками, ногами пошевелил и, увидя, что черт лишь едва присыпал его землей, поскорее выбрался из могилы да со всех ног в село бросился. Прибежал, запыхавшись, домой, схватил топор — и в лес. Принялся деревья рубить. Проходит мимо сосед, здороваётся:

— С добрым утром, брат! Что нового на том свете?

— Ох, и не спрашивай, — отвечает лентяй. — Всю-то ночь камни с места на место перетаскиваешь, а в награду тебя же потом и колотят почем зря!

— Ну как, вечером опять на кладбище уйдешь? — спрашивает сосед.

— Да ты в своем уме? Уж лучше я весь лес вырублю, чем у черта батраком буду!

И снова взялся за работу.

НУЖДА

У одного дровосека было два сына. Каждый раз, отправляясь в лес, он брал одного из них себе в помощники. Однажды запряг дровосек телегу и сказал своим сыновьям:

— Ну, ребята, поезжайте сегодня сами в лес за дровами, а я дома останусь, отдохну.

Парни обрадовались случаю заменить отца и поехали. Выезжая со двора, старший обернулся и спросил отца:

— Батюшка, а если телега поломается, кто нам ее починит?

— Не заботьтесь об этом, — ответил отец, — если поломается, поκληйте нужду, она и починит.

Приехали парни в лес, распрягли волов, пустили их пастись, а сами взялись за топоры. Живо нарубили дров, нагрузили телегу доверху, впрягли волов и поехали домой.

Вдруг посреди дороги, при спуске, перегруженный воз раскатился, толкнул ярмо и сломал шкворень. Пареньки так и ахнули: как теперь

быть, как довести воз с дровами? Тогда старший вспомнил о наказе отца и принялся кричать, что было мочи:

— Нужда! Нужда! Иди почини нам телегу!

Никто не отозвался.

— Нужда-а-а, — еще громче стал звать младший, — иди скорее, не то мы пропали!

Но лес по-прежнему не откликался, никакой нужды не было видно.

Стемнело. Птицы попрятались в свои гнезда. Месяц на небе появился.

— Брат, — сказал меньшей, — видать, эта проклятая нужда не придет. Кто ее знает, где она запропастилась, может, чинит другую телегу, а может, спит под каким-нибудь деревом. Давай-ка мы сами починим нашу телегу.

— Как? — спросил старший. — Это ведь не легкое дело!

— Срубим на шкворень сухое кизиловое дерево, обстрогаем — и готово!

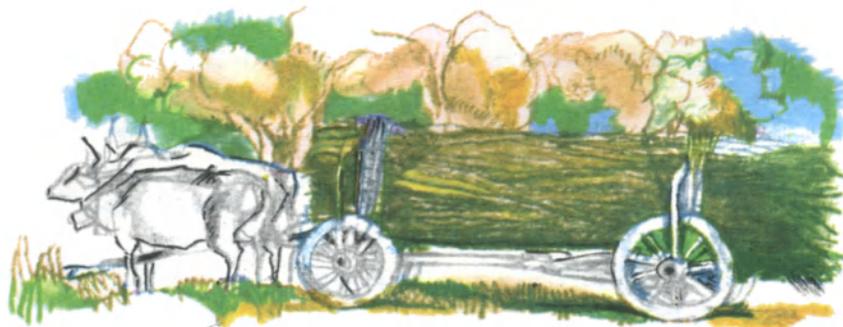
Сказано — сделано. Принялись проворные пареньки искать кизил, нашли сухое дерево, срубили, хорошенько обтесали, смастерили новый шкворень и поставили на место сломанного.

Поехали домой.

Пока разгружали дрова, рассказали отцу о случившемся. Принялись, дескать, мы звать нужду. Кричали, кричали, глотки надорвали, а она так и не отозвалась, будто сквозь землю провалилась. Тогда взялись мы за дело сами, сделали новый шкворень, крепче старого.

Отец улыбнулся и сказал:

— Эх, сынки, сынки: вы искали нужду в чаще, а она возле вас была. Она и помогла вам починить телегу. Подумайте немножко — и поймете, что я прав.

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ — САМ В НЕЕ ПОПАДЕШЬ

Ходил из дома в дом слепой нищий

и приговаривал:

— Не рой другому яму — сам в нее попадешь, не рой другому яму
— сам в нее попадешь.

Услыхала его жена сельского богача, что семь шкур драл с бедняков,
и пригрозила:

— Знаю, это ты про моего мужа болтаешь, ну да ничего, попадись
ты мне еще раз, я тебя как следует проучу.

Подвернула она рукава и замесила калач, а прежде чем посадить его
в печь, положила в тесто яду.

В полдень слепой нищий проходил мимо.

Увидев слепого, жена богача окликнула его:

— Эй, дедушка, иди сюда!

И подала ему калач.

— Возьми, — сказала она, — теплый еще. Это я для тебя испекла, чтобы отблагодарить за мудрые слова.

Нищий поклонился, взял калач, опустил его в суму и отправился в путь. Вышел за село, пошел широкой дорогой.

Поздно вечером в поле повстречался ему всадник. Это был сын злой богачки, он ехал с гор, где паслись отцовские отары овец.

— Эй, дед! — окликнул старика богатеяв сын и остановил коня. — Ходишь день-деньской, побираешься, наверняка найдется у тебя в суме кусок хлеба. Дай поесть, у меня от голода в животе урчит. Там, в горах, чабаны едят просяные лепешки, я не могу.

— Дам, сынок, — сказал нищий и достал из сумы калач. — Вот, отломи половину. Одна добрая женщина дала мне этот калач.

Богатеяв сын схватил калач и крикнул:

— Весь, весь отдай! А ты выпросишь другой — тебе все равно больше делать нечего!

Набил он рот калачом, замешанным руками его матери, тронул коня и ускакал.

Добравшись до дому, жадный богатеяв сын вдруг начал корчиться от боли и стонать:

— Ох, ох, умираю!

Мать испугалась, не знает, как быть. Ей пришло в голову, что сын отравлен, и она спросила его, что он ел.

— Ничего, — ответил больной, — целый день маковой росинки во рту не было, только к вечеру съел один калач.

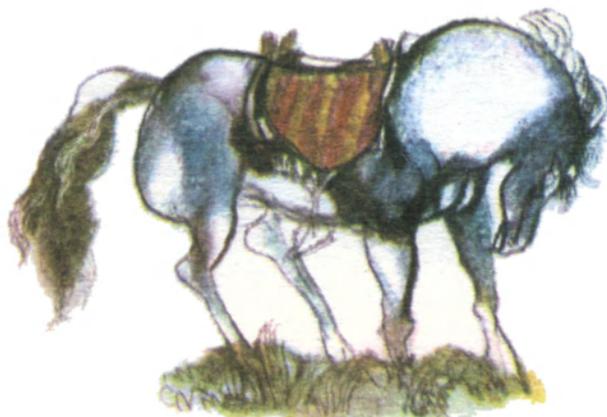
— Кто тебе его дал?

— Один слепой нищий. Я встретил его на дороге, попросил у него хлеба, и он дал мне калач.

Услыхав эти слова, мать запричитала:

— Ох, я, несчастная, что я наделала! Говорил нищий: не рой другому яму — сам в нее попадешь, правильно говорил, да я его не послушала!

И стала рвать на себе волосы от горя.

ДВА СОСЕДА И ГОРЕ

Жили два соседа. Один богатый — дом полная чаша, а другой — последний бедняк: во дворе хоть шаром покати. Пошел раз бедняк к богачу и начал к нему стучаться. Богатый вышел на стук.

— Чего надобно? — спрашивает.

— Пришел я к тебе, чтобы ты меня накормил, напоил, — отвечает бедняк, — потому что умираю я с голоду.

Богач почесал в затылке:

— Накормить мне тебя, — говорит, — нечем, а пить я тебе дам. Вон там стоит бочка с дождевой водой — иди, пей, сколько хочешь.

Опустил голову бедняк и пошел домой опечаленный. Идет по дороге и вдруг слышит за собой шаги — тихие, словно кошачьи. Повернулся,

посмотрел — нет никого. Прошел еще немножко — опять шаги слышатся.

— Эй, — остановился бедняк, — кто это идет за мной, как тень?

— Я, — отвечает невидимый спутник.

— Да кто же ты?

— Горе.

Удивился бедняк и спрашивает:

— Чего ты ходишь за мной?

— Потому что ты мне мил и дорог, — отвечает горе.

— С каких же пор ты ходишь за мною?

— С колыбели.

— А до каких пор собираешься ходить?

— До могилы.

Глубоко вздохнул горемыка, но ничего не сказал. Вернулся домой, взял мотыгу, лопату и — прямо на кладбище. Начал молча копать. Копал, копал, выкопал глубокую яму. Присел отдохнуть и опять тяжело вздохнул. Тут невидимая рука коснулась его плеча, услышал он голос горя:

— Зачем тебе эта яма?

— Решил я лечь в нее и развязаться с жизнью.

— И я лягу с тобой.

— Куда?

— В могилу.

— Полезай, раз так! — крикнул обрадованный бедняк. Подождал немного и спросил:

— Где же ты, горе?

— В яме, — ответило горе.

Тогда бедняк схватил лопату и стал засыпать могилу землей. Зарыл горе и ушел.

Принялся он усердно за работу, и всё ему стало удаваться. За год-два пообзавелся он всякой всячиной. Богатый увидел, что дела соседа поправились, и чуть не лопнул от зависти. Вот раз остановил он соседа на улице и стал расспрашивать, откуда у него такая удача.

Вчерашний бедняк рассказал, как сумел запрятать горе в могилу.

„Ты его зарыл, — подумал завистник, — а я его отрою и опять приведу к тебе в дом!“

Взвалил он мотыгу на плечо и пошел на кладбище. Придя туда, крикнул:

— Где ты, горе?

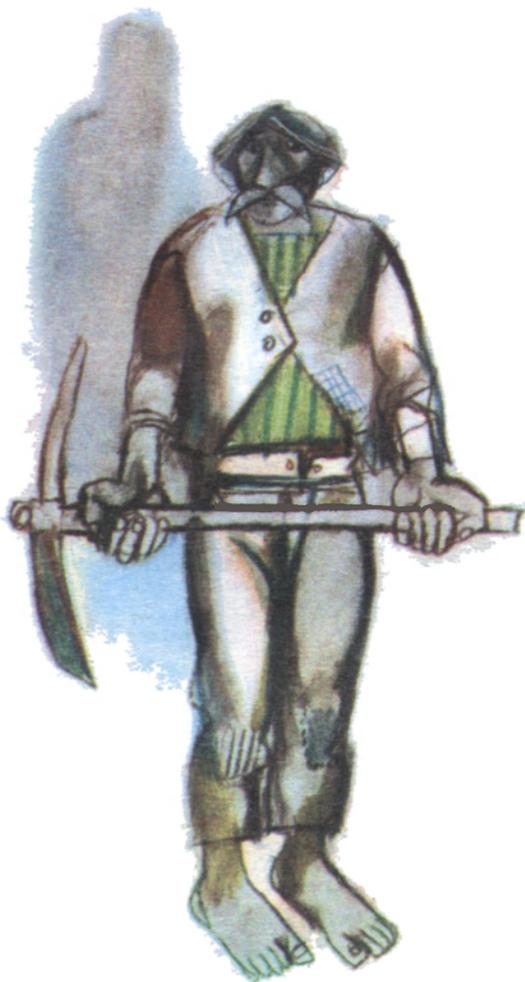
— Здесь я! — глухо из-под земли ответило горе.

Богатый разрыл яму, и горе вылезло из нее.

— Ну, а теперь, — сказал богатый, — ступай скорей к своему хозяину, уж очень он по тебе соскучился.

- Ни за что, — ответило горе, — не хочу!
- Почему?
- Потому что я столько лет ходило за ним, а он оказался неблагодарным, зарыл меня в землю.
- А к кому же ты пойдешь? — спросил богатый.
- К тебе. Ты теперь мне мил и дорог за то, что вырыл меня из могилы.

И как пристало горе с этой минуты к завистливому богачу, так и не отстало, пока не пустило его по миру.

КАМЕНЬ И ВОЗЧИКИ

Однажды ночью в горах разбушевалась буря. Молнии сверкали в небе, лил проливной дождь, бешеные потоки хлынули в долину. Они разрушали всё на своем пути, выворачивали деревья с корнями, прорывали овраги, катили большие камни. От белой гранитной скалы, что нависла над узкой горной дорогой, оторвалась огромная глыба и рухнула вниз. Упала посреди дороги, глубоко зарылась в размякшую землю, да так там и осталась.

Наутро засияло ясное летнее солнце. Заблестели капли росы на сорванных бурей листьях, поднялась полегшая трава. На дороге, со стороны проснувшейся деревни, показалась телега, которую тянули два криворогих буйвола. На ней сидел крестьянин и весело насвистывал. Это был лавочник, ехавший в город за солью и дегтем. Добравшись до большого камня на повороте дороги, буйволы остановились: камень загородил им путь. Слева, в глубокой пропасти, шумела мутная река, справа возвышались

крутые скалы, и проехать было негде. Крестьянин, увидев посреди дороги глыбу, почесал затылок, слез с телеги, подошел к камню и ударил его ногой, потом налег на него спиной, но сдвинуть не смог.

— Ну и камень же упал этой ночью! И не сдвинешь. Подожду, авось появится кто-нибудь посильнее меня и сбросит его вниз.

И он сел у дороги, вынул ножик, взял палочку и стал ее строгать. Немного погодя, подъехала вторая телега, нагруженная дровами. Вел ее дюжий турок, подпоясанный красным кушаком. Он крикнул еще издали:

— Эй, зачем остановил телегу посреди дороги? А ну, сворачивай в сторону, дай проехать, я спешу.

— Спешить-то, может, ты и спешишь, — ответил крестьянин, — да только сперва надо подойти и сдвинуть эту глыбу, а тогда и дальше ехать.

— Какую еще глыбу? — спросил турок.

— А ты подойди сюда, тогда и увидишь.

Турок подошел, поглядел, снял куртку, приналег на камень с одной стороны, навалился с другой, но тоже не смог его сдвинуть.

— Ничего не поделаешь, — покачал он головой, — подождем, может, подойдет человек посильнее нас и расчистит нам путь.

Сел рядом с крестьянином и закурил сигарку. Прошло немного времени, подъехал новый возчик. Старый, сгорбленный, шея тонкая, руки жилистые, да видать, норовом горяч. Как только разобрал он, почему остановились перед ним две телеги, раскричался, соскочил с облучка, запрыгал петушком возле камня. Но и он не смог его сдвинуть. Угомонился и уселся рядом с другими. Немного погодя подъехали две телеги, нагруженные горшками. Их хозяева спешили на ближайшую ярмарку и очень забеспокоились, увидев, что никак им не проехать. Один из них так рассердился, что начал бить упавший камень плетью, чтобы наказать его. Возчики, глядя на него, так и покатались со смеху. А время летело. Подошел полдень. И вскоре перед камнем стоял целый обоз. Толпа шумела, один за другим возчики мерились силами, но не могли даже раскачать гранитную глыбу... И вот, показался на дороге старичок. На плече он нес палку, а на ней корзину с черешнями. Старичок поздоровался с возчиками и хотел было пройти мимо.

— Тебе хорошо, у тебя телеги нет, легко пройдешь на ту сторону и продашь черешни на рынке, — с завистью крикнул ему вслед один из гончаров.

— Проезжайте и вы, — обернулся к ним старик.

— Как же это?

— С умом.

— Здесь нужен не ум, а сила, — ответил гончар. — Мы все, один за другим, пробовали сдвинуть камень, да никто не мог.

— А чего же вы не попробуете все вместе? Ведь вон вас сколько здесь собралось. А ну-ка поднатужьтесь малость! Но если вы ждете, чтобы вышел из могилы Марко-Королевич да сдвинул вам камень, — долго вам придется ждать!

Твоя правда! — крикнул возчик. — Братцы, давайте все дружно возьмемся и сдвинем камень!

Столпились возчики возле тяжелой глыбы, поплевали себе на руки, напряглись как следует и столкнули ее вниз.

С грохотом покатился камень в пропасть. Дорога была расчищена, и возчики свободно поехали дальше.

КАКИЕ ЛЮДИ НА СВЕТЕ БЫВАЮТ

Жил на свете старик, звали его дед Петко. Была у него жена Станка и дочка Пена.

Дед Петко в поле работал, а они дома хозяйничали. Вот раз сидели мать с дочерью возле очага и пряли. Пена и спрашивает:

- Матушка, когда выйду я замуж, у меня, поди, ребеночек родится?
- Известно, родится, — отвечает мать.
- А как мы его назовем?
- Известно, Петко.
- А где он спать у нас будет?
- В зыбке — где же еще? Так уж повелось.
- Ах, матушка, а коли зыбка сорвется, упадет мой Петко наземь и убьется до смерти.
- Да уж коли убьется, так до смерти, — говорит мать.
- Родименький! Легко ли маленькому такому помереть! Давай поплачем над ним, матушка!

— Давай, дочка! — согласилась та, и обе заголосили.

Плачут-надрываются. Нерожденного мальчика оплакивают. Так весь день и проревели. К вечеру вернулся дед Петко, отворил дверь, а они сидят, слезами заливаются.

— Станка, Пена, о чем это вы плачете?

Рассказали они ему про свое горе. Покачал старик головой и говорит:

— Хорошенькое дело! Да кто же это нерожденное дитя оплакивает? Хоть и не верится мне, что есть на свете люди глупее вас, но все же пойду поищу, может, и найдутся такие!..

Взял дед Петко свою котомочку и вышел из дому. Пошел по белу свету бродить. Шел, шел, видит — чье-то поле. Посреди того поля ореховое дерево растет, а под ним три человека стараются вилами орехи собрать и в мешок их ссыпать. Пыхтят, мучаются, а орехи промеж зубьев проскальзывают и обратно на землю падают.

— Добрый день, братцы! — поздоровался с ними дед Петко. — Что это вы делаете?

— Орехи собираем, не видишь, что ли?

„Да они не умнее моих баб!“ — подумал дед Петко и сказал:

— Не так это делается.

— А как?

— Возьмите лопаты, да и побросайте ими орехи в мешки.

Послушались они его совета и вскорости наполнили свои мешки.

Собрался было старик уходить, но они остановили его:

— Спасибо тебе, дедушка, что уму-разуму нас научил!

И доверху насыпали ему котомку орехами.

Пошел дед Петко дальше. Приходит в одно село. Видит, стоит посреди села старая каменная стена, сверху густой зеленой травкой поросла. А под стеною два крестьянина надрываются — осла на нее втащить пытаются.

Подивился дед Петко и спрашивает:

— Эй, приятели, что вы здесь делаете?

— Осла на стенку втащить хотим.

— Зачем?

— Чтобы травки пощипал. Да вот никак не можем — уж больно тяжел, проклятый!

— Ну-ка принесите мне серп! — сказал дед Петко. — Я вам покажу, что надо делать.

Принесли ему серп. Старик поднялся на цыпочки, мигом всю траву срезал и положил перед ослом.

Тот потянулся к ней и стал есть.

— Смотри ты, до чего просто! Спасибо тебе, дедушка! — сказали

крестьяне и дали ему только что испеченную пшеничную лепешку.

Пошел дед Петко дальше. Глядит — двор полон народа. Веселятся люди, песни распевают, на скрипках играют, в барабаны бьют.

„Никак свадьба“, — подумал старик и остановился посмотреть. Видит, молодые стоят как вкопанные у порога, а в дом не входят. Почему? Да потому, что дверь низкая, а невеста высокая, вот и не может пройти.

И никто в толк не возьмет, как ее ввести. Вдруг один из гостей — самый старый и самый догадливый — говорит:

— Давайте ей ноги отрубим, уж очень они у нее длинные, подкоротить надобно.

— Нечего их подкорачивать, ноги как раз впору, лучше голову срубим — она выше притолоки. И то правда, без головы человек еще как-нибудь обойдется, а без ног шагу не ступит! — рассудил другой.

— Принести, что ли, топор? — спросил третий.

Тут вышел вперед один каменщик:

— Не трогайте, — говорит, — женщину, давайте лучше притолоку разломаем!

Тогда уж вмешался и дед Петко.

— Погодите, люди добрые, нечего притолоку ломать и молодую увечить, пусть-ка она лучше немножечко нагнется!

Услыхала невеста эти слова, быстро нагнулась и прошла в дверь. Гости диву дались — какой умный этот прохожий! Повели его с собою, усадили за стол, три дня и три ночи жареными курами, пирогами да вином потчевали.

Погостил у них дед Петко и пошел дальше. Пришел в другое село. Видит — дом с вышкой, на ней мальчонка в одной рубашке стоит, а внизу его мать новые штанишки держит и покрикивает:

— Прыгай, сынок, в штанишки! Прыгай!

А мальчонка назад пятится — видно, не хочется ему прыгать.

— Что тут у вас творится? — спрашивает дед Петко.

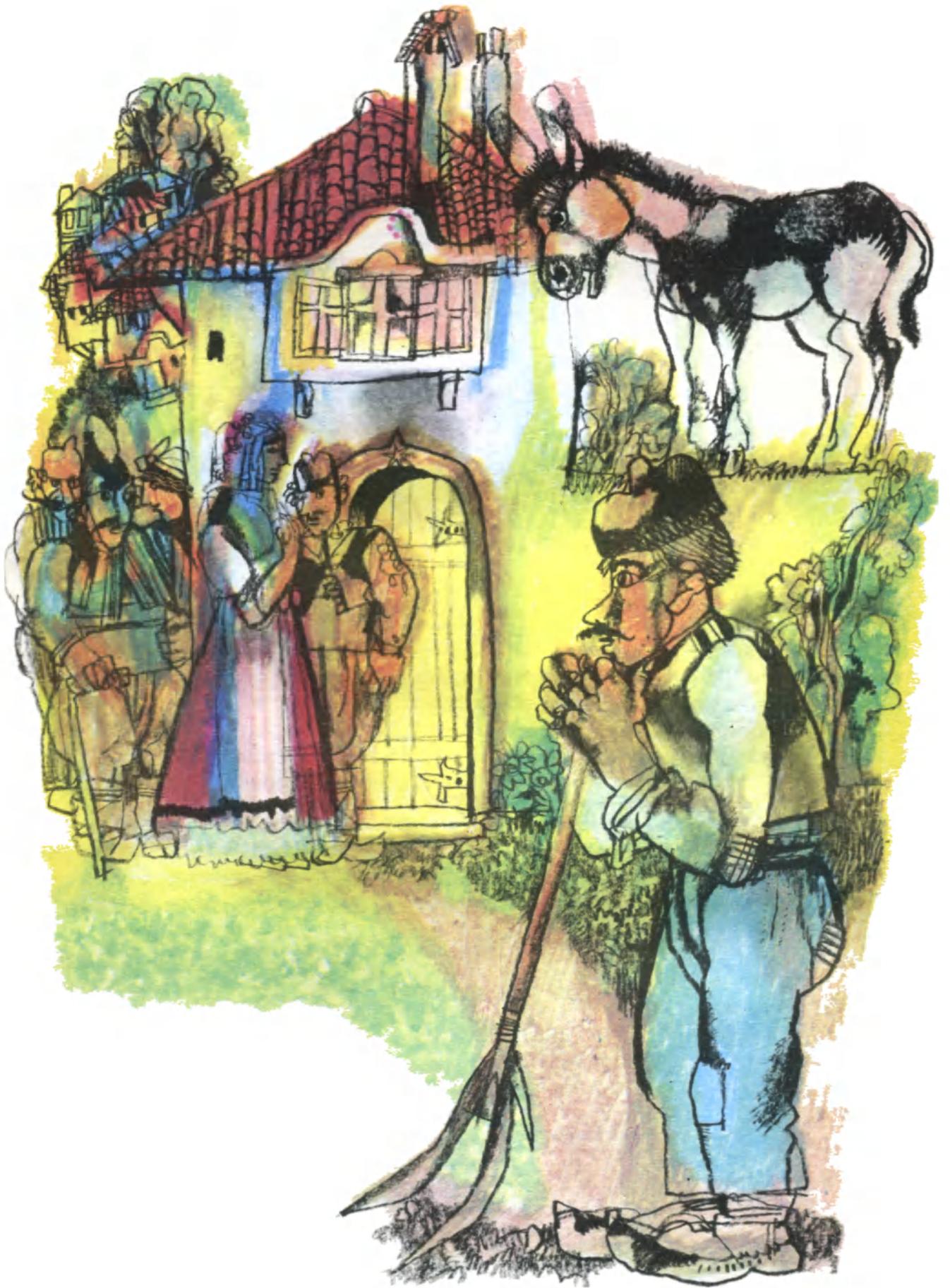
— Сшила я сынку новые штанишки, — отвечает мать, — дай, думаю, примерю ему, а он вон где. Вот я и хочу, чтобы сынок в них сверху прыгнул.

— Как же так можно! Ведь убьется парнишка, — сказал дед Петко.

— Пусть он спустится вниз по ступенькам, одну ногу в левую штанину сунет, а другую — в правую. Вот как их надевать нужно!

Женщина послушалась совета и легко надела на сына штаны, а в благодарность сняла с руки серебряный браслет и подарила старику.

Вышел дед Петко на широкую ровную поляну. Видит — плотники дом ставят. Двое из них ухватили бревно за концы и изо всех сил каждый к себе тянет.

- Что это вы? — удивился дед Петко.
- Да вот бревно растягиваем.
- Зачем?
- Больно короткое.

Покачал головой дед Петко.

- Напрасно силы тратите. Ничего у вас так не выйдет.
- А как же нужно?
- Возьмите еще одно бревно и сколотите их вместе.

Плотники так и поступили — хорошо получилось. На радостях подарили они деду Петко острый топор.

Ходил дед Петко из села в село и всё дивился: сколько на земле бестолковых и некому их уму-разуму научить.

Повстречалась ему раз какая-то женщина. Идет она, хворостиной корову подгоняет, а на шее у коровы висит золотое монисто.

- Ты кто такая? — спрашивает дед Петко.
- Разве ты не знаешь меня? Мой муж первый богач в нашем селе.
- А куда ты корову гонишь и для кого ее так обрядила?

— Корову подарю куму, а золото — куме. У нас и скотины, и денег без счету. Коли тебе по дороге, отведи вместо меня корову, а то мне недосуг. Дома у нас страсть сколько мух развелось, так я их палкой бью. Сладу нет с погаными!

— Хорошо, — согласился дед Петко, — почему не отвести, только ты скажи, где то село, в котором кумовья твои живут.

— Вон там! — И богачка закивала головой, словно лошадь над пустой кормушкой, а потом убежала.

Подивился еще раз дед Петко людской глупости и повел корову. А так как никто не мог ему сказать, где находится неизвестное село, отвел ее к себе домой и к тому же принес много гостинцев старухе Станке и дочери Пене.

ИЗБАЛОВАННАЯ ДОЧКА

Жили в одном селе муж с женой, и была у них одна-единственная дочка, которую они так любили, что и пылинке не давали упасть на нее. Всё на руках носили. Мать и отец с утра до вечера гнули спины на работе, а дочка ничегошеньки не делала. Допоздна, бывало, лежит в постели. Когда же надоест ей валяться, мать оденет ее, причешет и, как малое дитя, с ложечки накормит. Потом постелет у очага мягонькое одеяльце, избалованная дочка усядется на него и опять задремлет. Станет ей холодно, она только одно слово и скажет:

— Подтащите!

Отец с матерью тотчас же прибегут, подхватят ее под мышки и подтащат поближе к огню. А как станет ей жарко, второе слово промолвит:

— Оттащите!

И старики оттащат ее назад.

Долго ли, коротко ли, глядь, подросла избалованная дочка и зане-

вестилась. Начали к ним в ворота стучаться сваты. Мать, встречая их, говорила:

— Что ж, мы согласны, но наперед должны вам сказать, что она у нас нежная. Будете ли вы холить ее так, как мы?

И рассказывала, как дочка их любит у огня посидеть, как они подтаскивают и оттаскивают ее и как с ложечки кормят.

— Ну нет, такая невеста не для нас! — покачают головой сваты и уйдут.

Много народу перебивало у них, но никто не решался взять к себе в дом избалованную дочку. Наконец явился к ним один парень. Грязный, усталый, рубаха от пота взмокла, руки от работы потрескались. Прямо с поля пришел.

Когда мать рассказала ему, какова их дочка, парень промолвил:

— Как раз такая жена мне и нужна. Мы с ней заживем, словно голубь с голубкой. На руках носить ее буду. Выдайте ее за меня.

— Хорошо, — согласились старики, оттащили дочку от огня, в подвенечное платье нарядили и посадили в телегу.

Парень отвез ее к себе домой. Постелил дерюжку возле очага и усадил на нее свою молодую жену. Потом пошел во двор, наколот дров, принес их целую охапку и развел большой огонь. Когда поленья разгорелись, молодежи стало жарко, и она крикнула:

— Оттащи!

Но муж почесал в затылке, притворился, будто ничего не слышал, и вышел.

Огонь в очаге запылал так сильно, что чулок на ноге избалованной дочки начал тлеть.

— Оттащите! — во весь голос закричала она. А оттащить-то ее некому. Делать нечего, сама вскочила и выбежала за порог. Хорошо еще, что догадалась сунуть ногу в корытце, где была вода для собаки, не то сгорела бы у нее нога.

А уж поздняя осень была. На дворе холодный ветер дул. Посидела молодая у порога, продрогла и начала от озноба зубами стучать.

— Подтащите! — опять закричала она. — Подтащите!

Но, увидев, что никто не приходит на ее зов, поднялась и сама добрела до очага.

Ужин сготовить было некому, и молодые улеглись спать, не поев.

На другой день муж поднялся на зорьке и проговорил, будто обращаясь к подстилке, на которой лежала у очага его голодная жена:

— Слушай, подстилка, я ухожу пахать, а ты свари обед. Половину жене моей оставь, а остальное мне отнеси. Только, смотри, не запаздывай, а то палки отведаешь.

Отправился муж в поле, а жена знай себе полеживает. Подошло время

обедать, она и давай теребить подстилку:

— Ну-ка, вставай, лежебока, или ты не слыхала, что хозяин велел? Приготовь обед, я уже с голоду помираю.

Подстилка словно и не слышит.

— Ну смотри, после пеняй на себя! — пригрозила ей молодая.

Вечером вернулся хозяин, продрогший, голодный.

— Ты почему это не принесла мне нынче обед? — закричал он как будто бы на подстилку. А жену попрекнул: — Ты хоть бы ей напомнила!

— Да уж я говорила, говорила ей, муженек, а она и слышать ничего не хочет, — стала оправдываться молодая.

Тогда голодный муж схватил подстилку, накинул ее своей жене на спину и ну охаживать ее дубинкой.

— Ой, ой, муженек! — заголосила молодлица. — Ты подстилку колотишь, а больно-то мне!

— Терпи, жена, терпи, я ее бью, чтобы она тебя слушалась, — отвечает муж, а сам знай дубинкой машет.

И на этот раз пришлось им лечь голодными. На третий день опять то же самое. А на четвертый день поняла избалованная дочка, что подстилка знать ничего не хочет и обеда хозяину не сготовит. Засучила она рукава, прибрала всё в доме, сварила горшок бобов, напекла лепешек, приделась, воткнула цветок себе в волосы и отнесла мужу обед. Сели они рядышком и наелись вдосталь.

Покончил муж с едой и говорит:

— Наконец-то подстилка образумилась.

— Какое там образумилась. Она и с места не двинулась. Только и знает, что валяться у очага.

— А кто же обед сготовил?

— Я.

— Раз так, выкинь-ка ты эту дерюгу во двор. Видеть ее не хочу.

Вечером муж увидел, что в доме всё прибрано, и сказал жене:

— Ты больше не позволяй дерюге разлеживаться возле очага, иначе опять запляшет дубинка.

— Ни за что не впущу ее в дом! — ответила молодлица. — Коли она вернется, у меня же спина болеть будет. Чего ради мне мучиться из-за такой лентяйки!

Стали молодые жить да поживать. Муж в поле работал, а жена в доме хозяйничала. И вот вздумалось как-то ее матери навестить их.

— Пришла я, доченька, поглядеть, как ты живешь-поживаешь, — сказала она еще с порога. — Носит ли тебя муж на руках, кормит ли с ложечки? Подтаскивает ли к огню, когда тебе холодно, оттаскивает ли, когда жарко?

— Ах, матушка, кабы ты знала, что случилось! — стала рассказывать

ей молодлица. — Лежала у нас перед очагом дерюжка, уж такая негодница да ленивица. Муженек мой каждый день дубинкой ее охаживал, а она так ничему и не научилась.

И дочка обо всем поведала матери. Та рассердилась и давай кричать:

— Ах, вот как! Стало быть, муженек заставляет тебя и готовить, и пол подметать! Да разве пристало твоим рученькам за веник браться, дитятко мое милое? Какой скверный человек нам попался! Нечего тебе оставаться в этом доме! Где твое приданое, доченька? Забирай-ка его с собой и поскорей уйдем отсюда.

— Куда же мы пойдем, матушка? — спросила дочка.

— Домой. Я буду заботиться о тебе, как и прежде. Не согласна я, чтобы ты тут от работы надрывалась.

Молодая не посмела послушаться матери, собрала в большой узел свое приданое, взвалила мать этот узел себе на спину, и они отправились. Только вышли на улицу, а навстречу им хозяин — с поля возвращается.

— Куда это ты ее ведешь? — спрашивает он тещу.

— Домой забираю. Потому что вздумал ты работой ее изводить, а она к этому не приучена!

— А ну-ка, возвращайтесь обратно, не то плохо придется! — крикнул в сердцах хозяин и заставил их вернуться назад.

Вошли они в дом.

— Накрывай на стол, я голоден, как волк! — говорит хозяин жене.

— Разлей похлебку в две миски и лепешку дай!

Молодая разлила похлебку в две миски и подала мужу лепешку. Тот разломил ее на две части, одну себе взял, а другую протянул жене и сказал:

— Ешь!

— А мне? — спросила теща.

— Тебе? — удивился зять. — На твой роток золотой, что учит мою жену бездельничать, у меня найдется кое-что другое.

Пошел он в ригу, принес оттуда торбу с соломой, повесил теще на шею и сказал:

— Ешь!

Та позеленела от обиды, бросила торбу наземь и крикнула:

— Ноги моей больше у вас не будет, так и знайте!

Хлопнула дверью и побежала к себе в село.

Вернувшись домой, напустилась она на мужа:

— Сейчас же возьми дубинку и приведи мою дочь. Она у нас в холе жить приучена, а не батрачить. Ну-ка, поторапливайся!

Отправился старик к своей избалованной дочке. Расспросил ее, как она живет, и, поняв в чем дело, сказал:

— Я, дочка, пришел забрать тебя, но вижу, что нечего тебе домой возвращаться. Оставайся лучше у мужа. Мы с матерью твоей уже состарились, того и гляди помрем. Некому будет тебя от огня оттаскивать. Чего доброго, сгоришь ненароком. А как, тяжело тебе работать-то?

— Все не тяжело, батюшка, я ведь молодая да здоровая.

— Вот ты и трудись, доченька, мужу своему помогай, а старуху мою не слушай. Пойди-ка сейчас, встретить мужа, поздоровайся с ним поласковее, помоги ему волов распрячь и в хлев их отведи.

Дочка послушалась и побежала навстречу мужу. Тот, увидев ее, удивился и спросил:

— Кто это тебя надоумил? Ты до сих пор этого не делала.

— Батюшка, — ответила молодница. — Он к нам в гости пришел.

Муж обрадовался. Вошел в дом, поздоровался с тестем, подал ему подушку, чтобы мягче было тому сидеть, напоил, накормил его до отвала и спать уложил. Утром на прощанье подарил ему шубу на лисьем меху с большим воротником.

А старуха поджидала мужа у ворот. Увидела она издали лисий воротник да как заголосит:

— Ой-ой, старче, что же это наш зять проклятый делает! Меня солтому есть заставлял, а с тебя, с живого, шкуру содрал!..

НЕДОТЕПА

Жила-была на свете одна женщина, и уж такая была она недотепа! Муж ее трудился с утра до вечера, а она всё слонялась по двору без дела.

— Жена, — сказал как-то муж, — сшей мне рубаху, старая совсем износилась.

— Не одну, а целых пять сошью, — ответила жена.

Взяла она полотно, которое ткала ее мать, и пошла в лес. Набросила полотно на куст шиповника и сказала:

— Шиповник, шиповник, сшей моему мужу пять рубах!

В это время налетел ветерок, качнул ветки, они зашелестели: „Хо-о-ро-о-шо-о!“

Женщина обрадовалась и пошла домой. В это время по дороге мимо куста шиповника шел прохожий, увидел белое полотно, взял его и пошел дальше. На другой день женщина пришла к кусту и спросила:

— Шиповник, шиповник, готовы рубахи?

Куст молчал.

— Куда же ты дел мое полотно?

Куст опять ничего не ответил.

— Ну, хорошо же, я тебе покажу! — пригрозила недотепа, схватила палку и давай бить куст. Била, била, устала, пошла домой за мотыгой, чтобы выкопать куст. Копала, копала и выкопала горшок с золотыми монетами. Наклонилась, сунула в горшок руку, загребла горсть монет и говорит:

— Ого, какое крупное просо!

Понесла она горшок домой. Идет и еще издали кричит мужу:

— Эй, муженек, иди посмотри, какое просо я нашла, — стодится весной цыплят кормить.

Муж вышел, видит: в горшке золотые монеты. Надумал он спрятать их от жены подальше, как бы она соседям не раздала.

— Жена, — сказал он. — Видишь вон то облако? Пожалуй, быть граду. Давай-ка я тебя спрячу, не то тебя еще убьет.

— Спрячь меня, муженек, очень я боюсь града, — испугалась жена. — Только где ты меня спрячешь?

— Выкопаю яму, ты залезешь в нее и будешь там под рогожкой сидеть, пока град не пройдет.

— Ладно, — согласилась жена.

Выкопал муж яму. Посадил туда жену, сверху рогожку накиннул, а на рогожку полкрынки ячменя высыпал. Сбежались куры, застучали клювами по рогожке, а жене казалось, что идет град.

„Ну и крупный же, видно, град идет“, — подумала она и прильнула глазом к дырке, чтобы поглядеть. Одна курица, увидав блестящий глаз, вытянула шею и клюнула. Осталась женщина с одним глазом. А муж, пока она сидела в яме, спрятал горшок с монетами в амбаре.

Выбралась из ямы недотепа, вышла на улицу и ну хвалиться:

— Выкопала я горшок с просом — зернышки, как колесики!

Догадались соседи, что недотепа нашла золотые монеты, и рассказали судье об этом. Судья позвал к себе мужа и жену. Сначала спросил жену:

— Какое ты просо нашла?

— Желтое, зернышки, как колесики.

Судья вытащил из кошелька золотой.

— Такие?

— Такие.

— А когда ты их нашла?

— Когда шел большой град, и тебе, и мне глаз выбило. (Судья был кривой на один глаз).

— Видишь, судья, что за недотепа. Никаких монет она не находила, — сказал муж.

Судья поверил мужу и отпустил их.

На следующий день муж пошел на ниву. Тут в село въехала телега, груженная глиняными горшками. Гончар шел рядом с телегой и кричал:

— Горшки продаю!

Вышла одноглазая недотепа и спросила:

— Почему продаешь?

— Отдаю горшок за крынку пшеницы.

Женщина взяла крынку, пошла в амбар за зерном. Разгребла пшеницу, наткнулась на горшок с золотыми.

— Ну и везет же мне! — сказала она. — Нашла свое просо. Дам-ка я гончару вместо пшеницы проса.

Наполнила она крынку монетами и понесла гончару. У того при виде золота глаза разгорелись, схватил он крынку, высыпал монеты в суму и кинулся прочь, забыв и про телегу, и про волов, и про горшки.

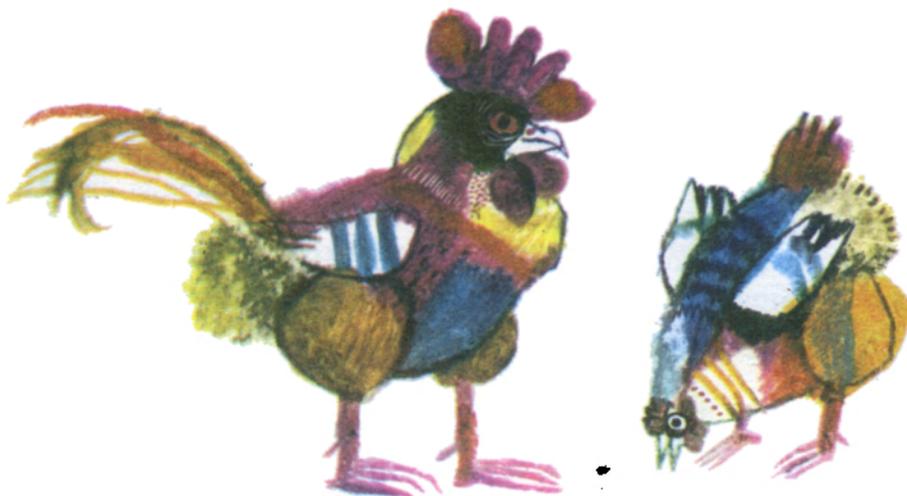
— Ох, и глупый же гончар! — засмеялась недотепа. Сгрузила она горшки с телеги, повесила на колышки плетня. Для всех место нашлось, только один, надбитый, некуда деть.

— А ну-ка, подвиньтесь! — крикнула глупая баба горшкам.

Горшки не шелохнулись.

— Подвиньтесь, не то переколочу!

Но горшки и не думали двигаться. Тогда она схватила палку и переколотила все горшки. А потом повесила надбитый горшок на самый высокий кол, села посреди двора и стала горланить песни.

МУДРЫЙ СТАРИК

Один жестокий царь велел казнить всех старых людей в своем государстве.

— Какая от них польза? — сказал он. — Они не пашут, не жнут и дров не колют. Только хлеб едят да всем в доме мешают. Без них жить будет легче.

Засучили рукава царские палачи и отрубили головы всем старым людям. Только один старик остался в живых. Сын его, знатный боярин, пожалел отца, спрятал в надежном месте и кормил тайком от всех. А у этого жестокого царя был норовистый вороной конь, к которому никто не смел подойти: он лягался, кусался, ездовых с себя сбрасывал. Прослышал царь, что в столице его живет одна хитрая знахарка, и велел позвать ее во дворец. Стал он спрашивать ее, не знает ли она, как укротить норовистого коня.

— А вот как, — ответила знахарка. — Прикажи, царь-государь, своим боярам ссучить веревку из песка. Стоит только связать твоего коня этой веревкой, и он сразу же делается смирным, как овечка.

Царь почесал себе затылок и созвал бояр.

— Слушайте, бояре, что я вам приказываю! — сказал он. — Завтра же принесите мне веревку из песка. Если не принесете, я велю головы вам отрубить!

Разошлись бояре по домам невеселые. Никто не знал, как ссучить из песка веревку. Среди бояр был и тот, который спас жизнь своему отцу. Когда он вернулся домой, пригорюнившись, старик спросил его:

— О чем кручинишься, сынок?

Рассказал ему боярин, чего царь требует.

— Только-то и всего? Не тужи. Когда вы придете завтра к царю и он спросит: „Ну как, выполнили мое приказание?“ — ты отвечай: „Царь-государь, мы готовы ссучить из песка веревку, да не знаем какую — толстую или тонкую, желтую или красную. Покажи нам такую веревку, какая тебе нужна“.

На другой день, услышав умный ответ, царь кивнул головой и сказал:

— Это вы правильно говорите, я должен показать вам веревку, да мне неоткуда ее взять.

И помиловал всех бояр.

В то лето случилась страшная засуха. Всё погорело: и травы, и плоды. Реки и колодцы пересохли. Амбары опустели. Даже для посева не осталось ни зернышка. Хоть с голоду помирай. Закручинился народ. Призадумался и царь. Опять созвал своих бояр.

— Что хотите, то и делайте, но завтра же скажите мне, где достать зерна для посева, не то — мой меч, ваши головы с плеч!

Пуще прежнего опечалились бояре, ума не приложат, где зерна найти. Увидел старик-отец, что сын его голову повесил, и спросил, какая беда с ним случилась.

— На этот раз, батюшка, и ты нам не поможешь.

— Почему?

— Потому что царь требует с нас зерна для посева, а его днем с огнем не найдешь.

— Не печалься, сынок. Как явитесь вы завтра к царю, ты скажи ему, чтобы велел крестьянам муравейники во всем царстве разворошить. Муравьи после людей каждое зернышко подбирают и к себе приносят.

Так оно и вышло. Разворошили крестьяне все муравейники на полях, и в каждом по мешочку зерна набралось. Удивился царь и спросил боярина, который отца своего укрывал:

— Скажи, кто тебе этот мудрый совет дал?

— Не смею сказать, царь-государь, ты велишь меня казнить.

— Обещаю, что волос не упадет с твоей головы, скажи!

Боярин всё и рассказал: как отца своего, против царской воли, от лютой смерти уберег и как тот своими советами помог ему.

Тогда вышел новый закон: старых людей не трогать, а, встретив на улице, дорогу им уступать.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ МУЖ

Наступила осень. Пожухла трава на полянах, пожелтели листья на деревьях. Журавли полетели к югу, закурлыкали высоко в небе...

— Вставай, муж, пора озимые сеять, зима не за горами! — сказала расторопная жена своему ленивому мужу.

— Погрузи на телегу соху, семена, запряги волов, тогда встану.

Жена высыпала в мешок пять мер пшеницы, погрузила на телегу мешок и соху и повела волов к воротам. Муж уселся на телегу и отправился в поле. Прибыв на место, остановился под сливой, что росла посреди поля, распряг волов, перекусил и принялся пахать. Провел одну борозду, высыпал на нее всю пшеницу, — засыпал землей.

— Ну, дело сделано, — сказал он. — Полежу немного в тенечке, что-то солнце сильно пригревает.

Лег он под сливой и хотел было вздремнуть. Но какая-то назойливая муха все жужжала над головой, мешала заснуть.

„Хорошо здесь. Вот только если бы кто муху прогнал, можно было бы выспаться всласть“, — подумал лентяй.

На его счастье муха улетела.

Зевнул он раз, другой и заснул. Проспал до заката. Вечером приехал домой, а жена и спрашивает, сколько он вспахал и засеял.

— Две борозды, — ответил муж, — завтра дойду до сливы.

На другой день всё повторилось, и на третий тоже. Рассердилась жена. На четвертый день сама поехала в поле сеять, а мужа оставила домовничать. Выезжая со двора, наказала ему прополоскать белье в реке, набрать корзину спелых груш и не спускать глаз с наседки да с цыплят, чтоб не утащил их коршун, который целыми днями кружился над селом, высматривая добычу.

„Дай-ка покажу жене, как я ловко управляюсь по хозяйству“, — подумал муж и принялся за домашние дела.

Первым делом переловил цыплят, взял крепкую веревку, одним концом связал им всем лапки, а другой привязал к лапке наседки.

— Ну, теперь никакой коршун не страшен! Пусть попробует украсть цыпленка! — сказал мужик и сам подивился своему уму. Потом взял белье и отправился на реку. На берегу он вдруг вспомнил, что забыл набрать корзину спелых груш, положил белье в воду и поспешил домой. Не успел нерадивый мужик скрыться за холмом, как к берегу подъехал странник верхом на осле. Увидев белье, которое плыло по реке, он сказал:

— Ай да река! Какой подарок мне посылает!

Оглянувшись по сторонам и увидев, что вокруг никого нет, он выловил белье, сел на осла и уехал. А рачительный хозяин, придя домой, перво-наперво, решил накормить цыплят. Взял миску с просом и пошел во двор звать наседку. Звал-звал — нет наседки. Глянул вверх, видит: летит большой коршун, в когтях держит наседку, а под нею висит связка цыплят. Ни дать, ни взять — змей, каких запускают дети.

— Ох, беда! — заохал мужик. Погоревал, посетовал, да и пошел к грушевому дереву. Груша была невысокая, но сучковатая. Глянул мужик вверх, почесал затылок, призадумался: „Что делать? Полезешь на грушу — чего доброго весь исколешься, срублю-ка я лучше дерево и оборву груши!“

Сказано-сделано. Схватил мужик топор и давай рубить, до самого обеда рубил. С треском рухнула груша посреди двора. Взял мужик корзину, начал собирать груши и вдруг вспомнил про белье. Бросил корзину с грушами и побежал к реке. А белья и след простыл.

— Ну, после стольких трудов да беготни и вздремнуть не грех, — сказал нерадивый хозяин и лег под вербой. Спал, пока не взмошел месяц. Потом встал, протер глаза, зевнул и пошел в дом.

Жена встретила его с коромыслом в руках:

— Где белье?

— Река унесла.

— Где насадка с цыплятами?
— Да я, знаешь, привязал цыплят к насадке, а коршун взял да и утащил их вместе с веревкой.
— А грушу кто срубил?
— Я.
— Ах ты, простофиля! Вон из дома: Вовек бы мне тебя не видать!

— закричала жена и замахнулась на него коромыслом.

Прогнала она мужа, заперла дверь.

Пошел мужик куда глаза глядят. Идет, спотыкается в темноте, а сам знай твердит:

— Вон! Вон! Вон!

Шел он, шел, на рассвете дошел до реки. Смотрит, под мостом два рыбака тянут сети. Мужик свесился с моста — ему было любопытно посмотреть на улов, — а сам все бормочет:

— Вон! Вон! Вон!

Рыбаки вытянули сети, глядь, — а в них ни одной рыбешки.

Рассердились тут рыбаки, взбежали на мост и ну мужика колотить.

— За что вы меня бьете? — кричит он.

— Не говори: „Вон!“ В следующий раз кричи: „Таскать вам, не перетаскать!“

Вот мужик дальше идет и бормочет:

— Таскать вам, не перетаскать!

А тут, как назло, на дороге показалась похоронная процессия. Позади телеги, на которой стоял гроб, шло человек двадцать в черной одежде.

Мужик наш тут как гаркнет:

— Таскать вам, не перетаскать!

Услышав такие слова, люди рассердились, поколотили незадачливого мужика и на прощанье сказали:

— Это тебе наука, в другой раз говори: „Вечная память!“

Пошел наш мужик дальше.

Шел, шел, пришел в село. Слышит: волынки заливаются, барабан грохочет. На улице показалось свадебное шествие. Впереди шли музыканты, за ними — жених с невестой.

Мужик как закричит:

— Вечная память! Вечная память!

— Кому „вечная память“, дурья башка? — рассердился жених и ну его колотить. — Мне или невесте? В другой раз будь умнее, бросай шапку оземь, а сам приплясывай и кричи: „Гоп-ля-ля! Гоп-ля-ля!“

Вышел мужик из села и побрел дальше. Спустился в долину, видит: навстречу едет телега, полная доверху глиняных мисок и горшков. В телегу впряжены молодые бычки. Завидев телегу, наш мужик бросил шапку оземь и принялся плясать, выкрикивая:

— Гоп-ля-ля! Гоп-ля-ля!

Бычки испугались, шарахнулись в сторону. Телега перевернулась, от горшков и мисок остались одни черепки. Схватили гончары дурака за шиворот и давай учить уму-разуму:

— Ты бы лучше сорвал пучок травы, протянул бычкам и сказал: „На, бычок, ешь!“

Пошел мужик дальше, видит: две старушки сидят на припеке, дремлют и тихонько разговаривают. Он сорвал пучок травы, сунул одной старушке под нос и говорит:

— На, бычок, ешь!

Старушка как замахнется, да как огреет его клюкой.

— Ты что это, негодник, вздумал над нами смеяться! — крикнула она сердито. — В другой раз увидишь старушек вроде нас, сними шапку да поклонись.

— Ладно, — ответил мужик и пошел дальше.

К вечеру добрался до села. Видит: у околицы две собаки дерутся из-за кости. Наскакивают друг на друга, рычат.

Мужик, не долго думая, снял шапку и поклонился. А собака как ухватит его за ухо. Закричал бедняга, отбежал и сел в сторонке. Оторвал от рубахи лоскут, перевязал себе ухо.

Проходил мимо крестьянин с косой на плече.

— Почему это у тебя ухо перевязано? — спрашивает.

Мужик рассказал ему про свою беду. Косарь рассмеялся.

— Нечего было совать голову в собачью пасть. В другой раз, как увидишь такое, хватай палку и бей!

— Так и сделаю! — ответил мужик, встал и пошел дальше. Смотрит: у ворот двое детей играют в кости.

Мужик тут выдернул из соседнего плетя кол да как замахнется. А отец мальчишек увидел это, прибежал, выхватил у мужика кол и закатил ему оплеуху.

— Ты в своем уме? — закричал он. — Что тебе сделали дети? Чем колом замахиваться, лучше бы достал из кармана денежку, дал им и сказал:

— Возьмите, детки, купите себе по калачику!

Пошел злополучный мужик дальше, вышел за околицу. У дороги рылась в навозе свинья. Увидела мужика, подняла голову и захрюкала:

— Хрю-хрю-хрю!

— Что? — спросил тот. — Денежку хочешь? У меня в кармане ломаного гроша нет, а ты денежку просишь! — Пнул свинью ногой и пошел дальше.

Надоело мужику бродить по белу свету. Он подумал, что жена его уже давно простила, воротился домой и, выбросив дурь из головы, начал трудиться не покладая рук.

ПРО ДВУХ УБОГИХ

Отправились в дорогу двое убогих. Один был слепой, а другой безногий. Подошли они к реке и остановились на берегу. Безногий и говорит:

— На тот берег нам не перейти: моста нет, река глубокая, а мы убогие и наверняка утонем.

Задумался слепой, а потом попросил своего товарища:

— Посмотри-ка хорошенько, нет ли поблизости брода?

— Брод-то есть, вон там, у излучины, да течение очень сильное, и для того, чтобы переправиться, крепкие ноги нужны.

— Отведи меня туда! — велел слепой товарищу.

Тот взял его за руку и повел. Когда подошли к речному броду, слепой сказал:

— У меня ноги крепкие, а у тебя глаза зоркие. Садись мне на спину и говори, куда ступать. Я тебя перенесу через реку.

Сказано-сделано. Так, помогая друг другу, убогие переправились через реку и пошли себе дальше.

ИВАНКА И МАРИЙКА

Осталась Марийка круглой сиротой, и пришлось ей идти в услужение к одним богачам. От зари до зари гнула она спину, а хозяйка давала ей на обед одни черствые корки, а на ужин — хлебные крошки, что со стола сметала. Хозяйская же дочка Иванка до полудня на перинах пуховых потягивалась и ничего не делала.

И задумала Марийка уйти от хозяев куда глаза глядят. Ночью, когда все уснули, взяла она свою прялку, кудель да веретено и тихонечко выбралась из господского дома. Зашла в лес. Долго брела по дремучей чаще, выбилась наконец из сил, присела под дубом, положила голову на мягкий мох и крепко заснула.

Проснулась она поздно. Оглянулась — вокруг ни души. Только в густой листве птичьи голоса слышны. Стала Марийка пробираться сквозь

лесные заросли и вдруг видит — стоит среди деревьев домик, весь мхом зарос.

Отворила она дверь и вошла в него. Присмотрелась — никого нет, огонь в очаге не горит, а вся постель разбросана. На полке стоят семь горшков, и крышки у них крепко завязаны. Не привыкла Марийка сидеть сложа руки, поставила она прялку в угол, засучила рукава и начала прибирать в домике. Постель постелила, пол подмела, в очаге огонь развела, уселась возле него и принялась пряхть. Хотелось ей узнать, что в горшках, но заглянуть в них она не посмела.

Вдруг — туп-туп! — ввалилась в домик его хозяйка, старая косматая медведица, и зарычала сердито:

— Что тебе здесь надобно?

Но как только увидела медведица, что в домике всё прибрано, смягчилась, уселась рядом с Марийкой и стала ее спрашивать, зачем та в лес к диким зверям пришла.

Рассказала Марийка ей про свою жизнь горемычную.

Медведица вздохнула и покачала головой. Потом указала лапой на кудель и спросила:

— А это что?

— Конопля, — ответила Марийка.

— Откуда вы ее берете?

— Сеем.

— А как сеете?

Марийка набрала в горстку золы из очага, вышла за дверь и рассыпала золу.

— Вот так! — сказала она.

— А потом? — спросила медведица.

— Потом мы собираем ее, в речке мочим, треплем, чешем...

— Как это делается?

Марийка протянула руку и стала легонько чесать густую медвежью шерсть.

Приятно стало медведице, зажмурилась она и уснула, а проснувшись, сказала Марийке:

— Ты славная девочка. Я бы оставила тебя помогать мне по дому, да кругом лес, дикие звери, боюсь, как бы они тебя не обидели. Возвращайся-ка лучше к людям. А в награду за то, что прибрала ты у меня, я дам тебе один из моих горшков. Выбирай!

Марийка выбрала было самый маленький, но медведица дала ей самый большой.

— Откроешь его, — сказала она, — когда домой вернешься.

Марийка взяла горшок, поклонилась медведице и ушла. Но, придя в село, не вернулась к хозяевам, а напрямик отправилась в ветхую отцов-

скую лачугу, в которой она родилась и в которой теперь никто не жил. В дороге Марийка сильно проголодалась и, думая, что в горшке мед, развязала его, сняла крышку и сунула в него руку, но вместо меду вытащила горсть золота. Девочка очень обрадовалась, поскорее побежала на базар и накупила всякой всячины. Стала она жить да поживать, бедным людям помогать.

Прослышала об этом ее хозяйка, пришла к ней в гости и ну допытываться, откуда у нее горшок с золотом. Марийка всё ей рассказала.

„Пошлю-ка я и мою Иванку, пусть она принесет мне горшок побольше!“ — подумала хозяйка. Вернулась домой и стала собирать дочку в дорогу. Нарядила ее, словно на праздник, дала прялку и мягкую, как шелк, кудель, а затем отвела в лес.

Идет Иванка дремучим лесом и на чем свет стóбит медведицу клянет за то, что та в такую глушь забралась. Наконец подошла к домику, который весь мхом зарос, толкнула дверь ногой и вошла в горницу.

— Фу, как скверно пахнет! — поморщилась она и начала всюду свой нос совать.

Открыла сундуки, под кровать заглянула, наконец, увидела на полке горшки, подставила скамеечку и потянулась к ним. Только она развязала первый горшок, как вдруг за ее спиной кто-то проревел страшным голосом:

— Кто тебе позволил в мои горшки лазить?

Иванка выронила крышку, повернулась и, увидя медведицу, так и обмерла. Забилась в угол и застучала зубами от страху.

Медведица заметила, что в домике всё вверх дном перевернуто, но ничего не сказала. Прибрала всё, развела огонь и, усевшись возле очага, подозвала Иванку. Посмотрела на ее кудель и спрашивает:

— Что это?

— Шерсть, — отвечает Иванка.

— Откуда вы ее берете?

— Овец стрижем.

— А как вы их стрижете?

Иванка положила веретено, сняла со стены ножницы, схватила медведицу за хвост и — чик! — полхвоста отрезала.

— Вот так!

Подскочила медведица, заревела от боли, вцепилась передними лапами в волосы Иванке и ну ее таскать, как прежде Иванка таскала за волосы Марийку.

— Ой-ой-ой! — запищала Иванка.

— Вон! Вон отсюда! — зарычала медведица на обидчицу. — Убирайся из моего леса, не то разорву на клочки!

Иванка выскочила за дверь, но тут же вспомнила про горшок и вернулась.

— Дай мне горшок! — крикнула она.

Медведица сняла с полки горшок, что́ был завязан крепче других, и сунула Иванке. Та схватила его и во весь дух побежала в село.

Мать чуть не расплакалась от радости, увидя горшок.

— Ах, умница, ах, разумница, сколько золота принесла!

Заперла богачка дверь, закрыла окно ставнями и дрожащими руками сняла крышку с горшка. А оттуда роем вылетели осы и набросились на жадную женщину и ее злую дочку. Искусали их так, что они сами на себя не похожи стали. Целых три недели людям на глаза не показывались.

КАК КРЕСТЬЯНИН РАЗБОГАТЕЛ

Шел один крестьянин в город на базар. На плече палку нес, а на палке висела корзинка с яйцами. Шел он и по дороге сам с собой разговаривал:

— В корзинке у меня сотня яиц, продам их по монетке за штуку и получу сто монеток. А если по две монетки за штуку возьму, станет у меня двести. На эти деньги куплю я на базаре свинку. Буду ее кормить и беречь пуще глаза. Принесет она мне двенадцать поросят. Вырастут они, опоросятся, и двор мой будет полон вот таких свиней! Погоню я их на базар и продам. А на вырученные деньги куплю вороного коня и новую одежду. Наряжусь всем на удивленье, сяду на коня и стану разъезжать перед окнами красавицы Ганы. Увидит меня красавица Гана и скажет: „Не хочу никого другого, кроме этого верхового!“ — Поженимся мы, и родит она сынишку — Богданчо. Отправлюсь я на базар, куплю ему яблоч. Подъеду к дому, а Богданчо навстречу мне выбежит и спросит: „Что ты мне привез, батюшка?“ — А я руки к нему протяну и крикну: „Иди ко мне, сынок, иди сюда, Богданчо, отец яблочко тебе даст!“

Забылся крестьянин, протянул вперед руки, выпустил палку, и корзинка с яйцами упала на землю. Нагнулся бедняга, стал искать — может, какое и уцелело. Куда там — все до одного разбились!

Поравнялся с ним какой-то путник.

— Братец, — обратился к нему крестьянин, — ты давно следом за мной идешь?

— С тех пор, как начал ты богатеть и покуда всего не потерял, — ответил тот.

КОШЕЛЬ С ЗОЛОТОМ

Поехал старик в лес по дрова. Увидел дуплистое дерево, взмахнул топором и, раз-два, свалил на землю. Начал его раскалывать и нашел в нем старый кожаный кошель, полный золотых монет. Обрадовался старик своему счастью, навалил дрова на телегу, повесил сбоку кошель с деньгами и повел волов домой. Идет, а сам думает:

— Нашел деньги я, но лес-то не мой и дерево не мое. Откуда же деньгам моими быть? Они чужие. Ежели я честный человек, мне надо отыскать хозяина и отдать их, потому что от чужого добра счастья не будет.

Видит, идет ему навстречу бедняк, еле дух переводит.

— Откуда путь держишь, побратим? — крикнул бедняк.

— Из лесу, — отвечает дровосек.
— Не нашел ли ты там чего-нибудь?
— Нашел, — кивнул головой старик.
— Слава богу, — обрадовался бедняк, — Была у меня одна-разъ-единая телка, но доняла меня нужда, и решил я продать ее. Утром отвел скотинку на рынок, хорошую цену дали за нее, отправился домой да, видно, по дороге обронил кошель с деньгами. Словно сам не свой, сюда побежал искать. Где же мой кошель?

— Вон там, висит на возу.

Бросился бедняк к возу, запустил обе руки в кошель, нагреб золотых, поглядел на них и тут же вытряхнул их обратно в кошель.

— Не мои, — говорит, — мои были белые, а эти желтые.

Задумался дровосек.

— Чудеса! — говорит. — Что же это за деньги я нашел?

— Краденые! — отрезал бедняк.

— Кто же их украл?

— Воры.

— А где же воры?

— В лесу, известное дело, — ответил бедняк. И отправился дальше искать свой кошель.

Старик вернулся домой, а на другой день рано поутру повесил кошель с найденными деньгами на палку и пошел в лес искать воров. В самой чаще заметил он огонек. Костер горит. Подошел, видит — сидят вокруг него человек десять, насадили барана на вертел, поворачивают его над раскаленными углями.

— Добрый день вам! — поздоровался старик.

— Добро пожаловать! — ответил один из лесных людей. — Ты, дедушка, по какому делу идешь?

— Иду воров искать. Уж не вы ли это будете?

— Ошибаешься! Здесь воров нет, — отозвался атаман лесных людей.

— А кто же вы?

— Мы — гайдуки. Ушли мы в леса, чтобы защищать бедных и наказывать тех, кто народ грабит. А ты присядь, отдохни да отведай нашего барана! — пригласил атаман старика.

Старик присел, подобрал под себя ноги, наелся, поблагодарил хозяев и, уходя, спросил:

— Скажите, братцы, где мне воров найти?

— Во дворцах, где еще им быть! — ответил атаман.

Старик вышел из лесу и отправился в большой город. Прямо в царский дворец вошел и застал там с десятков вельмож, одетых в раззолоченную одежду. На совет съехались.

— Добрый день вам! — приветствовал их старик.

— Что тебе здесь надобно? — гневно встретил его бородатый царедворец.

— Воров ищу, — ответил старик.

— Каких еще воров? — рассердился бородатый, и глаза его заметали молнии.

— Тех, которые украли вот этот кошель. Я нашел его в дуплистом дереве.

— Что в нем? — взглянул на кошель вельможа.

— Золотые.

— Золотые? Дай их сюда! — протянул руку бородатый.

Ощупав кошель, моргнул он своим товарищам и начал выпроваживать старика.

— Тебе, дед, нечего здесь делать, — сказал он. — Иди искать воров в другом месте. В царском дворце их нет. Пока не найдешь воров, мы постережем твои деньги. Здесь они в надежных руках. Ровно через год приходи за кошелем.

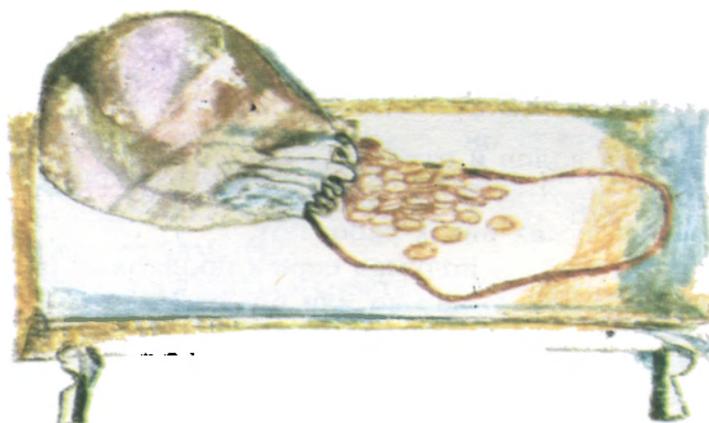
Пошел старик и целый год ходил-бродил, про воров спрашивал. Миновал год, и опять постучался он в царские ворота. А вельможи снова съехались на совет.

— Год прошел, — говорит им старик. — Верните мне кошель с деньгами.

— Год-то прошел, да ты, старче, запоздал, — поднялся тот же бородатый. — Я тебе велел явиться сюда через год, а ты пришел через год и один день, значит, просрочил. Пропали твои деньги. Ну, убирайся, у нас дела!

Старик вышел из дворца, почесал затылок и сказал:

— Правду мне сказали гайдуки. Вот где они живут, самые опасные воры, те, что крадут и лгут!

ПАХАРЬ И ГУСИ

Шел как-то царь полем. Увидел неподалеку в ложбине сгорбленного, немощного старика; старик тот за сохой шагал и побряхтывал. Остановился царь, посмотрел, как деревянная соха поднимает большие сухие комья, и спросил:

— Послушай, дедушка, какая нужда заставляет тебя так мучиться? Некому тебе помочь, что ли? Или детей у тебя нет, что ты сам над сохой горбишься?

Старик остановил волов и ответил:

— Дети-то есть, прохожий, да помогать некому. Дети мои другим людям помогают, на чужих нивах работают.

„Этот старик не глуп“, — подумал царь и продолжал расспрашивать:

— А как твои оба-два — далеко или близко?

— Оба-два-то? Очень близко.

— А тридцать два?

— Плоховато. Осталось всего тридцать два без двадцати восьми.

— А как твоя пара коней? Быстро ли ходит и может ли тянуть старый воз?

— О конях не спрашивай, — ответил старик, — остановились они. Думал я, думал, что мне делать, наконец, решил отыскать в лесу еще одного коня. Сейчас три коня тянут мой воз, а он всё скрипит да скрипит.

— Еще об одном спрошу тебя, — сказал царь, подивившись умным ответам старика. — У меня дома есть девять откормленных гусей. Если я тебе их пришлю, сможешь их ошипать?

— Ну, на это я мастер, — покачал головой старик. — Хоть десять пришли -- в грязь лицом не ударю!

Простился царь с пахарем, собрался было уходить, но, пройдя два-три шага, обернулся и задал еще один вопрос:

— Скажи, дедушка, в чем ты больше всего нуждаешься?

Старик посмотрел на любопытного прохожего, молча поднял обе руки, опустил пальцы вниз и начал трясти ими над сухой землей. Затем махнул правой рукой, описал круг и снова принялся погонять волов.

Пошел царь и по дороге ко дворцу всё ломал голову над последним молчаливым ответом старика, но так ни до чего и не додумался.

Как только пришел он во дворец, сразу же приказал позвать своих девятерых советников, которые были один другого мудрее. Они явились, а царь им и говорит:

— Довелось мне сегодня встретиться с одним простым человеком — пахарем. Говорили мы с ним о том, о сем. Хочу, чтобы вы мне растолковали, о чем я его спрашивал и что он мне отвечал.

И царь передал советникам всю свою беседу с пахарем. Думали советники, думали, ломали свои мудрые головы, но ничего не могли придумать. Тогда царь рассердился, метнул на них гневный взгляд исподлобья и сказал:

— Даю вам сроку один день. Если до завтра не растолкуете мне слов старика, посажу вас в темницу, а на ваше место поставлю его.

Испугались советники, приуныли. Собрались все девятеро и отправились к старику на пашню. Начали его просить:

— Растолкуй нам, о чем царь тебя спрашивал и что ты ему отвечал.

— Растолкую, — ответил старик, — но за каждое мое слово вы мне заплатите по золотой монете. Иначе я и рта не открою, боюсь, как бы не потерять и последние четыре зуба. И вот еще что: если кто меня перебьет — сразу же замолчу.

Нечего делать, согласились советники и развязали кошельки. А умный старик начал им рассказывать, как он ниву пахал, как кряхтел и проклинал тех, кто давят бедноту тяжелыми податями, как остановился незнакомый прохожий и начал его расспрашивать. Один из советников черточкой отме-

чал каждое слово старика. Остальные переминались от нетерпенья, глядя, как черточек становится все больше и больше, но ничего не смели сказать умному старику, боясь, что он замолчит.

Наконец, пахарь стал растолковывать, о чем царь его спрашивал и что он ему отвечал.

— Сначала царь спросил меня, нет ли у меня детей, которые бы мне помогали, и отчего я так мучаюсь. Я ему ответил, что мои дети другим людям помогают, на чужих нивах работают. А это значит: у меня только замужние дочери, и работают они на нивах своих мужей. Затем царь спросил, как мои оба-два. А это значит, как мои два глаза. Я ему ответил, что они близко, стало быть, я не вижу вдаль. Как мои тридцать два — был третий вопрос. Я ему ответил, что у меня тридцать два без двадцати восьми. Всего только четыре зуба осталось. Как моя пара коней, спросил затем царь, может ли тянуть воз? Это означало — как мои ноги. Я ответил, что они остановились, но в лесу я нашел третьего коня. Третий конь — это палка, на которую я опираюсь. Уходя, царь милостиво соизволил спросить меня, в чем я больше всего имею нужду. Я поднял руки, опустил пальцы вниз и потряс ими, потом описал правой рукой большой круг. Я хотел этим сказать, что нужен мне проливной дождь, который напоил бы землю, — тогда вот такие пироги напеку. Но царь ничего не понял и ушел озадаченный. Что до девяти гусей, которых царь обещал мне прислать, чтобы я их оципал, то вы, должно быть, уже догадались: гуси эти — вы! Но почему не пришел последний, десятый, который тоже не смог отгадать моего последнего ответа?

Советники со стыда чуть не провалились сквозь землю, заплатили за каждое слово по золотой монете и ушли, понунив головы. А старик распряг волов и до вечера считал деньги.

СТАРЫЙ ОЛЕНЬ И МАЛЕНЬКИЙ ОЛЕНЕНОК

Старый олень вел свое стадо высоко в горы, на пастбище, где росла зеленая и сочная трава. Он уверенно пробирался сквозь густой буковый лес, в котором ему были известны все лощины и скаты, все козьи тропы и места, где охотники устраивают засады и ставят на зверей капканы. В этом лесу старому оленю было знакомо каждое дерево, он помнил каждое птичье гнездо, но не знал, что в двадцати шагах от родника, куда он водил свое стадо на водопой, охотники выкопали глубокую яму, а сверху прикрыли ее ветками, травой и листьями. Не знал он также, что за большим буком, росшим возле родника, они устроили засаду и что теперь дула их ружей направлены на

тропинку, по которой спокойно шел старый вожак, а за ним цепочкой тянулись молодые олени, лани и оленята.

Когда стадо уже приближалось к роднику, маленький олененок, бойко семенящий позади, обогнал остальных и подбежал к вожаку:

— Стой, дедушка, стой! — крикнул он. — Не веди нас по этой тропинке.

Старый олень повернул к нему голову.

— Почему?

— Потому что тут устроена ловушка и в засаде сидят охотники.

— А ты, молокосос, откуда это знаешь? — с досадой спросил вожак.

— Вчера я прибежал сюда попить водички и видел под буком острые лопаты, которыми совсем недавно копали землю.

— А как ты узнал, что ими копали?

— По налипшей на них мокрой глине. А еще я видел четыре двуствольных ружья, которые были прислонены к буку. А даже самому неопытному олененку известно, что с такими ружьями ходят охотники. Ах, если бы ты знал, дедушка, как я перепугался! Со всех ног кинулся я к стаду, чуть сердце не выскочило со страху.

Старый олень покачал головой и сказал.

— В этом лесу твоему деду известны каждая тропинка и каждая букашка. У тебя же на губах молоко еще не обсохло, а ты уже хочешь учить меня! В другой раз не вздумай давать мне советы, как водить стадо, не то рогов моих отведаешь. Эти ружья да лопаты тебе, верно, приснились. Ступай назад — там твое место!

И, важно подняв свою рогатую голову, старик рысцой побежал прямо к ловушке. Вслед за ним заторопилось все стадо.

Но только они приблизились к роднику, как их постигла беда. Легкий настил, прикрывавший ловушку, провалился под тяжестью ступившего на него вожака, и тот, вместе с двумя бежавшими за ним ланями, очутился в глубокой яме. Стадо в страхе остановилось, но в ту же минуту грянули выстрелы, и еще две лани упали на землю, пронзенные пулями.

— Назад! — крикнул маленький олененок и скрылся за деревьями. За ним помчались остальные.

А старый олень бился головой о стены ямы и повторял:

— Гордыня ты моя, гордыня, вот куда ты меня завела! Послушайся я умного олененка, не попал бы в яму.

ХИТРЫЙ КОРЧМАРЬ

Один хитрый человек уехал в далекий заморский город и открыл там корчму. Все люди, приезжавшие в этот город из разных стран, стали заходить туда выпить стаканчик вина. Сначала корчмарь подавал посетителям вино, чуть разбавленное водой, а потом, когда увидел, что гости его — народ покладистый, стал подавать им воду, чуть подкрашенную вином. Года через два он набрал полный мешочек золотых монет и решил, что пора закрыть корчму и вернуться домой. Купил он в подарок детям обезьянку, сел на корабль и отправился в путь. Когда подошел час обеда, сам он плотно закусил, а обезьянке швырнул всего два-три орешка. Наевшись до отвала, корчмарь решил вздремнуть и растянулся на скамье, стоявшей на палубе. Мешочек же с деньгами он вытащил из-за пазухи и положил себе под голову — так-то

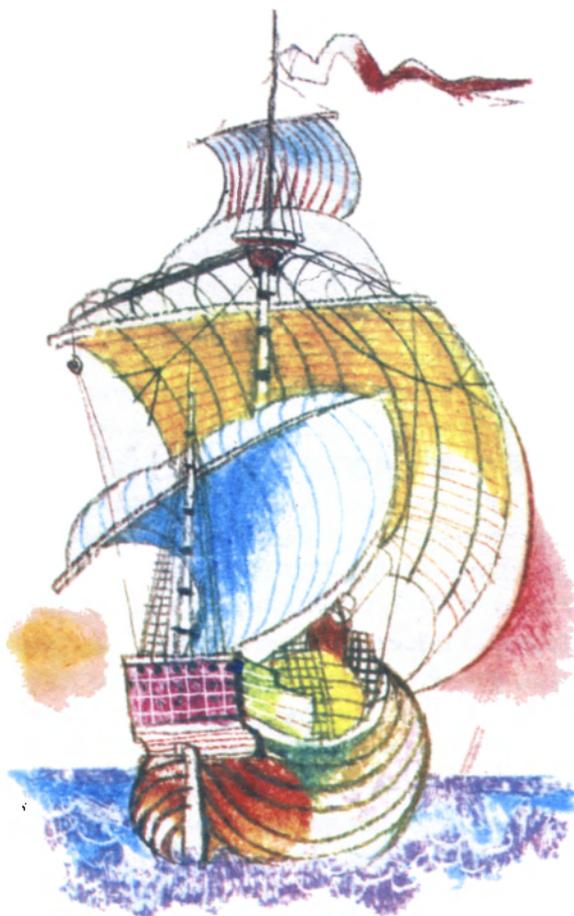
оно надежнее. Обезьянка, примостившаяся рядом, следила за ним своими умными глазами. Она была голодна и, видя, что ее хозяин спрятал себе что-то под голову, стала терпеливо ждать, когда он уснет.

Как только корчмарь заснул, обезьянка вытащила мешочек у него из-под головы, развязала его, сунула туда лапку и достала золотую монету. Стала ее разглядывать, попробовала на зуб, и когда, наконец, поняла, что съесть ее нельзя, рассердилась, схватила мешочек, раскрутила его над головой и выбросила в море.

В эту минуту корчмарь проснулся, вскочил и с ужасом увидел, как его мешочек погружается в воду. Тогда он стал рвать на себе волосы.

— Черт меня дернул покупать эту проклятую обезьянку!

— Не сокрушайся, приятель, — сказал у него за спиной один человек, частенько наведывавшийся к нему в корчму, — вода принесла тебе это золото, вода и унесла его.

КАМНИ С НЕБА

Жил-был на свете петушок-красный гребешок. Был петушок, как все петушки: хвост — зеленый, сапожки — желтые. Ходил важно по двору, хотя сам был трус-трусом. Всех боялся: и собаки с пушистым хвостом, и длинноухого осла, и хромого кота. Бывало, испугается чего-нибудь, начнет махать крыльями, кукарекать — весь двор поднимет на ноги.

Рылся как-то петушок под шелковичным деревом, зернышки поклевывал. Вдруг подул легкий ветерок и сбил ягодку с самой нижней веточки. Ягодка упала петушку на спину.

Испугался наш петушок да как раскричится:

— Ой-ой-ой! Кто меня ударил?

— Это с неба камни сыплются! — пошутил ветер.

— Кукареку! — завопил петушок и бросился бежать. Перелетел через плетни, через кровли, выбежал за околицу. Повстречалась ему там утка-крякушка и спрашивает:

— Что это ты бежишь так, петушок?

— С неба камни сыплются! — отвечает запыхавшийся петушок. — Беги-ка и ты, не то убьют они нас!

— Вот тебе на! — крикнула утка-крякушка и заковыляла за петушком. Петушок бежит, утка бежит, петушок бежит, утка бежит. Бежали они так, бежали, пока не повстречали ежика-иглокожика.

— Что бежишь, петушок? — задрал кверху еж свой острый носишко.

— Спроси утку! — отвечает петушок.

— Что бежишь, крякушка? — спрашивает ежик утку.

— С неба камни сыплются! Беги поскорей, покуда не зашибло.

И побежали они втроем: петушок в желтых сапожках, утка-крякушка да ежик-иглокожик. Бежали, бежали, чуть ноги не переломали.

Откуда ни возьмись, навстречу им зайчик-побегайчик. Спрашивает зайчик петушка:

— Что бежишь, петушок?

— Спроси утку!

— Что бежишь, утка?

— Спроси ежа!

— Скажи, ежик, что бежишь?

— С неба камни сыплются. Беги и ты, пока не стукнуло тебя по голове.

Пристал к ним и заяц. Стало их четверо. Запомнил ты их? — Петушок в желтых сапожках, утка-крякушка, ежик-иглокожик и зайчик-побегайчик. Бросились они в лес. Только вбежали туда, выскочила навстречу им лисичка-сестричка.

— Что бежишь, петушок? — спросила лисичка-сестричка.

— Спроси утку!

— Что бежишь, утка?

— Спроси ежика!

— Что бежишь, ежик?

— Спроси зайчика!

— Что бежишь, зайчик?

— Как же мне не бежать, когда с неба камни сыплются!

— Батюшки! — всплеснула передними лапками лисичка и увязалась за ними.

Стало их пятеро: петушок в желтых сапожках, утка-крякушка, ежик-иглокожик, зайчик-побегайчик и лисичка-сестричка.

Бежали, бежали, пока не встретили куманька-серого волка.

— Что бежишь, петушок? — спрашивает серый волк.

— Спроси утку! — отвечает петушок.

— Что бежишь, утка?

— Спроси ежа!

— Что бежишь, ежик?

— Спроси зайчика!

— Что бежишь, побегайчик?

— Спроси лисичку-сестричку!
— Что бежишь, лисичка-сестричка?
— Как же мне не бежать, — отвечает лисичка-сестричка, — когда с неба камни сыплются. Беги и ты с нами.

— Ау-у-у! — завыл серый волк и кинулся следом за лисицей.

Стало их шестеро. Помнишь их? — Петушок в желтых сапожках, утка-крякушка, ежик-иглокожик, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка да серый волк.

Бежали, бежали, добежали до медвежьей поляны. Там встретил их косолапый Мишка.

— Что бежишь, петушок? — зарычал косолапый.

— Спроси утку!

— Что бежишь, крякушка?

— Спроси ежика!

— Что бежишь, ежик?

— Спроси зайчика!

— Что бежишь, зайчик?

— Спроси лисичку-сестричку!

— Что бежишь, лисичка-сестричка?

— Спроси серого волка!

— Скажи, куманек, почему ты бежишь?

— Потому что... потому что и другие бегут, — ответил глупый волк, забыв, с какой стати припустился он за товарищами.

— Ну, что ж, тогда и я побегу, — сказал косолапый Мишка и потащился последним.

Стало их семеро: петушок в желтых сапожках, утка-крякушка, ежик-иглокожик, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, серый волк и косолапый Мишка.

Бежали, бежали, пока не добежали до глубокой ямы, и остановились.

— Что же нам теперь делать? — спросил петушок. — Давайте вернемся назад.

— Вот еще! — закричала лиса. — Не затем мы бежали, чтобы возвращаться.

— А яма? — крикнула утка.

— Перепрыгнем ее! Ну, петушок, прыгай первым, ведь ты бежал впереди всех.

— Кукареку! — пропел петушок, расправил крылья и перелетел через яму.

За ним взмахнула крыльями утка-крякушка. Перелетела и она.

Разогнался и заяц, да так здорово прыгнул, что перемахнул не только через яму, но чуть ли не через весь лес.

Пришел черед ежа, а у него ведь ножки коротенькие; потоптался он,

потоптался, свернулся клубочком и — бух! — прямо в яму угодил.

— Да разве так прыгают? — закричала лиса, разбежалась изо всех сил и тоже на дне очутилась.

За ней свалился и волк, а косолапый Мишка прямо вниз головой бухнулся.

— Вот так попались! — переглянулись звери и глазами с перепугу заморгали.

Прошло три дня и три ночи. На четвертый день лиса и говорит:

— Я голодна.

— И я! — лязгнул зубами волк.

— И я! — зарычал медведь.

Только еж молчал.

— Кого же нам съесть? — спросил волк.

— самого маленького! — ответила лиса и посмотрела на ежа.

— Держи его! — заревели звери и накинулись на колючего.

Но ежик-иглокожик сразу свернулся в клубочек и выпустил свои колючие иголочки. Звери схватили было его лапами, но мигом отдернули их назад.

— Ой-ой-ой, он меня уколол! — заскулила лиса.

— И меня, — простонал медведь.

— И меня! — охнул волк.

Притихли звери в глубокой яме и весь день, не шелохнувшись, просидели. А когда наступила ночь, заревели по-страшному, залязгали зубами и разорвали друг друга в клочки. Кто кого съел — сказать трудно, потому что было темно, хоть глаз выколи, но на утро еж увидел, что в яме нет ни волка, ни медведя, ни лисы.

Остался ежик один и задумался: что ему делать в этой яме? Тут два больших крыла закрыли от него солнце.

— Орел! — испугался еж и выпустил было иголочки, но орел крикнул ему:

— Не бойся, ежик! Не погубить тебя прилетел я, а спасти, потому что ты — хороший ежик. Прошлым летом ты съел ту страшную змею, которая подбиралась по скалам к моему гнезду и хотела проглотить моих орлят, а долг платежом красен.

И, спустившись, орел поднял ежа своими когтями, вынес его из ямы и осторожно опустил на траву.

Очень обрадовался ежик-иглокожик и потихоньку вернулся к себе в норку.

А петушок и утка, перепрыгнув яму, бежали еще целый час, устали и сказали друг другу:

— Камни с неба уже не сыплются!

И вернулись они в свою родную деревню, а зайчик-побегайчик остался в лесу.

ДАРЕННЫЕ ГОДЫ

Однажды в морозный зимний день, когда деревья и камни трещали от лютой стужи, конь, вол и собака подошли к человеческому жилью и постучали в дверь.

- Кто стучит? — спросил человек.
- Это мы. Конь, вол и собака.
- Что вам надо?
- Пусти нас погреться, человек. Не то мы околеем от холода.

Человек отворил дверь. Конь, вол и собака вошли в дом. Расселись перед очагом, в котором пылал огонь, и на славу обогрелись. Человек был гостеприимный. Он сходил в другую комнату и принес угощение: коню — меру овса, волу — отрубей, а собаке — большой ломоть хлеба.

— Ешьте на здоровье! — сказал хозяин, а сам сел к огню и обхватил голову руками.

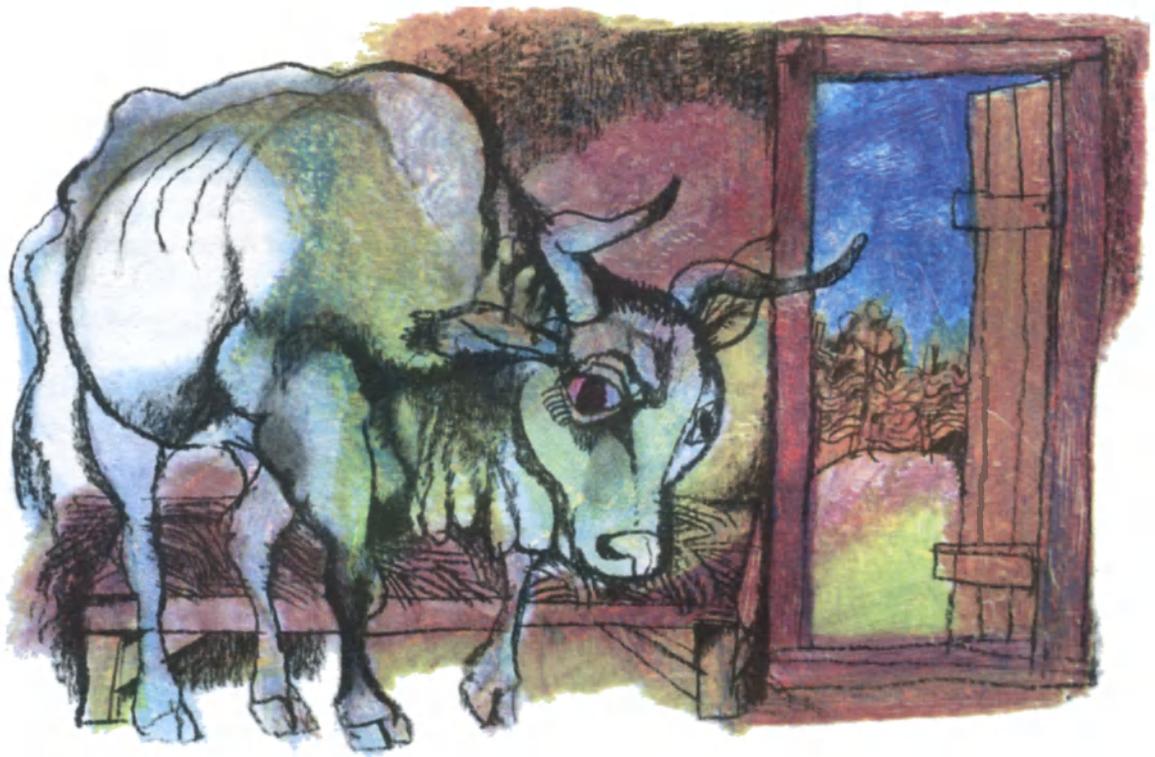
Гости поели и стали спрашивать его, почему он такой печальный.

— Годы мои подходят к концу, и вот я должен умереть, — ответил хозяин, — ведь всем нам — и муравью, и верблюду, и человеку — отпущено одинаковое число лет.

Конь, вол и собака переглянулись и начали вполголоса совещаться.
— Послушай, — сказал ему конь, — если ты согласен, мы оставим себе по десять лет жизни, а остальные подарим тебе. С нас и этого хватит.
— Что ж, я согласен! — обрадовался человек.

Сказано — сделано. И получил человек остаток лет коня, вола и собаки. Годы коня он прибавил к своей молодости — вот почему молодые люди проворны, сильны и необузданы, как резвые кони. Годы вола человек прибавил к своей зрелой поре, и поэтому зрелые люди работают, как вола, а годы собаки приберег для старости. Не случайно с годами люди становятся такими домоседами, привязываются к дому, как собаки.

ОСЛИНЫЙ СОВЕТ

Два вола вернулись в хлев после тяжелого рабочего дня. В хлеву перед яслями стоял осел, и довольно помахивая хвостом, с хрустом жевал свежескошенное сено.

— Добрый вечер, братец, — сказал один вол. — Как дела?

— Отлично! — ответил осел.

— Ты, братец, счастливый, — с завистью сказал вол и вздохнул, — а вот я несчастный.

— Почему? — спросил осел.

— Потому что я родился волом, мало того, что целый день волочу соху, так еще и вечером тащу телегу с хозяином и сохой впридачу.

— А ты притворись больным, — сказал осел. — Ляг на землю, начни стонать, и хозяин оставит тебя в покое.

Хозяин стоял за дверью и всё слышал. Он ничего не сказал, только усмехнулся и покачал головой. На другой день вол сделал так, как ему посоветовал осел. Лег на землю и ну стонать. Пришел хозяин, покачал головой и сказал:

— Заболел мой добрый вол. Что ж, делать нечего, придется запрячь вместо него осла.

И взял палку покрепче.

Целый день осел, спотыкаясь о комья земли, тянул соху. К вечеру возвратился домой, еле передвигая ноги. Вол, притворившийся больным, лежал и мирно жевал жвачку.

— Спасибо тебе, братец! — сказал он ослу. — Ты мой спаситель. Теперь я всю жизнь буду прикидываться больным!

— Ох, боюсь, что это тебе не удастся! — сердито буркнул осел.

— Почему?

— Да потому, что сегодня я слышал, как хозяин говорил соседу: „Что-то вол мой захворал. Если не встанет до завтра, придется свести его на живодерню!“

Испугался вол. Целую ночь глаз не сомкнул. А утром чуть свет уже был на ногах.

СТРАШНЫЕ ЗВЕРИ

Задумал осел от хозяина в лес бежать. Бежит, а навстречу ему баран.

— Куда, братец, бежишь?

— Хочу скрыться от людей.

— А что они тебе сделали?

— Невмоготу мне больше терпеть, — сказал длинноухий и остановился возле барана. — Осень настанет — кому тяжелые корзины с яблоками таскать? Ослу. Зимние холода на носу — кого в лес по дрова посылают? Осла. Весна на дворе — опять бедному ослу достается. А кормят чем? Колючками да репейником! Бросят охапку и скажут: „На, осел, подавись!“ Доброго слова ни от кого не услышишь. Решил я сбежать туда, где ослов не заставляют работать, где можно спокойно дожить до старости. А ты, баран, куда путь держишь?

— Ох, братец! И меня горе в дорогу погнало, — ответил баран. — К свадьбе начнут готовиться: „Зарежем барана, сватов потчевать!“ —

Умирать ли кто соберется: „Зарежем барана, поминки справим!“ — Друг-приятель в гости придет — опять кричат: „Зарежем барана ради дорогого гостя!“ Терпел я, терпел, а потом и сказал: „Довольно мне дрожать!“ Сказал и решил бежать куда глаза глядят. Бежим вместе. Согласен?

— Согласен! Вдвоем легче от врагов отбиваться, — обрадовался осел.

Бежали они, бежали, а навстречу им лиса.

— Вы куда это путь держите, други-приятели?

— Бежим.

— От кого бежите? — спрашивает лукавая лиса.

— От людей.

Осел и баран поведали лисе свою историю.

— Ох, — вздохнула лиса. — Так ведь и я от такой же беды спасаюсь. Застучат-загремят на свадьбе в барабан, а у меня от страха сердце замирает: сваты только и думают, как бы меня изловить да шкуру с меня содрать невесте на воротник. Возьмете меня с собой?

— Возьмем, кума! — согласились осел да баран и побежали дальше, а лиса потрусила следом.

Бежали они, бежали, забрались в самую чащу. Смотрят: под деревьями петух бродит, по сторонам озирается. Увидел их петух, обрадовался:

— Уж не чаял, не гадал, что живую душу встречу в такой глухомани. Куда это вы, други, собрались?

Осел, баран и лиса рассказали ему о себе.

— А ты, — спросили они его, — что делаешь в лесу один?

— Я тоже сбежал от людей. Да и как не сбежать? Родится у хозяина первенец: „Ловите петуха, зарежем!“ Подойдут хозяйкины именины: „Бросайте петуха в котел!“ Кум в гости соберется: „Хватайте петуха!“ И никому нет дела — подрос ты или нет, прорезался ль у тебя голос, покраснел ли гребешок. Можно и мне с вами? — спросил петух беглецов.

Стало их четверо.

Бежали они, бежали и очутились на перепутье. Смотрят: валяется на дороге волчья шкура.

Испугались звери, назад попятились. Но потом набрались храбрости, обошли шкуру. А баран и говорит:

— Давайте-ка возьмем шкуру с собой. В ней — наше счастье.

— Возьмем, отчего же не взять? Да только кто ее понесет?

— Я понесу, — предложил осел. — Бросьте ее мне на спину.

Бросили они волчью шкуру ослу на спину и продолжили свой путь. Целый день по лесу плутали. К вечеру набрали на пещеру. Заглянули в нее — видят: никого нет. Вошли. И что же? Посреди пещеры костер горит, над костром, на железном треножнике, стоит большой котел, а в котле вкусная похлебка булькает. Уселись беглецы вокруг костра. Согрелись. Сидят, слюнки глотают.

— Никуда дальше не пойдём, — решили они. — Вот вернутся хозяева, если они добрые люди, накормят нас, напоят, переночевать дадут. А наутро мы продолжим свой путь.

Осел набил волчью шкуру соломой, вынес её наружу и повесил на сук у входа в пещеру.

А в этой пещере жили дружно волки да медведи. Они развели костер, а сами пошли на охоту, пока похлебка сварится. Мало ли, много ли времени прошло, воротились они домой.

Увидали гости хозяев, от страха язык проглотили.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — взревели в один голос волки и медведи.

— Спасибо на добром слове, — ответили гости дрожащими головами.

Старая медведица принялась хозяйничать: сняла котел с огня, принесла ложки. Стала потчевать гостей:

— Кушайте, не стесняйтесь!

Гости принялись хлебать похлебку. За день они здорово проголодались, в один миг всё съели.

После ужина старая медведица и говорит:

— Вы с людьми жили, небось, много песен знаете? Говорят, в селах каждый день свадьбы играют, гостей встречают! Ну-ка, спойте нам песню!

— Отчего не спеть, — ответил осел. — Только у людей такой обычай: первую песню поют хозяева.

— Раз так заведено, спою я первая.

Поднялась медведица на задние лапы, передние в стороны развела да как заревет во всю мочь:

Само мясо в дом пришло —
нежданное, незваное —
жирное — прежирное,
само в котел просится!

Беглецы услышали эти слова, переглянулись. Поняли они, о каком мясе медведица поет.

Кончила свою песню медведица и говорит ослу:

— Ну, теперь твой черед.

Бедному ослу было не до песни, да делать нечего, запел и он:

Выдь на двор да погляди, что висит перед пещерой!

Выдь на двор да погляди, что висит перед пещерой!

Услышали эти слова медведи и волки, переглянулись. Заставили младшего медвежонка выйти на двор, посмотреть, что там висит перед пещерой. И наказали ему: „Если всё хорошо, поскорей возвращайся, а если что не так — беги, куда глаза глядят“.

Медвежонок вышел, глянул наверх и обмер от страха: у самой пещеры

на голом суку волк на веревке качается. Взревел медвежонок от страха и давай бог ноги. А хозяева подождали его, подождали и второго медвежонка послали. Тот тоже не воротился. Тогда они послали волчонка:

— Ну-ка, выдь, посмотри, что висит у входа в пещеру!

Волчонок тоже пропал. Так один за другим все волчата и медвежата затерялись в ночи.

Подождали волк и медведица своих детей и решили пойти посмотреть, куда это они запропастились. А гости подумали, что они хотят их съесть. Испугались. Баран бросился к воротам, да вместо того, чтобы открыть их, подпер рогами. И пошла потеха! Осел начал реветь по-ослиному, петух уселся на полку да как закукарекает во всё горло. Лиса завизжала и сунула голову в горшок — только хвост наружу торчит.

Хорошо, баран опомнился, поднял голову кверху — посмотреть, что случилось, дверь и отворилась. Волк и медведица выскочили наружу и увидели волчью шкуру. И так перепугались, что кинулись бежать через девять лесов в десятый. Там они остановились перевести дух и повели между собой такой разговор:

— Ух, — сказала медведица, — страх-то какой! До сих пор не могу прийти в себя! Ты слышал, кум, как чудовище с красным гребнем орало: „Дайте мне веревку, обоих повешу!“

— А ты видела, кума, как другое чудовище с длинным хвостом по пещере бегало и веревку искало?

— Хорошо, что удалось ноги унести. Вот какие страшные звери в гости к нам забрели! — вздохнула медведица и пошла с волком по лесу детей кликать.

А осел, баран и петух поняли, что в лесу жить еще страшнее, чем с людьми, и опять в село воротились.

Лиса же и по сей день из горшка голову вытащить не может.

ВОЛК И ЕСТЬ ВОЛК

Гнались две охотничьи собаки по лесу за волком. Тот бежал во весь дух, перепрыгивал через ямы, кидался в кусты, но собаки уже настигали его — вот-вот вцепятся. Вдруг скатился волк в овраг и пропал в нем. Потеряли собаки его след. Покуда метались они взад-вперед, обнюхивая землю, волк выбежал на опушку леса и наткнулся на крестьянина, пахавшего свою ниву.

— Спрячь меня, братец! — взмолился волк. — За мной собаки гонятся, а за ними и сам охотник с ружьем идет. Спаси мою шкуру! Я хоть и волк, но отблагодарю тебя.

— Куда же мне тебя спрятать? — спросил пахарь.

— А уж это тебе лучше знать, на то ты и человек.

Пахарь почесал в затылке, посмотрел вокруг, потом протянул руку к телеге, взял с нее мешок, который собирался наполнить дикими грушами, и сказал волку:

— Полезай сюда!

Волк с трудом влез в мешок, и пахарь завязал его. Подоспевшие собаки пробежали мимо. Следом за ними шел охотник.

— Эй, земляк, ты волка тут не видал? — спросил он.

— Нет, — ответил пахарь.

А волк в это время лежал в мешке, боясь пошевелиться, и стучал зубами от страха.

— Чудно, — сказал охотник, — словно сквозь землю провалился!

— И отправился вслед за собаками.

Пахарь развязал мешок и выпустил волка. Но только тот выскочил из мешка, сразу оскалил зубы — того и гляди набросится.

— Ты чего это? — испугался пахарь.

— Я тебя съем!

— За что? Я ведь спас тебя от собачьих зубов и от охотничьей пули.

— Глуп ты, потому и спас, а я съем тебя, потому что голоден.

Вдруг из лесу выбежала лисица.

— Съешь его, куманек, — крикнула она, — со всеми потрохами съешь! Чтоб и косточек не осталось!

— За что же он меня есть будет? — спросил пахарь. — Я ведь жизнь ему сберег.

— Как это так? — подивилась лисица.

— Спрятал в мешок от собак и охотника.

— В мешок? Ни за что не поверю. Да разве может такой огромный волк в мешке уместиться? Выдумываешь ты что-то...

— Да нет же, — сказал пахарь и обернулся к волку. — Было такое?

— Было, — подтвердил волк.

— Да ну? — опять удивилась лисица. — Ни за что не поверю, пока своими глазами не увижу.

— Гляди, — рассердился волк и нырнул в мешок, чтобы убедить лису, что он весь в нем легко умещается.

— А ты, — повернулась лиса к пахарю, — что сделал, когда волк в мешок залез?

— А вот что! — И пахарь крепко завязал мешок.

— Чего же ты теперь ждешь? Бери топор да разделявайся с волком! — сказала лисица пахарю и побежала в лес. Перед тем же, как скрыться в чаще, она обернулась и крикнула: — Вечерком приду к тебе, а ты мне уточку приготовь!

— Приходи, кумушка! Я тебе целых две дам, — весело сказал пахарь и принялся колотить волка.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Пошел крестьянин в лес по дрова. Шел, шел и набрел на глубокую яму. Смотрит, а в яме медведь. Топчется на месте, рычит. Ждет, когда охотник за ним придет.

— Что ты тут делаешь, медведь? — спрашивает дровосек.

— Да вот свалился в яму вниз головой и не могу из нее выбраться. Помоги мне, добрый человек, а уж я тебя отблагодарю, сделаю всё, что ты пожелаешь.

— Как же мне тебе помочь?

— Опусть в яму лестницу, — посоветовал ему медведь, — я по ней и вылезу.

— Лестницы у меня нет под рукой, а вот доску от телеги я тебе подам, — ответил дровосек и опустил доску в глубокую яму.

Медведь осторожно стал карабкаться по доске и выбрался из ямы. Спас на этот раз свою шкуру.

— Ну, а теперь говори, чем мне тебя отблагодарить, дровосек, за то, что ты меня от беды спас.

— Ничего мне не надо, большое дело — доску в яму опустить.

— Э, нет, — обиделся медведь. — Уговор дороже денег. Должен я тебя чем-нибудь одарить. У меня на зиму три горшка меду припасено.

Пойдем со мной к берлоге, один горшок я тебе дам.

„Отчего же не взять?“ — подумал крестьянин и пошел за медведем.

Дал ему медведь горшок с медом, а на прощанье сказал:

— Помни, мед этот твой и больше ничей. Будешь есть и мою доброту поминать. Как узнаю, что ты даешь мед жене или детям — прощайся с жизнью, так и знай. Приду и съем тебя.

Что было делать крестьянину? Нарубил он дров, погрузил их на телегу, а на самый верх горшок с медом поставил и поехал домой.

Дети встретили его у ворот. Как увидели горшок — запрыгали от радости. Спрашивают отца, что в горшке.

— Ничего там нет, — отвечает дровосек. — Пустой горшок.

Распряг он волов, отнес горшок в амбар и спрятал в дальний угол. Раз-другой попробовал тайком меду. Да как ни хоронился, дети увидели и ну просить:

— Дай и нам того, что прячешь в амбаре!

Подумал, подумал крестьянин и решил: „Нехорошо это — сам мед ем, а детишки только облизываются. Дам-ка и им попробовать. А там будь, что будет!“

Пошел он в амбар, вынес горшок и сказал детям:

— Так и быть, дам и вам медком побаловаться, да только сначала сходите на двор, посмотрите, нет ли кого поблизости.

Вышли дети на двор и вскоре воротились:

— Нет никого на дворе, только мамин сарафан на плетне чернеет. (А это был медведь, который всё видел и все слышал.)

Съели дети мед и горшок облизали. Понес крестьянин пустой горшок в амбар, а навстречу ему медведь.

— О чем мы, мужик, с тобой договаривались? Ну-ка, иди на речку мыться!

— Зачем?

— А затем, что я тебя съем!

Крестьянин испугался, да делать нечего: пошел к реке, а медведь — за ним. Идет крестьянин и плачет. Тут лиса поблизости случилась.

— Ты чего плачешь?

Крестьянин ей и рассказал все с начала до конца. Лиса выслушала его внимательно и покачала головой.

— Одному не могу поверить...

— Чему, лисонька?

— Ни за что не поверю, что медведь может по доске ходить.

— Могу, — прорычал медведь, — и по деревьям могу лазить, и по доске ходить.

— Пока собственными глазами не увижу — не поверю!

— Пошли! — рассердился медведь. — Я тебе покажу!

— Куда пошли?

— В лес.

Пошли все трое в лес, дошли до волчьей ямы. Медведь прорычал: „Раз-два-три“ и скатился в яму.

— Дровосек! Тащи скорей доску!

— Ты носи не доску, а топор, да проучи хорошенько неблагодарного зверя! — посоветовала крестьянину хитрая лиса. — И вот тебе мой совет: не вытаскивай медведя из ямы!

МЕДВЕДИЦА И ДРОВОСЕК

Проходя мимо колючего куста, дровосек услышал шорох. Раздвинул он ветки, заглянул и увидел маленького мохнатого медвежонка. Медвежонок запутался в колючках, и, как ни напрягал силы, как ни визжал и рычал, не мог выбраться. Дровосек наклонился, раздвинул колючки, освободил испуганного медвежонка и отпустил его на волю.

А медведица была близко — на соседней скале — и всё видела. Спрыгнула она со скалы — и прямо к дровосеку. Заметив ее, тот онемел со страху, но медведица подняла лапу, успокоила его и промолвила человеческим голосом:

— Не бойся, ничего плохого я тебе не сделаю. Я видела, как ты помог моему медвежонку, поняла, что ты хороший человек, и решила побрататься с тобой. Хочешь?

— Еще бы, — ответил дровосек, — кто откажется от такой названной сестры, как ты!

Тогда медведица поднялась на задние лапы, раскрыла передние и обняла дровосека как брата. По обычаю, дровосек должен был поцеловать ее в морду, но как только приблизил он лицо свое к ее пасти — пахнуло на него тяжелым духом и дровосек отшатнулся.

— Что ты? Чего ты вырываешься? — удивленно спросила медведица.

— Очень уже плохо пахнет у тебя изо рта, — ответил дровосек.

Медведицу обидели эти слова, она опустила на землю, помолчала немного, а затем воскликнула:

— Ударь меня, названный брат, по шее острием топора!

Дровосек опешил:

— Что ты говоришь, — сказал он, — где это видано, где это слыхано, чтобы брат на сестру руку поднимал!

— Ударь! — страшно зарычала медведица. — Или я тебя ударю.

Нечего было делать дровосеку. Поднял он топор и ударил медведицу. Хлынула из раны кровь. Не посмотрев в глаза человеку, медведица повернулась и исчезла в чаще.

Прошло два года. Дровосек много раз ходил в лес, но нигде не встречал своей названной сестры. Однажды он бродил в лесу, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила к нему медведица. Узнали они друг друга, поздоровались и разговорились. Слово за слово, дошли до удара топором.

— Кстати, брат, — сказала медведица, — а ну посмотри, что осталось от раны, которую ты мне нанес.

Дровосек поворошил шерсть на ее шее, но не нашел даже и шрама.

— Ничего не осталось! — сказал он.

— Видишь, брат, рана от топора так зажила, что я о ней и забыла, а вот плохого слова, что ты мне тогда сказал, не забуду, пока жива.

Опустила медведица голову и пошла прочь.

ЛЕС И ТОПОРЫ

На лесную дорогу выехала телега, нагруженная новыми топорами, только что выкованными в кузнице. Молодые деревца, что росли вдоль дороги, взволновались, зашумели листвою, начали шептаться.

- Что там случилось? — спросил старый бук, росший в чаще леса.
- Пришел нам конец! — ответили деревца.
- Почему?
- Потому что в лес прибыли топоры.
- А ну, посмотрите, — приказал бук, — есть ли с ними кто-нибудь из наших?

Деревца посмотрели в телегу и ответили:

- Нет.
- Раз так — не бойтесь, — промолвил бук. — Веточки не упадет с вас, пока дерево не станет союзником железа. Было бы страшно, если бы лес дал топорам топорщица!

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И СОБАКА

Шла лисичка-сестричка лесом и приговаривала:

— Ах, какая я красивая! Какие у меня глаза! Ясно светят, всё видят. А ножки мои! Это не ножки, а чудо. Вихрем носят меня по лесу, будто и не касаются земли. А ушки мои! Всё слышат, ничего не пропустят. Но краше всего у меня хвост. Такой легонький, мягонький, ну просто пух.

Откуда ни возьмись, выскочила в это время охотничья собака и — гав! — набросилась на лису.

Пустилась лисичка-сестричка бежать к своей норе, а собака за ней. Лиса бежит, собака за ней, лиса бежит, собака за ней. Вот-вот догонит лису. Но не тут-то было. Быстрые лисьи ножки унесли лису от собаки. Шмыгнула лиса в нору, спряталась в ней, а собака уселась перед норой и притаилась.

— Подожду, — сказала, — авось выйдет!

Передохнув немного, лисичка-сестричка принялась свои ножки допрашивать:

— Ножки, мои ноженки, что вы говорили, когда собака гналась за нами?

— Мы, — ответили в один голос все четыре лисьи лапки, — говорили: бежим, лисонька, скорее, бежим, лисонька, скорее!

— Милые мои ноженки! Я чулочки вам свяжу! — пообещала им лисичка-сестричка и продолжала:

— А вы, мои глазоньки, что говорили?

— Прямо, лисонька, в норку! Прямо, лисонька, в норку! Так мы говорили, — ответили глазки.

— Милые мои глазоньки, я очки вам куплю! — пообещала им лисичка и обратилась к своим ушам:

— А вы, ушки, что говорили?

— Еще немножко, лисонька! Еще немножко, лисонька! — ответили ушки.

— Милые мои ушки! Я сережки вам куплю! — пообещала лисица и повернула голову к хвосту:

— А ты, хвост, что говорил?

— Хватай, собака, лисий хвост! Хватай, собака, лисий хвост! Так я говорил, — ответил хвост.

Рассердилась лиса:

— Ах, так! — воскликнула она. — Ну, подожди! Вот отдам я тебя собаке в наказание!

И, не долго думая, лисица высунула из норы свой хвост.

Собака только того и ждала. Кинулась, схватила хвост и стала тянуть лисицу из норы.

Лиса тянет в норку, собака — из норы. Лиса — в норку, собака — из норы, пока не вытащила и не разорвала в клочья лисью шубку.

ХРАБРЫЙ ПЕТУШОК

Возвращался дед Пешо с рынка верхом на своем ослике, покачивался и напевал себе под нос. Подъехал он к деревянному мосту через речку, что протекала возле села, ударил пятками осла, чтобы тот шел быстрее, и стал его понукать:

— Но, Марко, но!

Ослик заторопился, но, когда бежал рысцей через мост, подкова на его левой задней ноге зацепилась за сучок и оторвалась. Лежит на мосту и блестит, словно серебряный полумесяц.

В то время со стороны летнего царского дворца показалась позолоченная карета, запряженная парой вороных коней со звездами во лбу и хвостами до самой земли.

— Царская карета едет! — подумал старик и свернул в сторонку, чтобы дать ей дорогу.

Кони мчались так быстро, что искры летели у них из-под копыт.

Повернул старик голову и засмотрелся на всадников, скакавших за каретой.

Глядь, остановилась позолоченная карета на мосту. Дверца открылась, оттуда показался человек с короной на голове и что-то приказал ближайшему всаднику. Тот соскочил с коня, нагнулся, поднял с земли какую-то вещь и положил в высунувшуюся из кареты руку. Немного погодя и карета, и всадники исчезли за поворотом дороги.

— Что такое нашли они на мосту? — промолвил озадаченный дед Пешо и тронул было осла, но тот вдруг захромал.

Старик слез с осла, осмотрел ему ноги. Заметив, что одной подковы нет, печально покачал головой и повел Марко на поводу. Войдя в свой дворик, он вытащил из-за пазухи узелок с мелочью, пересчитал ее, увидел, что денег на новую подкову не хватит, и тяжело вздохнул:

— Куда я теперь денусь со своим хромым Марко?

А у деда Пешо кроме осла был еще петушок в желтых сапожках и с ощипанным хвостом. Подошел он к своему хозяину и сказал:

— Не кручинься, дед Пешо! Я видел, кто увез подкову нашего Марко. Не будь я Петушком с ощипанным хвостом, коли не верну ее тебе.

И храбрый петушок отправился в царский дворец. Шел он, шел и в конце концов дошел до реки, а ни брода, ни моста там не было. Стоит он на берегу и думает, как перебраться на ту сторону. Думал он, гадал и, наконец, сказал:

— Вот уж нашел, над чем раздумывать!

Нагнулся петушок с ощипанным хвостом, вытянул шею, разинул клюв и начал пить. Всю реку до дна осушил и перешел на другую сторону.

Пошел дальше. Вошел в густой лес. Вдруг выскакивает оттуда лев и рычит:

— Эй, ты, ходящий на двух ногах, кто тебе позволил войти в мой лес? Возвращайся, или я тебя съем!

— Еще чего! — ответил петушок. — Ну-ка убирайся с моей дороги!

А лев уж и пасть разинул.

— Ах, ты, такой-сякой, — рассердился петушок, — не хочешь убираться?

И, вытянув шею, клюнул льва и проглотил его.

Поздно вечером петушок с ощипанным хвостом добрался до царского дворца, перелетел в сад и уселся на суке прямо перед открытым окном царской опочивальни. Там, на хрустальном столике, что возле постели царя стоял, блестела подкова осла деда Пешо.

— Кукареку-у! — крикнул петушок и захлопал крыльями.

Царь проснулся и страшно рассердился.

— Кто смеет нарушать мой царский сон? — грозно воскликнул он.

— Я! — ответил петушок.

— Что тебе надо?
— Подкову!
— Не отдам! Она мне на счастье! — ответил царь, схватил подкову и сунул ее себе за пазуху.

Тогда петушок закукарекал еще сильнее.

— Долго ты будешь кукарекать? — спросил царь.

— До самого утра не дам тебе спать, если ты не вернешь подкову.

— Ах, так? — погрозил ему царь и три раза ударил в ладоши.

В тот же миг девять придворных вбежали в его опочивальню и упали перед ним на колени.

— Что прикажешь, государь?

— Во-первых, приказываю затопить большую печь, в которой пекут хлеб для всего моего войска! Во-вторых, приказываю схватить этого петушка и живым бросить его туда!

Как царь приказал, так придворные и сделали. Затопили большую печь, а когда она раскалилась, бросили в нее петушка деда Пешо.

Но петушок не испугался. Как только ступил на уголья, сейчас же проговорил:

Водолей, водолей,
всю водицу пролей,
уголья погаси,
петушка спаси!

Не успел выговорить эти слова, как из него хлынула река, которую он выпил, и залила печь. Угли погасли.

Утром петушок, живой и здоровый, выскочил из печи и стал расхаживать по саду, под окном разгневанного царя. А вечером, только тот заснул, снова принялся кукарекать.

— Ты опять за свое? — вскочил царь. — Вот я тебе покажу!

И велел придворным бросить петушка в зверинец, где сидели голодные волки и отощавшие лисицы.

Очутившись в зверинце, петушок, вместо того чтобы проглотить от страха язык, разинул клюв и крикнул:

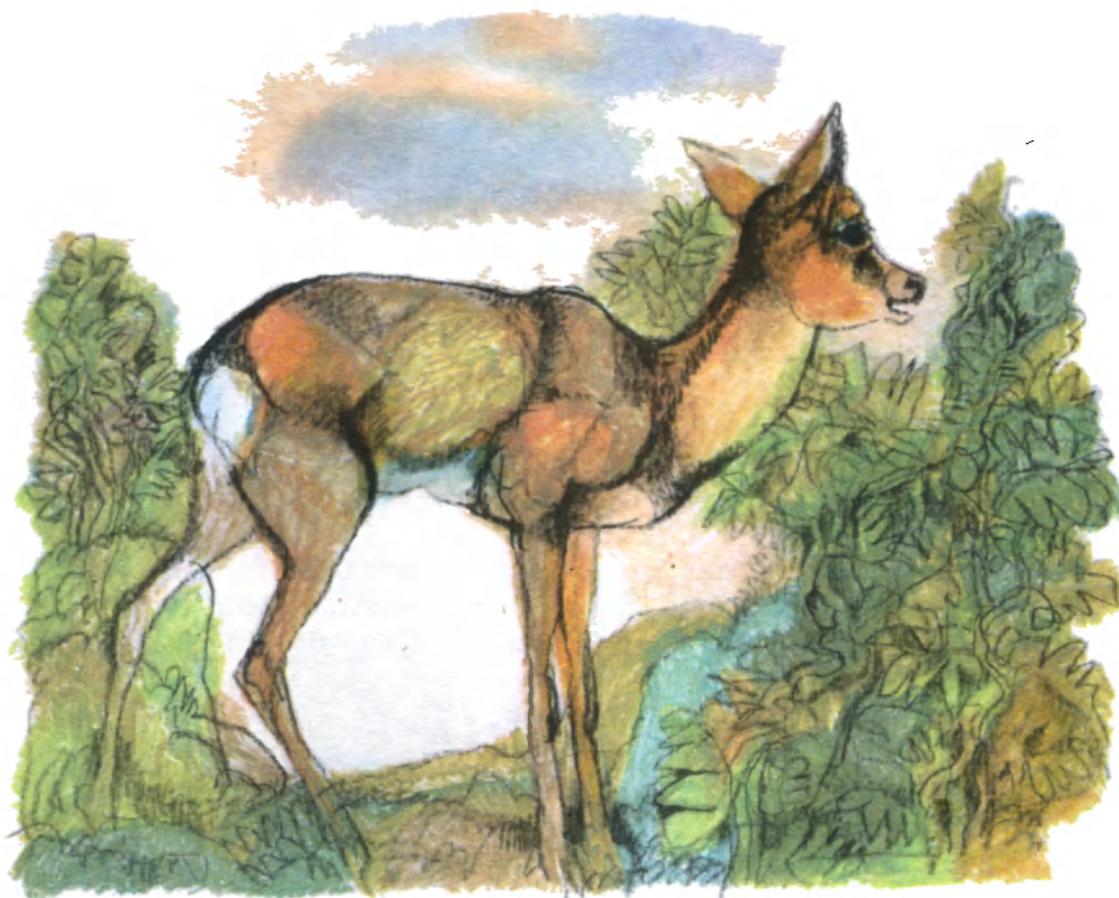
Лев, лев, молодец.
докажи, что ты храбрец!

Лев выскочил и быстро передушил всех волков и лисиц. А петушок живым и здоровым вылетел из зверинца.

На третью ночь он опять закукарекал под распахнутым окном царя. И тому пришлось покориться, потому что никто не мог померяться силами с храбрым петушком. Вынул царь из-за пазухи подкову, надел ее петушку на шею и закричал:

— Вот тебе подкова, убирайся прочь с моих глаз!

Петушок отправился в село, чтобы поскорее обрадовать бедного деда Пешо, а лев вернулся в лес.

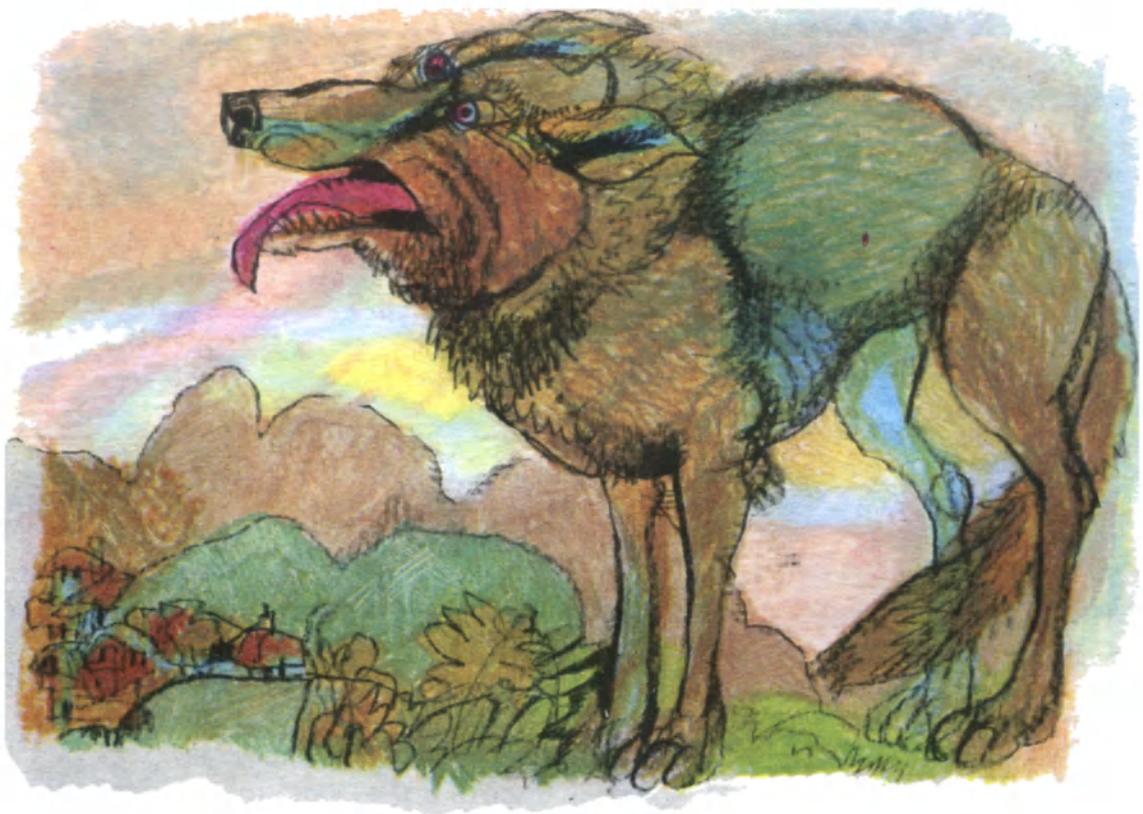

СЕРНА И ЛОЗА

Весь день охотники травили серну. К вечеру загнанное животное выскочило из лесу и забилось в густой виноградник. Укрылось под лозой и притаилось. Охотники прошли мимо виноградника, долго озирались по сторонам, но, ничего не увидев, перекинули ружья через плечо и двинулись дальше. Не успели они скрыться из виду, как нетерпеливая серна поднялась на задние ноги и принялась с жадностью есть зеленый виноград и молодые побеги лозы.

Один из охотников услышал шорох, обернулся и увидел, что верхушка лозы качается. Мигом снял ружье, прицелился, выстрелил и повалил лакомку-серну.

— Так тебе и надо! — промолвило старое персиковое дерево, что стояло посредине виноградника, как наседка, раскрывшая крылья. — Вместо того чтобы поблагодарить лозу за то, что она спасла тебе жизнь, ты принялась ломать ее побеги и объедать плоды!

ВОЛК И ЕГО ЖЕРТВЫ

Пришла как-то овца в трактир и, утерев слезы, обратилась к трактирщику:

— Налей-ка мне кружку вина!

Трактирщик налил ей трехлетнего вина. Подняла овца кружку, осушила до дна и сказала:

— Еще одну кружку!

— Почему ты так много пьешь? — спросил ее старый трактирщик.

— Тяжело у меня на душе, — ответила овца.

— А что случилось?

— Ночью забрался в овчарню волк и съел моего отца, старого барана круторогого. Только колокольчик остался.

— Тогда пей, горе и забудется, — посоветовал трактирщик.

Целый день пила овца вино, а к вечеру, пошатываясь, вышла на улицу и заблеяла охрипшим голосом.

— Чего ты блеешь? — спросила ее коза.

— Потому что пьяна.

— Не пей много, не к добру это.
— Как мне не пить, — ответила овца, — когда у меня такое горе, ночью волк зарезал моего доброго отца.
— А куда ты идешь?
— В лес.
— Что ты там будешь делать?
— Бороться с волком. Поборю его, сдеру шкуру и отдам музыкантам, пусть сделают из волчьей шкуры барабан. Они будут бить в барабан, а я стану плясать на его поминках.
— Возьми и меня с собой. У меня вон какие острые рога! — сказала коза.
— Нет, нет! — заблеяла овца. — Я сама справлюсь с этим разбойником.

Вышла захмелевшая овца из села и направилась в лес. Навстречу ей бежит собака.

— Возьми меня с собой, — попросила собака. — Летом волк загрыз двух моих братьев. Я давно на него зубы точу. Ты с ним схватишься, а я прыгну ему на спину и вцеплюсь в глотку.

— Нет, нет! — сказала захмелевшая овца. — Я так на него зла, что одним ударом повалю его наземь.

Схватилась овца с волком в одиночку, и тот ее зарезал.

Коза решила отомстить волку за смерть подружки, пошла в лес, волк и с ней расправился.

Пошла в лес собака требовать у волка ответа, почему он загрыз ее братьев, да так и не вернулась.

А волк шастал себе по лесу и, посматривая в сторону села, где над трубами засыпанных снегом домов вился дымок, думал:

— Только бы им не пришло в голову всем вместе на меня навалиться — овцам, рогатым козам и зубастым псам! Тогда мне уж не сдобровать.

ПАХАРЬ И МЕДВЕДЬ

Пахал как-то крестьянин у опушки леса свое поле. Откуда ни возьмись, выходит из лесу медведь — и прямо к нему.

— Дядюшка, — рычит медведь, — хочешь будем пахать вместе?

— Ладно, — согласился крестьянин, выпряг одного из волов и на его место запряг медведя. Стал погонять его, чтобы быстрее шагал. Весь день работали, пока все поле не вспахали.

На другой день медведь и говорит:

— Давай теперь посеем пшеницу!

— Что ж, давай, — согласился крестьянин и принес из амбара мешок зерна. Начали они сеять. Крестьянин бросал в землю зерно, а медведь боронил.

Прошла зима, настала весна, пришло и жаркое лето. Пахарь отправился в лес, нашел берлогу своего помощника и крикнул:

— Медведь, а, медведь, пшеница поспела, давай ее делить!

— Иду! — выскочил медведь и поковылял следом.

Пришли они на поле. Смотрят — пшеница выросла высокая, желтые

стебли тяжелыми колосьями к земле клонятся. Думал-думал медведь, что бы взять, и наконец решил:

— Мне корешки, а тебе вершки!

— Будь по-твоему! — обрадовался крестьянин и ожал пшеницу.

Навязал из нее снопов, обмолотил, отвеял, и из зерна получилась небольшая кучка, а соломы набрался целый стог.

— Меньшая кучка моя, а большая твоя, — сказал крестьянин медведю и нагрузил зерно на воз.

Медведь подошел к стогу и начал рыться в соломе. Рылся, рылся, на вкус солому попробовал и тяжело вздохнул:

— Обманул ты меня, зато будущим летом вершки возьму я, а корешки — ты!

— Пусть будет по-твоему, — усмехнулся крестьянин и отправился домой.

Пришла опять весна. Крестьянин запряг медведя, распахал поле и посадил картошку. А осенью медведь и говорит:

— Помнишь наш уговор? Тебе корешки, мне вершки!

И принялся рвать картофельную ботву. Всю как есть оборвал. А крестьянин выкопал картошку, ссыпал ее в мешки и погрузил на воз. Попробовал медведь ботву, рассердился:

— Опять ты меня обманул! — зарычал он, поднялся на задние лапы и полез было на своего товарища, чтобы съесть его. Перепугался крестьянин.

Но тут из-за кустов лисья мордочка показалась. Медведь увидел лису и подумал: „А почему бы мне и ее не съесть? Авось не объемся“.

— Позови лису сюда! — велел он крестьянину.

Крестьянин закричал:

— Кумушка-кумушка, иди-ка сюда!

— Не смею, — ответила лиса.

— Почему? — спросил крестьянин.

— Медведя боюсь.

Медведь перестал шевелиться и тихонечко спросил:

— Скажи, что я не медведь, а выкорчеванный пенёк.

Крестьянин снова закричал:

— Подойди, кумушка! Разве не видишь — это не медведь, а выкорчеванный пенёк.

— Раз это пенёк — сунь его в мешок! — ответила лиса.

Медведь тихонько проговорил:

— Сунь меня в мешок!

Крестьянин высыпал картошку из мешка и засунул туда медведя вниз головой.

— А теперь, — добавила лиса, — завяжи мешок веревкой. Крепко завязал?

— Крепко! — ответил крестьянин.

— Ну, а теперь хватай топор!

Крестьянин схватил топор и раз-два — разделался с медведем. А затем усадил лису на телегу, отвез в село и пустил в курятник, чтобы выбрала себе самую жирную курочку в награду.

СТАРУХА И МЕДВЕДЬ

Отправилась раз старуха в лес за кизилом. Только взобралась на дерево — откуда ни возьмись, медведь.

— Слезай, старая!

— А зачем мне слезать-то?

— Я тебя съестть хочу!

— Ахти, батюшки! — разохалась старуха. — Не ешь меня, медведь, уж больно я старая да жилистая. Лучше приходи ко мне вечером в гости. Есть у меня три дочки. Старшая Мякушка, средняя Крепышка, а младшая Вечеренка. Которую выберешь — ту и съешь.

Медведь поверил и оставил старуху в покое. Набрал полное лукошко кизила, старуха вернулась домой и заперла дверь. Настала ночь. Вдруг приходит медведь и рычит:

— Дай мне, старуха, Мякушку!

А старуха говорит из-за двери:

— Мякушка мягко себе постлала и спит крепким сном!

— Дай мне, старуха, Крепышку! — заколотил в дверь медведь.

— Крепышка крепко дверь заперла! — ответила старуха.

— Дай мне, старуха, Вечеренку, или я съем тебя! — заревел медведь.

— Не съешь, потому что я теперь одна в лес ни ногой, — сказала старуха и задула свечу.

А медведь поплелся в лес восвояси.

ЧЕЛОВЕК И ЛЕВ

Расхвастался лев перед лесными зверями:

- Сильнее меня никого на свете нет!
- Не хвастайся, — сказал старый хромой медведь, которому некогда дровосек разрубил топором лапу, — есть и посильнее тебя.

Лев вскочил и обнажил клыки.

- Говори, кто?
- Человек, — ответил медведь.
- Где он? Хочу встретиться с ним и помериться силами, — проревел лев.
- Иди в поле, там найдешь его.

Лев вышел из лесу и отправился искать человека.

На одном лугу он увидел пасущуюся лошадь, стреноженную железными путами. Приблизился к ней и рявкнул:

- Эй ты, травоядное, что ты за животное?

- Не видишь разве? Я лошадь!
- А кто тебя в железо заковал?
- Человек, — ответила лошадь. — Мой хозяин!
- Где он?
- Только что в лес пошел, за дровами.

Пошел лев дальше. По дороге увидел в поле пару волов, впряженных в соху. Они стояли и отдыхали. „Видно, это и есть люди“, — подумал царь зверей и обратился к ним:

- Кто вы такие?
- Волы.
- А что вы тут делаете?
- Отдыхаем. Нас еще с утра впрягли.
- Кто?
- Человек, — ответили волы. — Наш хозяин!

„Ого, — подумал лев, — с человеком, видно, шутки плохи!“ — и отправился дальше. Вошел в лес. Добрался до полянки. Видит, стоит на полянке воз с дровами, а перед возом пара огромных черных буйволов.

- Кто вы такие? — спросил лев.
- Буйволы.
- Что вам в лесу надобно?
- Да вот человека поджидаем. Он придет и запряжет нас, а мы ему дрова отвезем.
- А он что будет делать?
- Усядется на воз и всю дорогу на дудке играть станет.
- Где же он?
- Вон там, за теми деревьями, яму роет — зверям лесным ловушку устраивает.

Лев направился к человеку. Тот уже кончил рыть яму и покрывал ее теперь сверху ветками и дерном. Могучий зверь зарычал у него за спиной. Человек вздрогнул, обернулся и похолодел от страха. „Лев! Что делать?“ Оглянулся он вокруг, ища помощи, — никого. Тут в голову ему пришла счастливая мысль: „Силой с этим страшилищем не справиться, попробую хитростью“.

- Что тебе надо от меня? — спросил человек.
- Хочу силами с тобой помериться, — ответил лев.
- Как же мы это сделаем?
- Бороться будем.
- Ладно, — сказал человек, — но до того давай посмотрим, кто дальше прыгнет.

- Согласен, — прорычал лев. — Ты и начинай!

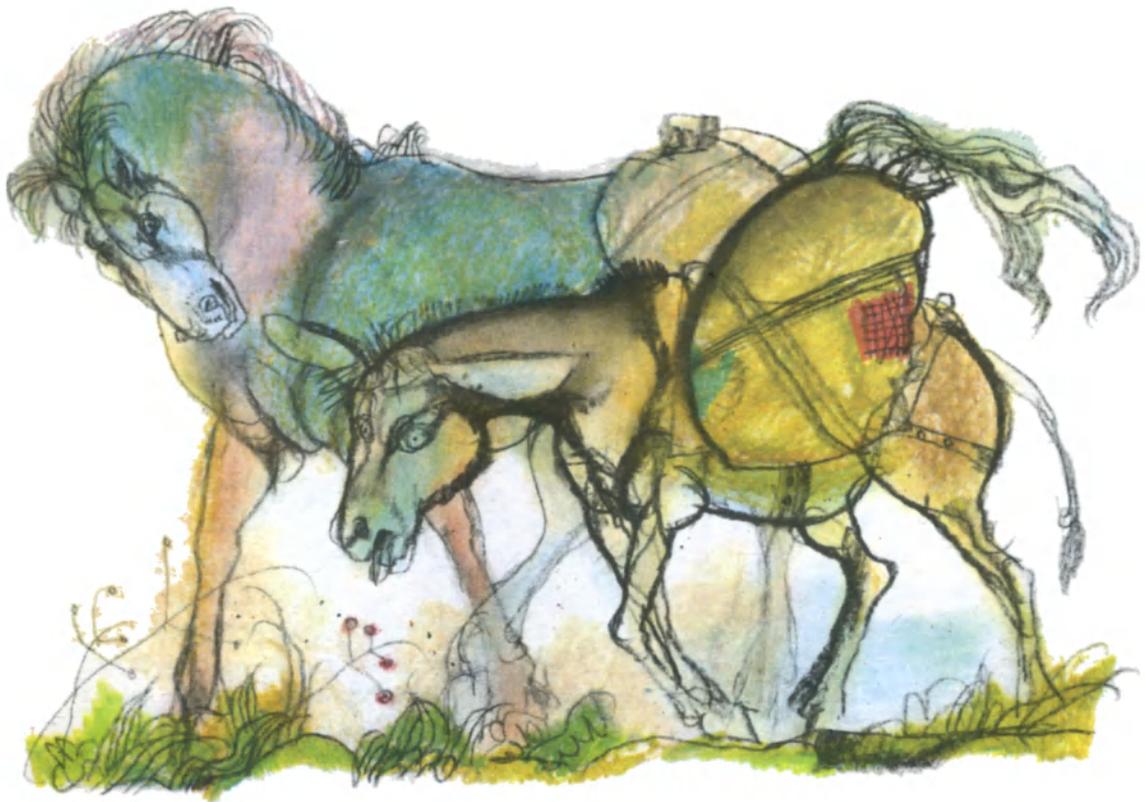
Человек отошел на десяток шагов, разбежался и прыгнул — до самой ямы допрыгнул. Отметил место камешком и, отойдя в сторону, крикнул льву:

— Теперь твой черед!

Лев отошел подальше, пробежался и прыгнул, да в самую яму и угодил.

Тогда человек убил царя зверей топором, и из его шкуры смастерил себе сапожки.

ОСЕЛ И КОНЬ

Осел и конь шли на мельницу. Бедный осел еле тащился под тяжестью двух мешков пшеницы, а сытый конь трусил налегке и весело ржал.

— Ох! — не выдержал осел. — Ну и тяжелы же эти проклятые мешки! Сил моих больше нет. Сейчас свалюсь с ног и помру. Будь добр, братец, помоги! Скажи хозяину, чтобы перебросил один мешок тебе на спину.

Но конь делал вид, будто не слышит.

На одном каменистом пригорке осел споткнулся, рухнул на землю и испустил дух.

Тогда хозяин переложил поклажу осла на спину коня, хлестнул его плетью и дернул поводья.

Конь согнулся под тяжелым грузом, вздохнул и, взглянув в сторону околевшего осла, сказал:

— Эх, братец, прислушайся я к твоей просьбе, сейчас нес бы всего один мешок.

И тяжело ступая, понуро поплелся по дороге.

ВИНОГРАДАРЬ И ДРОЗД

Отогрело землю теплое мартовское солнышко. Весело зашумела капель. Взял виноградарь ножницы и крикнул дрозду:

— Эй, птичка-невеличка, пошли со мной лозы обрезать!

— Не могу, — ответила птичка, — я занята: гнездо вью.

И полетела за соломинками.

Пронесся над холмами вешний ветер. На лозах появились молодые побеги. В садах зажужжали пчелы. Виноградарь взвалил на плечо мотыгу и сказал дрозду:

— Пошли со мной — виноградные кусты окучивать!

— Что ты! — ответила птичка. — Я как раз начинаю яйца класть!

И уселась в гнезде.

Прогремели июньские грозы. Проливные дожди омыли землю. Виноградарь опять позвал дрозда:

— Эй, птичка-невеличка! Пойдем виноградник опрыскивать, не то там, того и гляди, „белая гниль“ появится.

— Иди один! Разве ты не видишь, что я птенцов высиживаю! — ответила птичка и притихла в своем гнезде.

Виноградник густо зарос сорняками. Заботливый хозяин наточил сечак и спросил дрозда:

— Не хочешь ли отправиться со мной виноградник очищать?

— Нет! — ответил дрозд. — некогда мне: я как раз учу птенцов летать.

Наступила осень. Созрели янтарные гроздья. Хозяин запряг лошадей в телегу и отправился на виноградник.

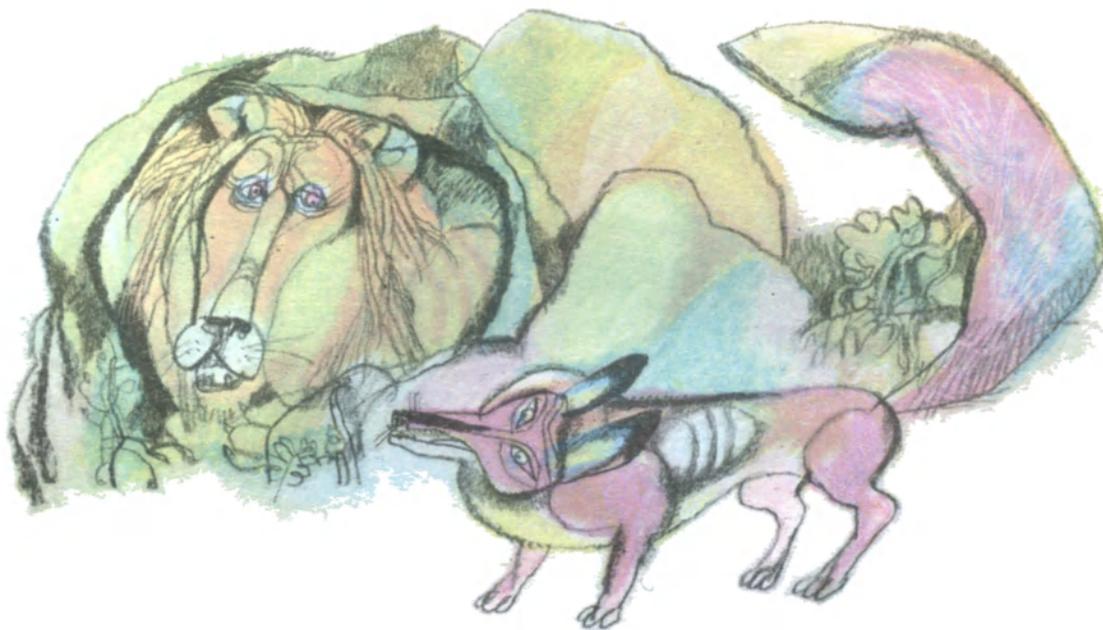
— Где ты, птичка-невеличка? — крикнул он.

— Здесь я! — прощепетал дрозд.

— Пойдем урожай собирать!

— Сейчас! — восторженно крикнул дрозд. — Дай только птенцов позову. Все вместе виноград собирать будем!

ЛЕВ И ЛИСА

Плохо пришлось льву на старости лет. Ему уже не под силу было угнаться за добычей. Стал он возвращаться с охоты ни с чем и голодным бродить по лесу. Долго раздумывал лев, как ему теперь прокормиться, и решил помочь себе хитростью. Забрался он в свою пещеру и заревел:

— Братья и сестры — волки, медведи, олени, зайцы и лисицы, приходите прощаться со мною, наступил мой последний час! Помираю!

Поверили лесные звери льву и потянулись друг за другом к нему в пещеру. Там старый лев одним ударом валил их на землю. Немало доверчивых зверей погибло от его лапы.

Наконец явилась к нему и лиса, но в пещеру не вошла, а остановилась у входа.

— Как твое здоровье, государь? — спросила она.

— Ох, — вздохнул лев, — очень мне худо. Не жилец я на этом свете. Входи-ка поскорей, покуда я не протянул ноги.

— Спасибо за приглашение, государь, но я не осмеливаюсь войти к тебе.

— Почему? — удивился лев.

— Да вот гляжу, следы тех зверей, которые приходили к тебе, все только в пещеру ведут. Кто к тебе вошел — обратно не вышел. Прощай, государь!

И хитрая лиса убралась подобру-поздорову.

СОН ВОРОБУШКА

Заснул серый воробушек как-то осенью в своем гнезде, и приснился ему чудный сон.

Он увидел во сне весенний сад. С высоких деревьев тихо опадают лепестки цветов. На цветущих ветках сидят дивные птицы. Пестрокрылые, с красными лапками, желтыми брюшками, зелеными шейками и золотыми головками. А глазки у них сверкают, точно алмазы. Вздохнул бедный воробушек и говорит:

— Как несправедливо устроен мир! У этих птичек такой красивый наряд, что просто глаз не отвести, а мое оперенье жалкое, серое, как у нищего. Как бы я хотел быть похожим на пестрых птичек. Чем я хуже их: у меня такие же крылышки, клюв и лапки...

Только он это подумал, как чья-то невидимая рука раскрасила его перышки.

Полетел воробушек к колодцу, сел на ветку и стал смотреться в воду. Сердце его затрепетало от радости, когда он увидел, что он такой же писанный красавец, как те птички, которые порхали в цветущем саду. Но не успел воробушек нарадоваться, как видит: страшная змея протянула к нему свою змеиную голову, раскрыла пасть — вот-вот проглотит. Испугался воробушек, вспорхнул и сел на самую высокую ветку. Едва опомнился, как чуть было в другую беду не попал. Все птицы с жалобным писком вдруг попрятались. Глянул воробушек вниз, видит: под деревом стоит охотник и целится прямо в него — вот-вот выстрелит.

— Ай-ай-ай! — запищал что было мочи воробушек. — И зачем я вырядился в эту пеструю одежду? Все недруги издалека меня видят. Будь на мне мой серенький тулупчик, никто бы меня и не заметил!

Вспорхнул воробушек. Хотел было улететь подальше... и проснулся. Увидев, что всё это только сон, радостно подпрыгнул, взмахнул крылышками. Полетел в долину, выкупался в ручейке, сел на ветку орешника, чтобы обсохнуть на солнышке, и весело зачирикал:

— Чик-чирик! Чик-чирик!

КАК ВОРОБУШЕК БУСИНКУ ПОТЕРЯЛ

Серый воробушек сел на плетень и принялся нанизывать бусинки. Нанизывал, нанизывал и уронил одну бусинку. Упала она в бурьян, покатилась под плетень и потерялась.

— Эй, плетень, — прочирикал воробей, — отдай мне бусинку, а не то скажу огню, чтобы тебя спалил!

— Что ж, скажи! — ответил плетень.

Полетел воробушек к огню.

— Огонь, огонь! Сожги плетень!

— Вот еще! — ответил огонь. — Очень мне нужен какой-то сучковатый плетень, чего хорошего еще уколешься.

— Скажу реке, чтобы она тебя погасила!

— Подумаешь! — ответил огонь.

Воробушек полетел к реке и зачирикал:

— Река, река, прошу тебя, погаси огонь!

— Была охота гасить огонь. Лучше буду гладкие камушки пересчитывать.

— Скажу буйволу, чтоб выпил тебя!

— Ну и скажи!

Воробушек полетел к буйволу, уселся к нему на рог.

— Буйвол, буйвол, выпей реку!

— Нет, не стану я реку пить, — ответил буйвол, — я пасусь на такой росистой траве, что, если хлебну воды хоть глоток, живот раздуется и лопнет.

— Тогда я скажу волку, чтобы съел тебя.

— Скажи!

Воробушек полетел в лес искать волка.

— Волк, волк, — попросил он, — иди съешь буйвола.

— Зачем? — ответил волк. — Я лучше отведаю молоденького барашка.

— Скажу пастуху, чтобы науськал на тебя собак, они разорвут в клочья твой кожан.

— Пастух, — крикнул воробей, — спусти собак, пусть разорвут волка!

— Ни к чему мне собак спускать, еще зубы поломают о волчьи кости!

— ответил пастух.

— Я скажу мышам, чтобы прогрызли твою суму!

— Что ж, скажи!

Заглянул воробей в мышиную нору.

— Мышки, а мышки. Прогрызите пастушью суму!

— В амбарах зерна полным-полно, ни к чему нам пастушью суму грызть, — ответили мыши.

Воробушек сел на плетень и горько заплакал. Увидела его кошка и спрашивает:

— Чего ты плачешь, воробей? Перестань, а то при виде твоих слез у меня сердце разрывается от жалости.

— Замолчу, если съешь мышей.

Кошка бросилась на мышей, мыши вцепились в пастушью суму, пастух спустил собак на волка, волк погнался за буйволом, буйвол наклонился над рекой, чтобы ее выпить, река потекла к огню, огонь поджег плетень, плетень испугался, нашел бусинку и дал ее воробушку. Воробушек обрадовался, сел на ветку, весело зачирикал, и все успокоились.

ВОРОБЕЙ И ЛИСА

Было время, когда воробей и лиса жили в большой дружбе. Куда лиса ни пойдет — воробей за нею.

— Братец-воробушек, — сказала однажды лиса, — давай будем работать вместе.

— Что же мы будем делать? — спросил воробей.

— Найдется что. Пшеницу посеем. Вместе урожай уберем и всё по-братски поделим. Согласен?

— Согласен, кумушка.

Посеяли они пшеницу. Хорошая пшеница выросла, заколосилась, созрела. Пришла пора урожай собирать. Вот как-то утречком отправились воробей и лиса в поле хлеб жать. Но только солнышко припекло, ленивая лиса начала хитрить.

— Братец-воробушек, ты тут работай, а я пойду вон на тот холм тучку подпирать, чтобы не упала, не то весь наш урожай пропадет!

— Иди, кумушка, — ответил воробей и стал жать один.

Лиса поднялась на холм и уселась подпирать тучку, показавшуюся из-за гор. А воробей жал, жал, всю ниву сжал, снопы собрал и на гумно отвез.

— Иди, кумушка, молотить!

— Ты, братец-воробушек, молоти, а я и нынче тучу подпирать буду. Сам знаешь, коли упадет — весь урожай наш погибнет.

Ничего не поделаешь. Обмолотил воробей пшеницу, мякину отвеял и позвал лису.

— Иди, кумушка, зерно делить!

— Иду! — крикнула лиса и мигом на гумно прибежала.

Ухватила ведро и начала делить:

— Тебе, братец-воробушек, мерочку, а мне две, моя работа потяжелей была: я тучу подпирала.

Вздыхнул воробей, забрал свою долю и ушел.

— Чего ты закучинился? — спросила его собака.

Воробей рассказал ей, как лиса его обманула. Собака рассердилась и говорит:

— Я ее проучу! Покажи мне, где лисицын амбар!

Воробей показал. Собака забралась туда и зарылась в кучу зерна.

На другой день лиса пришла к себе в амбар и стала зерно в мешок сыпать, чтобы на мельницу отвезти. Разгребла зерно, а из-под него собачье ухо показалось. Лиса подумала, что это мышь, и вцепилась в него зубами. Тогда собака вскочила, накинулась на лису и задала ей трепку. С тех пор дружбе лисы с воробьем пришел конец.

ХИТРЫЙ ПЕТУХ

Горластый петух взлетел на плетень, уселся поудобнее и закукарекал во все горло. Из соседнего леска высунула нос кума-лиса.

— С добрым утром! — крикнула она. — Услыхала я, как ты кукарекаешь. Чудесно! Только вот не знаю, можешь ли ты петь так же, как певал твой батюшка.

— А как он певал? — полюбопытствовал петух.

— Станет, бывало, на плетень одной ногой, закроет один глаз да как запоеет. Никто с ним не мог сравниться!

— Я тоже так могу! — сказал петух, встал на одну ногу, закрыл один глаз и закукарекал.

— А ты можешь, стоя на одной ноге, оба глаза закрыть и петь? — спросила лукавая лисица.

— Могу! — ответил петух и закрыл глаза.

Тут лисица прыгнула и схватила его. Отнесла она петуха в лесок и уже совсем было собралась им полакомиться.

— Эх, — вздохнул петух, — в свое время твоя матушка не так делала.

— А как? — спросила лисица.

— Перед тем, как съесть петуха, у нее было в обычае молитву прочесть.

„Чем я хуже матушки!“ — подумала лисица и решила прочесть молитву. Сложила передние лапы, закатила глаза и начала что-то шептать.

Петух только того и ждал: едва лисица отпустила его, бросился он наутек, замахал крыльями и взлетел на соседнее дерево.

— Эх, перехитрил ты меня! — сказала лисица и, проглотив слюнки, поплелась голодной в лесную чашу.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ДЕЛЕЖ

Отправились лев, осел и лиса на охоту. Весь лес переполошили. Лиса рыскала по чаще, выгоняла оттуда перепуганных зверей, лев мощными ударами валил их на землю, а осел уносил на спине добычу. К вечеру охотники собрались перед пещерой льва. Царь зверей жадным взором окинул лакомую добычу и велел ослу разделить ее. Простодушный осел добросовестно разделил все на три равные доли и сказал:

— Государь, выбери себе ту кучку, которая тебе понравится. Все три одинаковые.

Лев рассердился, бросился на осла и разорвал его.

— Раздели по-новому! — обратился он к лисе.

Хитрая лиса, видя, что случилось после первого дележа, сложила всю добычу в одну кучу, оторвала воробьиное крылышко, отнесла его в сторону и сказала:

-- Государь, по-моему, этот дележ справедливый: тебе — вся добыча, мне — воробьиное крылышко.

— Что тебя заставило поступить так хитро? — спросил лев.

— Печальный конец осла! — поклонилась лиса, ухватила крылышко и убежала.

ХИТРАЯ ЛИСА

Петушок-красный гребешок каждый день рылся в навозной куче — пищу себе добывал. Однажды, роясь там, нашел он денежку и отправился на базар купить себе зернышек. Повстречался ему медведь.

- Куда ты, петушок?
 - На базар.
 - Возьми меня с собой.
 - Хорошо, возьму, только знай, что по дороге встретится нам глубокая яма — тебе через нее не перепрыгнуть, уж больно ты тяжелый.
 - Эка невидаль! Через какие только ямы я не перепрыгивал, когда от охотников убегал!
 - Ну что ж, пойдём.
- Пошли они вместе. Встретили волка.
- Вы куда? — спрашивает волк.
 - На базар, — отвечает петушок.
 - Возьмите и меня с собою, — попросил их волк.

— Отчего не взять, да только на дороге глубокая яма есть, не перепрыгнешь ты через нее.

— Вот еще! Да я через всякие ямы перепрыгивал, когда от овчарок убегал.

Взяли и волка. Пошли дальше. Встретилась им лиса и тоже с ними увязалась.

Шли, шли, подошли к яме. Петушок расправил крылья и перелетел через нее. Медведь разбежался и — бух! — прямо в яму угодил. Поднялся он на задние лапы, на стенку полез, да куда там — глубока яма! Разбежался за ним волк, но тоже не перепрыгнул. Лиса и та на дне очутилась. Пришлось петушку одному на базар идти...

Прошел день, прошел другой, проголодались звери.

На третий день лиса спрашивает:

— Голодные, небось?

— Да уж дальше некуда! — отвечают медведь и волк.

— Тогда давайте погадаем: кто из нас самый вкусный, того и съедим.

— Давайте, — согласились волк и медведь. — Начинай, кумушка!

Лиса уселась на задние лапки, передние подняла и принялась гадать:

Тощая лисица
В пищу не годится,
От худого волка
Никакого толка,
Медведь — медовик
Сам просится на язык!
Его-то мы и съедим!

Набросились волк с лисой на медведя и прикончили его. Хватило им мяса денька на три, а там опять животы у них подвело. Но хитрая лисица спрятала под себя медвежьи кишки, а как проголодалась, стала их вытаскивать да есть.

— Ты что ешь, кумушка? — спрашивает волк.

— А я шкуру себе прогрызла и кишочки свои ем.

— Дай отведать!

— Не дам, у тебя свои есть. Прогрызи себе шкуру, да и лакомься! —

Попробовал было волк шкуру себе прогрызть, да стало ему больно.

— Я сам не могу, — говорит он. — Прогрызи-ка ты мне.

Начала лисица грызть его без жалости.

— Ой, больно! — заревел волк.

— И мне было больно, — отвечает лиса, — да я терпела.

Прогрызла лиса ему шкуру, он и протянул ноги. И лиса его съела. Прошел день, прошел другой. Сидит она в яме и навверх поглядывает. Видит, над ямой синичка летит.

— Эй, птичка-синичка, помоги мне из ямы выбраться. Коли поможешь, отведу я тебя в лес. Есть там одно высокое дерево. Совьешь ты на нем гнездо и птенцов выведешь. Ты мошек ловить будешь, а я твоих птенцов стану караулить.

— Как же мне тебе помочь? — спросила синичка.

— Кидай в яму камушки, яма наполнится, я и вылезу.

Стала синичка камушки собирать да в яму кидать. Кидала, кидала — яма и наполнилась. Вылезла лиса, отвела синичку в лес и показала ей высокое дерево. Синичка свила себе гнездо, яички снесла, птенцов вывела и запела на радостях. Щебечет, птенчиков веселит. Услыхала это лиса, села под деревом и давай просить:

— Слушай, птичка-синичка, дай мне одного птенчика — ко мне матушка пришла, а угостить ее нечем.

— Ну нет! — ответила синичка. — Я своих птенцов не раздаю!

— Вот возьму да срублю дерево, гнездо упадет, и я тогда всех твоих птенцов съем! — пригрозила лиса и взмахнула хвостом, как дровосек топором.

Испугалась синичка и дала ей птенчика.

На другой день лиса пришла за вторым птенцом — у нее, мол, кум в гостях. Нечего делать, отдала ей синичка второго птенца. На третий день третьего пришлось отдать. Остался в гнезде последний птенчик. Заплакала синичка. Плачет, убивается, весь лес слезами залила.

Пролетал мимо ворон и стал спрашивать синичку, почему она плачет. Та ему всё и рассказала.

— Не отдавай последнего птенца, — говорит ворон. — Не бойся, лиса тебе ничего плохого сделать не может. Хвост — не топор, им дерева не срубишь!

Ворон улетел, а лиса тут как тут.

— Эй, птичка-синичка, пришел ко мне в гости мой дядюшка лев, давай последнего птенца.

— Не дам!

— Тогда я дерево срублю!

— Чем?

— Сейчас увидишь — чем!

И лиса взмахнула хвостом.

— Так это же хвост, а не топор! — прошептала синичка.

Лиса рассердилась.

— Кто тебе сказал?

— Ворон.

— Вот я ему покажу! — пригрозила лиса и пошла на дорогу. Легла и притворилась мертвой. Прилетел ворон мертвечины отведать, подскокил к лисе и клюнул ее в глаз. Лиса взвыла от боли, а ворон улетел.

РАК И ЕГО СЫНОВЬЯ

Собрал однажды старый рак в глубоком речном омуте своих малых детушек. Посмотрел на них строго, пошевелил усами и сказал:

— Раки вы мои восьминогие, раки кривоногие! Послушайте совета своего старого отца: будет нам, детки, пятиться назад. Давайте-ка начнем передвигаться вперед головами, как рыбы, жабы и прочая речная живность.

Младший сын, самый умный, ответил отцу:

— Мы согласны, отец, последовать твоему мудрому совету, только ты покажи, как это делается, а то мы не умеем.

Старый рак попробовал было двинуться вперед головой, да у него ничего не получилось — сам-то всю жизнь только и делал, что пятился. Но, не желая уронить своего отцовского достоинства, он принялся больно щипать детей, которые не хотели слушаться его совета. Те бросились врассыпную, задом наперед.

Так раки и не научились ходить как все, и до сих пор продолжают пятиться по-рачьи.

КАК ОВЦА ВОЛКА ПРОВЕЛА

Голодный волк вышел из лесу и стал бродить возле села в поисках добычи. Видит — за ручьем овца пасется одна-одинешенька, а вокруг никого: ни собак, ни пастухов. Подбежал волк к ручью и говорит овце:

— Хорошо, что я тебя встретил, не то умер бы с голоду. Иди сюда, я тебя съем!

— Ну, уж если ты решил съесть меня — делать нечего, ешь, — ответила овца, — но ты же сам видишь, какая я тощая. Кожа да кости. Ты и червячка не заморишь. Лучше подожди до весны. Будет у меня белый ягненок. Я его хорошенько откормлю. Тогда приходи да покличь меня! Я тебя услышу и ягненка сама приведу, чтобы ты съел его. Он таким жирным будет, что ты до конца дней своих не забудешь меня.

„Жирный ягненок — это неплохо!“ — подумал, облизнувшись, волк и отпустил овцу. Но перед тем, как уйти в лес, он обернулся и крикнул:

— Скажи, как тебя зовут, чтобы знать, кого кликать!

— Зовут меня Ученой! — проблеяла овца и скорей в село побежала, а волк в лес ушел.

Миновала зима, весна наступила. И вот пришел волк к стаду и крикнул:

— Ученая, эй, Ученая, поди-ка сюда!

А та среди стада схоронилась и говорит:

— Не кричи так, тут я, тут!.. Да не зря меня ученою зовут: ты меня не проведешь, несолоно хлебавши уйдешь!

Тут собаки почуяли волка, и он еле ноги унес.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК

Однажды голодный волк отправился искать добычу. Видит — на лугу пасется старый конь. Волк подошел к нему и сказал:

— Конь, а конь, вот хорошо, что ты мне попался: уж очень я голоден, дай-ка съем тебя.

— Съесть-то ты меня съешь, — ответил конь, — только твой батюшка в свое время не так поступал.

— А как же?

— Как попадется ему конь, он первым делом у него сдерет подковы с задних копыт, чтобы ненароком не сломать себе зубы, коли примется глотать ноги. А потом уж и самого коня, бывало, зарежет.

— Ладно, — сказал волк, — и я поступлю, как батюшка. Дай-ка сдеру с тебя подковы!

Обошел волк коня и разинул пасть, чтобы ухватить зубами железную подкову. А конь поднял ногу, собрался с силой да как лягнет волка прямо в зубы. Волк без памяти покатился по земле, а конь убежал. Опомнился волк, поднялся и поплелся к овчарне.

Видит — у реки, в тени ив, два жирных круторогих барана щиплют травку.

— Эй, бараны, я пришел вас съесть! — крикнул волк.

— Съесть-то ты нас съешь, Серый, только твой батюшка в свое время по-иному поступал.

— А как?

— Завидит, бывало, баранов у реки, усядется над глубоким омутом и скажет им, чтобы отошли шагов на сто. „А теперь, — крикнет он баранам, — бегите ко мне! Кто раньше добежит, того первого и съем!“

— Ну ладно, и я так поступлю, — сказал волк и уселся на берегу над глубоким омутом.

Бараны отошли, разбежались да как боднут волка рогами. Волк перевернулся, плюхнулся в глубокий омут и чуть было не утонул. Весь мокрехонек на берег выбрался, отряхнулся, обсох немного на солнышке и стал оглядываться: баранов и след простыл — убежали. Вздохнул глупый волк и побрел в поле. Видит — старый осел пшеницу топчет.

— Ах, ты, ослиный сын, — зарычал волк, — ты зачем людям пакостишь? Ложись-ка на землю, я тебя съем!

— Ох, куманек, — закричал осел, — вот хорошо, что ты явился! Я тебя с самого утра всюду ищу. Слышишь, в селе барабаны бьют, волынки гудят — это мой хозяин свадьбу справляет, а кума у него нет. Вот он и послал меня за тобой. Для тебя уже приготовлены пять жареных баранов и богатые подарки.

Волк обрадовался.

— Веди меня, — говорит, — лучше, чем я, кума не сыскать.

— Как же я тебя поведу? У тебя ноги устанут. Лучше садись мне на спину, я тебя повезу.

Волк сел ослу на спину, и они отправились. Только въехали в село, мужики подняли страшный крик: „Волк! Волк!“ Схватили, что кому под руку попало — дубины, вилы, топоры, — и кинулись навстречу ослу и волку.

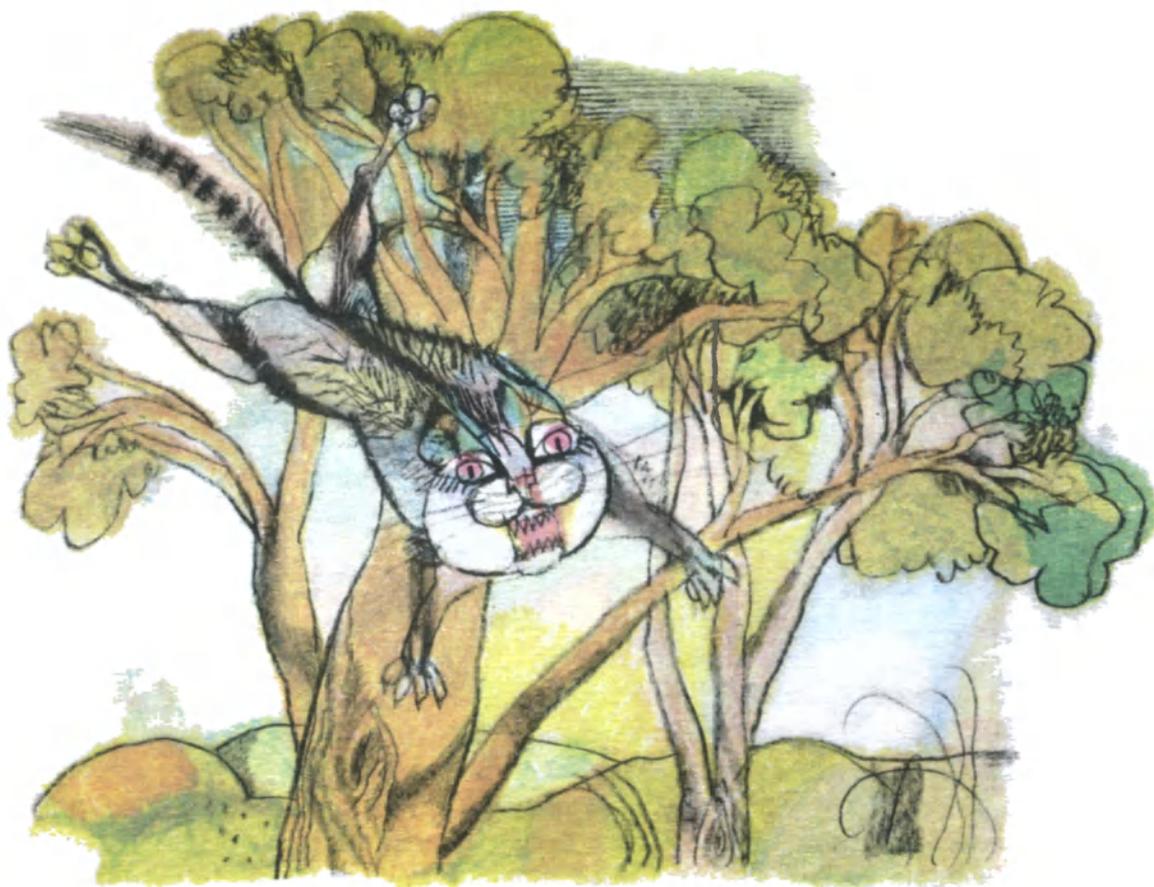
— Видишь, сколько народу вышло тебя встречать! — сказал осел.

— Видеть-то я вижу, только зачем они с дубинами, вилами да топорами?

— Такой уж у них обычай.

Подбежали мужики — и давай тузить волка. Насилу он шкуру спас. Забрался в самую чашу, схватил камень и принялся колотить себя по голове да приговаривать:

— Эх, голова ты, голова, всё из-за тебя!

КОТ-КОТОФЕЙ

Встретила как-то лиса кота и говорит:

— Кот-Котофей, давай поженимся!
— Давай, лиса, — отвечает кот, — только как же я тебя прокормлю?
— А вот как, — сказала хитрая лиса. — Я буду ночью приходить под деревья, на которых спят куры. Ты вскарабкаешься на дерево, напугаешь сонных куриц, они попадают на землю, а я их переловлю. И ты будешь не в обиде: с каждой курочки я буду давать тебе по крылышку. И я не в накладе. Согласен?

— Ладно.

Поженились они. Идет лиса по лесу, кого ни встретит — медведя, кабана, волка, — всем хвастается:

— Вы только послушайте, какого я себе муженька нашла. Кота-Котофея. Хвост у него похож на веретено, когти острые, как иголки, а глаза горят, как угли.

Звери ну просить:

— Покажи нам его!

— Хорошо, покажу, но только вы пригласите его в гости да приготовьте угощение получше.

— За этим дело не станет, — говорят звери, — ты только его приведи.

Пошла лиса за котом, а звери приготовили угощение. Волк барашка притащил, медведь — горшок меду, а кабан — охапку вареных кукурузных початков. Стали ждать. Глядь: бежит лиса. Бежит и кричит зверям издали:

— Идет!

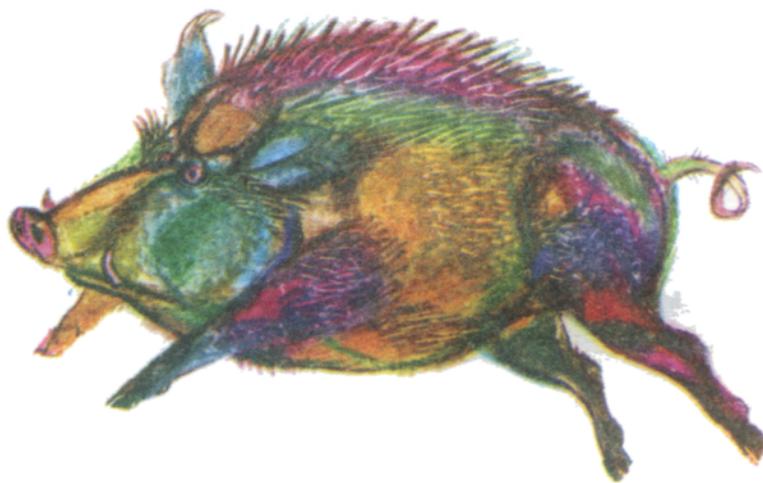
— Идет? — всполошились звери. — Веселый или сердитый?

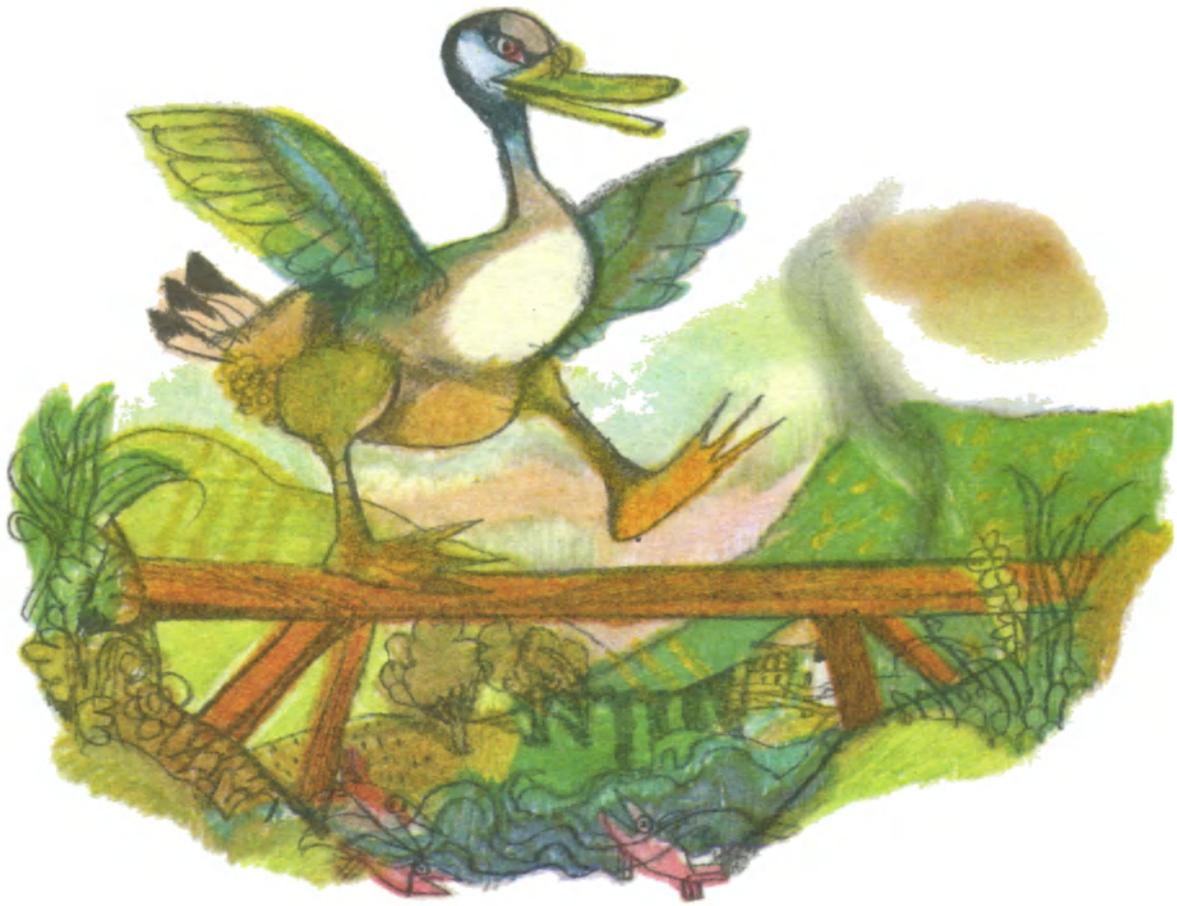
— Сердитый! Прячьтесь поскорее!

Медведь и волк на дерево взобрались, а кабан зарылся в кучу хвороста. Вот пришел Котофей, а тут как назло кабану в ухо попала веточка. Он завозился, а Котофей подумал, что это мышь, и одним прыжком вскочил на кучу хвороста. Кабан подумал, что кот хочет его съесть, и с визгом кинулся наутек. Кот, как услышал кабаный визг, испугался и метнулся на дерево.

— Ну, пропали мы, брат! — прошептал медведь волку. — Он нас съест с потрохами! — И не успел кот взобраться на нижний сук, как медведь и волк кубарем скатились с дерева и разбились.

А хитрая лиса живо начала уплетать добычу, так что коту достались только медвежье ухо да волчий хвост.

ЛЖИВЫЙ КОЗЕЛ

Вышел старый гусак погулять, рыбки в реке половить. Прошел он через мост, шею вытянул, правый глаз пошире открыл и увидел, что от мельницы деда Медара дым валом валит (а это на дворе у мельника навоз дымился).

— Га-га! — испуганно залопотал глупый гусь. — Плохо дело. Что бы это могло гореть?

— Ква-ква, — подала голос из воды лягушка. — Не видишь разве? Земля горит.

— Земля горит! Так чего же мы ждем? Бежать надо!

— Ква-ква, — подзадорила его жаба. — Беги!

Старый гусак расправил крылья, вытянул ноги назад и полетел к ближней дубраве, к дальнему лесу. Опустился на полянку, а сам дрожит от страха.

Выскочила к нему из куста лиса.

— Добро пожаловать! Ты чего дрожишь?

— Ох, кума! Никак в себя не могу прийти.

— Да что такое случилось?

— Как что? — удивился гусь. — Земля горит. Бежим скорее, пока огонь до нас не добрался.

— Бежим! — согласилась лиса и понеслась меж деревьев по козьей тропке.

Гусак за ней.

Бежали они, бежали, пока не добежали до волчьего логова.

Волк голову из логова высунул.

— Чего это вы?

— Земля горит! — крикнул ему на ходу гусак.

— Можно и мне с вами? — выскочил волк из логова.

— Беги! — согласилась лиса.

Побежали втроем. Бежали, бежали, добежали до медвежьего ручья.

Медведь как раз там глаза со сна мыл.

— Стойте! — закричал медведь.

— Не можем, за нами земля горит! — хором ответили беглецы.

— Батюшки светы! — испугался медведь и побежал впереди всех.

Добежали звери до лесной чащи, а навстречу им козел с длинной бородой.

— Бежим, козел, с нами! — крикнул ему медведь.

— Куда? Зачем?

— Земля за нами горит!

„И впрямь нужно спастись“, — подумал козел и кинулся следом.

Бежали они, бежали, остановились дух перевести.

— Ох, до чего же есть хочется! Свежатинки бы отведать! — подал голос медведь. — Кого первого есть будем, кума?

— Как кого? Козла, — ответила лиса.

— Почему меня? — удивился козел и попятился.

— А потому, что у тебя борода длинная.

— Хватайте его, тащите! — заревел медведь.

Только волк хотел схватить козла за уши, а тот как поднимет переднее копыто да как крикнет:

— Смотрите, смотрите! С неба жареные барашки сыплются!

А надо сказать, козел этот был мастер приврать.

Звери устали на небо, а козел в это время юркнул в кусты и был таков. Долго бежал козел, добежал до деревни и забрался на первую попавшуюся овчарню. Увидел его поп и сказал своему работнику:

— К нам гость с бородой пожаловал. Стало нас теперь двое бородатых. Завтра сведи его на луг да хорошенько попаси.

Поднялся работник на другой день ни свет ни заря и повел козла на луг. Целый день незваный гость щипал травку, холодную водицу из ручья пил.

Вот пригнал к вечеру работник козла. Поп стоит у ворот и спрашивает:

— Доволен ли ты, козел, наелся — напился досыта?

— Где там, — заблеял лживый козел. — Твой работник на пустырь меня отвел да к колючему кусту привязал, а сам целый день где-то слонялся. Ни травинки я не ущипнул, глотка воды не выпил.

Рассердился поп, прогнал работника.

На другой ден послал поп поповну пасти козла. Наказал ей отвести его на бережок, где травка самая мягкая да зеленая.

Вечером поп спросил козла:

— Доволен ли ты, козел, наелся — напился досыта?

— Какое там! Твоя поповна на пустырь меня свела, привязала к колючему кусту, а сама целый день с другими поповнами играла. Ни травинки я не ущипнул, глотка воды не выпил.

Рассердился поп и прогнал поповну.

На третий день послал поп попадью пасти козла. Вечером козел опять начал жаловаться:

— Твоя старуха отвела меня на пустырь, привязала к колючему кусту, ни травинки я не ущипнул, глотка воды не выпил.

Рассердился поп, прогнал попадью с глаз долой.

На четвертый день поп сам взялся пасти козла. Надел камилавку и повел его на лужок. Пас целый день. А вечером забежал вперед, присел за плетнем и спрашивает чужим голосом:

— Ну, сегодня ты, козел, доволен?

— Как мне быть довольным? — проблеял козел. — Поп пригнал меня на пустырь да к колючему кусту привязал, сам целый день где-то лясы точил.

— Ах, ты, обманщик, — вскричал сердито поп. — Вот я тебя зарежу, шкуру сдеру и в печь жариться поставлю.

Схватил поп острый нож и бросился за козлом. Поймал его да в сердцах и не заметил, что режет козла тупым концом. Резал его резал, недорезал. Стал шкуру сдирать, не содрал. Схватил за рога, поволок к печи. А козел ему и говорит:

— Гляди, гляди! С неба жареный барашек падает.

Поп задрал голову кверху и выпустил лживого козла.

А козел только этого и ждал. Перемахнул он через плетень и кинулся в лес. Бежит, а поп за ним гонится. Бежали они, бежали, пока не добежали до медвежьей берлоги. Юркнул козел в берлогу. Поп за ним. А козел выставил рога да как закричит:

Луплен, луплен, недолуплен!
Резан, резан, недорезан!
Жарен, жарен, недожарен!
У меня рога наострены,
У меня копыта наточены.
Заколю тебя рогами,
Затопчу тебя ногами.

— Ух, какой страшный зверь! — рассердился поп нуще прежнего.
— Вот я тебя сейчас проучу!

И пошел медведя искать. Услышал медведь, что козел в его берлогу забрался, как заревет:

— Убирайся прочь из моей берлоги!

А козел ему в ответ:

Луплен, луплен, недолуплен!
Резан, резан, недорезан!
Жарен, жарен, недожарен!
У меня рога наострены,
у меня копыта наточены.
Заколю тебя рогами,
Затопчу тебя ногами.

Медведь испугался и пошел звать волка.

— Где он, этот лживый козел? Подавай его сюда! — кричит волк.

— В берлогу мою забрался!

— Вот я его сейчас за ухо выволоку! — пригрозил волк и бросился к берлоге. А козел оттуда:

Луплен, луплен, недолуплен!
Резан, резан, недорезан!
Жарен, жарен, недожарен!
У меня рога наострены,
У меня копыта наточены.
Заколю тебя рогами,
Затопчу тебя ногами.

— Ух, какой страшный зверь! — испугался волк.

— Что же нам делать? — опечалился медведь. — Где же я ночевать буду? Помогите мне, други-приятели! Кто страшного зверя прогонит?

— Я прогоню, — пропищал комар и залетел в медвежью берлогу.

— З-з-з! Убирайся вон!

А козел затаился в берлоге, голоса не подает. Комар залез к нему в ухо и ну щекотать. Козел стал вертеться, места себе не находит:

— Эй, комар! Вылезай из моего уха, я щекотки боюсь!

Но комар щекотал его до тех пор, пока козел не вылез из медвежьей берлоги. Тут поп подскочил к нему, ухватил козла одной рукой за рога,

другой за бороду.

— Где мой нож, сейчас козла зарежу!

— Э, нет! — проревел медведь. — Козел мой.

— Нет, мой! — вскинулся волк.

А тут еще откуда ни возьмись лиса прибежала, и та в спор встряла.

— Так вы до ночи спорить будете и не договоритесь, — сказал козел.

— Вот вам мой совет: отойдите на сто шагов, а когда я до трех сосчитаю, бросайтесь ко мне со всех ног. Кто первым добежит, тому я и достанусь!

Спорщики согласились, пошли шаги отмерять. Не успели они отойти подальше, как козел пустился наутек, к ближним лесам, к дальним горам.

— Держите его! Держите! — закричали звери.

Да где там! Козла и след простыл.

— Раз нам козел не достался, мы тебя съедим! — зарычал медведь и бросился на попу.

Поп решил обмануть их.

— Ладно, ешьте. Только сначала посмотрите на небо. С неба жареные барашки сыплются.

— Знаем мы эту сказку, нас не проведешь! — сказал медведь, встал на задние лапы и подмял попу.

На другой день крестьяне нашли в лесу одну камилавку.

ДЕДУШКА И ВНУЧЕК

Жил, жил один человек и, наконец, состарился. Стал плохо видеть, ноги его совсем ослабли — без костыля шагу не мог ступить, а руки так тряслись, что, бывало, ложку до рта не донесет, всё на себя выльет. Вот раз невестка его и говорит мужу:

— Мочи моей больше нет с этим стариком вместе жить. Не хочу, чтобы он с нами за одним столом ел.

— Он ведь мне отец, куда его денешь?

— А я под лестницей рогожку старую постлала. Пускай там и ест. Муж был человек уступчивый и махнул рукой:

— Делай, как знаешь!

Невестка отвела старого свекра под лестницу, где собака лежала, поставила перед ним деревянную миску с похлебкой и сунула ему в руку ложку.

Прослезился старик, но ничего не сказал. Внушек увидел дедушкины слезы и призадумался. Вздохнул и на двор выбежал. Отыскал деревянный чурбан и начал его теслом долбить.

— Что ты мастеришь? — спросил его отец.

— Миску, — ответил паренек.

— Зачем она тебе?

— Когда вы с матушкой состаритесь, я кормить вас из нее буду.

Почесал отец в затылке и рассказал обо всем жене. Той стало стыдно, она взяла старика в дом и с тех пор начала о нем заботиться.

КУРОПАТКА И ЛЕНТЯЙ

Куропатка свила гнездо на ниве ленивого крестьянина. Снесла три яйца. Из них вылупилось три птенчика. Шли дни, птенчики подросли, стали выпархивать из гнезда. Они взмахивали крылышками, но летать еще не могли, силенок не хватало. Лето окрасило хлеба в желтый цвет. Тяжелые колосья, налитые янтарным зерном, клонились к земле. Как-то утром хозяин пришел в поле, посмотрел на пшеницу и почесал затылок.

— Пора убирать урожай. Завтра же позову на помощь друзей. Сожнем пшеницу, продам зерно и расплачусь с ними.

Маленький птенчик услышал такие слова и побежал к матери:

— Мама, бежим скорее! Хозяин пошел звать друзей. Завтра начнут жать ниву. Пропало наше гнездо!

— Не бойтесь, дети, — прокудахтала куропатка. — Пока он сам не засучит рукава и не возьмется за серп, никакой опасности нет. Раз он

надеется на других, нам беспокоиться нечего.

На следующий день крестьянин опять наведалься на свою ниву и опять озадаченно почесал затылок.

— Не пришли приятели. Ничего, я родню позову.

Куропатка сказала детям:

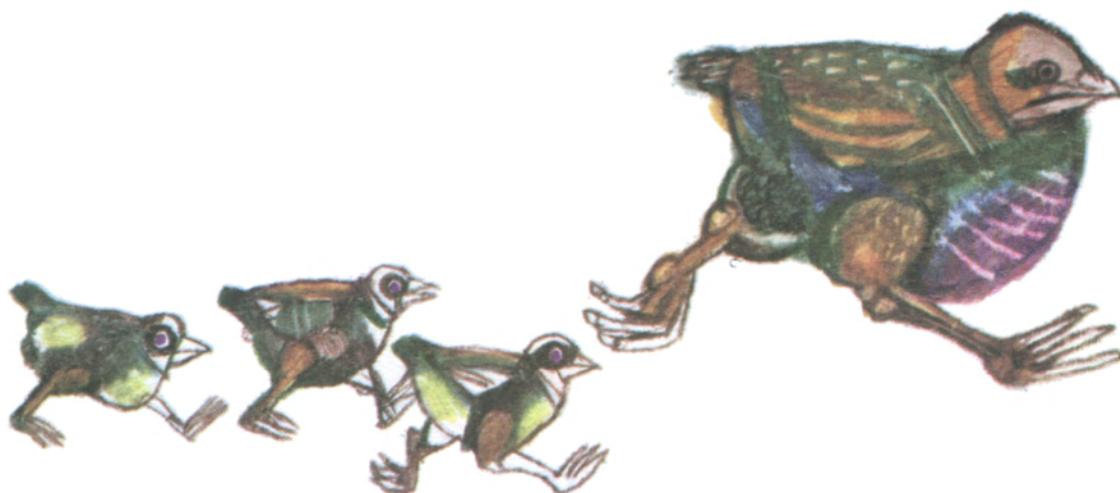
— И на этот раз всё обойдется.

Через три дня лентяй пришел туча-тучей:

— Вот беда! Никто не хочет помогать. Возьму-ка я да подожгу эту ниву, а там будь что будет!

Услышав такие слова, куропатка бросилась к своим птенцам и закудахтала:

— Бежим скорее, дети, этот лентяй чего доброго и впрямь подожжет ниву — лишь бы не работать!

ПРО ОВЕЦ И СОБАКУ

Сговорились как-то овцы, пришли к своему хозяину-пастуху и стали блеять у входа. Пастух вышел и спросил их:

- Что случилось? Почему вы так жалобно блеете?
- Хозяин, — сказал, выступив вперед, один старый баран, — мы к тебе с жалобой.
- Ну, говорите, в чем дело?
- Ты, хозяин, несправедлив к овцам. Они дают тебе молоко, из которого ты варишь сыр, а потом продаешь его. В нашу шерсть ты одеваешь всю свою семью. Каждая овца зимою приплод дает, твое стадо увеличивается, и ты богатеешь год от году. Но о нас ты не заботишься. Выгоняешь нас утром в поле и говоришь: „Ступайте щипать траву!“ Только и всего. А вот собаку свою ты пуше глазу бережешь. Каждое утро даешь ей ломоть хлеба, а вечером еще и сыру. Чем же она заслужила все это? Может, она молоко и шерсть тебе дает? Или ягнят? Так вот, мы и пришли сказать тебе, что больше не хотим траву щипать, давай и нам хлеба! А коли не уважишь нашу просьбу, мы подождем овчарню и разбежимся кто куда. Прогони собаку, а хлеб отдавай нам!

— Хорошо! — согласился пастух, прогнал собаку и испек овцам целую гору хлеба.

Весь день они ели этот хлеб и не вышли на пастбище. А ночью, как только стадо уснуло, явился волк. Повертелся вокруг овчарни, догадался, что сторожа нет, и — скок через плетень! Тогда старый баран кинулся будить пастуха.

— Хозяин, — проблеял он, — пропали мы! Где собака?

— Вы же сами захотели, чтобы я прогнал ее, вот я вас и послушался.

— Ах, хозяин, не стоит тебе нашим бараньим умом жить! — сказал баран.

В это время верная собака пастуха, оставшаяся неподалеку от овчарни, учуяла волка и прибежала. Тотчас же накинулась она на волка, стала его рвать, и зверь едва ноги унес.

С тех пор овцы и собака — неразлучные друзья.

ВЕРНЫЙ СТРАЖ

Собака, охранявшая в горах овчье стадо, состарилась. Глаза стали плохо видеть, зубы выпали, ноги ослабели.

— Эта собака, — сказал один из пастухов, — уже нам ни к чему. Не может она тягаться с волками. Как-нибудь ночью звери заберутся в кошару и передушат овец.

— Что же нам с нею делать? — спросил другой пастух.

— Завтра утром привяжу я ей камень на шею, — ответил первый, — да и спихну в глубокий омут возле мельницы. А потом спущусь в село и подыщу другую — помоложе да посильнее.

А собака всё это слышала. Поняв, что ее ждет, она переполошилась, покружилась-повертелась и решила убежать. Бросила стадо и кинулась в лес. В лесной чаще повстречался ей серый волк.

— Куда бежишь, дочь моего брата? — остановил он собаку.

Овчарка рассказала ему про свою беду. Выслушав ее, волк покачал головой.

— Неблагодарные люди твои хозяева, — сказал он, — но я помогу тебе остаться в кошаре. Слушай, что мы сделаем. Ты вернись к пастухам и ляг под кормушкой. К вечеру, когда смеркнется, я подберусь, перескочу через ограду, схвачу овцу и побегу в лес, но не сломя голову, а рысцой. Ты же начни лаять во всю мочь и надрывайся, пока пастухи не выбегут. А уж тогда лети следом за мною. На опушке леса я верну тебе овцу невредимой. И ты увидишь, что получится.

Вечером, когда пастухи вернулись и улеглись спать, волк схватил круторогого барана и поволок его в лес. Как залает тут старая собака, всех разбудила и пустилась следом за волком. Серый два-три раза останавливался, покамест немощная собака догнала его. Немного погодя пастухи услышали возню, рычанье, лязг зубов и, добежав до леса, застали старую собаку совсем запыхавшейся, барана — невредимым, а волка и след простыл.

Старший брат погладил собаку по голове и сказал младшему:

— Видал, какая молодчина! А ты хотел утопить ее...

— Да я смотрел, как она ноги еле волочит, и думал, что она ни на что больше не годится, — ответил младший и погнал барана в кошару.

Вернувшись, пастухи налили собаке полное корытце молока в награду.

Прошло лето. Полили осенние дожди, завывали зимние метели. В одну темную ночь собака услышала, как кто-то царапается в дверь. Открыла ее передней лапой и что же видит? Перед нею серый волк — отощавший, обессиленный, кожа да кости.

— Пастухи здесь? — спрашивает.

— Нету их. На свадьбу ушли. Младшего брата женят.

— Будь добра, дай мне одного ягненка, я с голоду помираю.

— Что ты, — ответила собака. — Если ты утащишь этой ночью ягненка, знаешь, что меня завтра ждет? Камень на шею. Но я не забыла сделанного тобою добра и, чтобы отплатить тебе тем же, отведу тебя в село на свадьбу. На кухне лежат семь жареных барашков. Их зарезали с вечера. Можешь любого выбрать и съесть!

— А как же я войду туда? — спросил волк, глотая слюнки.

— Нет ничего легче. Кухня заперта на деревянный засов. Нажмешь на него лапой — и дверь сама откроется. Одно лишь запомни: под полкой стоят два деревянных ведра с вином. Не пей вина, может беда случиться. Ну, а теперь спешу в село.

Побежал голодный волк в село — и напрямиком в дом пастухов. Он легко нашел его, потому что там играли на волынках и били в барабан. Подкрался волк к кухне, поднялся на задние лапы, заглянул в окошко: внутри никого не было. Только жареные барашки лежали рядышком на больших противнях. Волк толкнул лапой засов, открыл дверь, вошел в

кухню и в два счета управился с парой барашков. Утолив голод, серый, вместо того чтобы унести ноги, пристроился к ведру — вина отвежать. Попробовал — вкусным показалось. Стал он лакать, покуда не налакался допьяна. Сделалось ему весело. Пошатнулся он разок-другой и завыл во всю волчью глотку.

Хозяева и пришедшие на свадьбу соседи вскочили из-за стола, схватили, кому что под руку попало, и ну тузить незваного гостя. Избитый волк с большим трудом добрался до гор, приплелся к собаке и сказал ей:

— Я тебя избавил от камня, который собирались привязать тебе на шею, а ты послала меня в село, откуда я еле живой убрался. Не прощу я тебе этого. Буду с тобой биться. Пойду созову своих союзников.

— Раз мы не можем договориться добром, что ж, будем биться!
— ответила собака.

На другой день волк собрал всех лесных зверей: медведей, лисиц, зайцев, ежей, а собака привела на поле боя лишь кошку да гуся, потому что других домашних животных в кошаре не оказалось.

Союзники волка выстроились в шеренгу на опушке леса и приготовились к бою. Волк велел зайцу взобраться на дерево и глядеть оттуда — не идут ли враги. Немного погодя заяц как закричит с верхушки дерева:

— Идут! Идут!

— Кто ведет вражеское войско? — спросил волк.

— Впереди всех усатое чудовище шагает, глазами сверкает, саблей размахивает и кричит:

— Вот так рубить их будем! Вот так! Вот так!

(То была кошка, которая вертела хвостом вправо и влево...

— А за чудовищем? — спросил медведь.

— За ним бежит кто-то еще пострашнее и во весь голос горланит:

— Так, так, так!

(А то был гусь, который всегда гогочет: га, га, га!)

— А позади кто? — крикнула зайцу лиса.

— А позади прирученный лев.

— Ну, раз так, бежим, братцы, не то нам не сдобровать! — взревел медведь и повернул назад.

Следом за ним и остальные звери. А заяц соскочил с дерева, поднял лапки вверх и сдался в плен.

Медведь полез через поле, на котором росла высокая, только что заколосившаяся рожь. Когда он бежал, колосья били его сзади, и злополучный медведь, покуда выбрался оттуда, голову потерял со страха. Волк свернул в сторону и свалился с обрыва, а вслед за ним посыпались вывороченные им камни, колотя его по бокам.

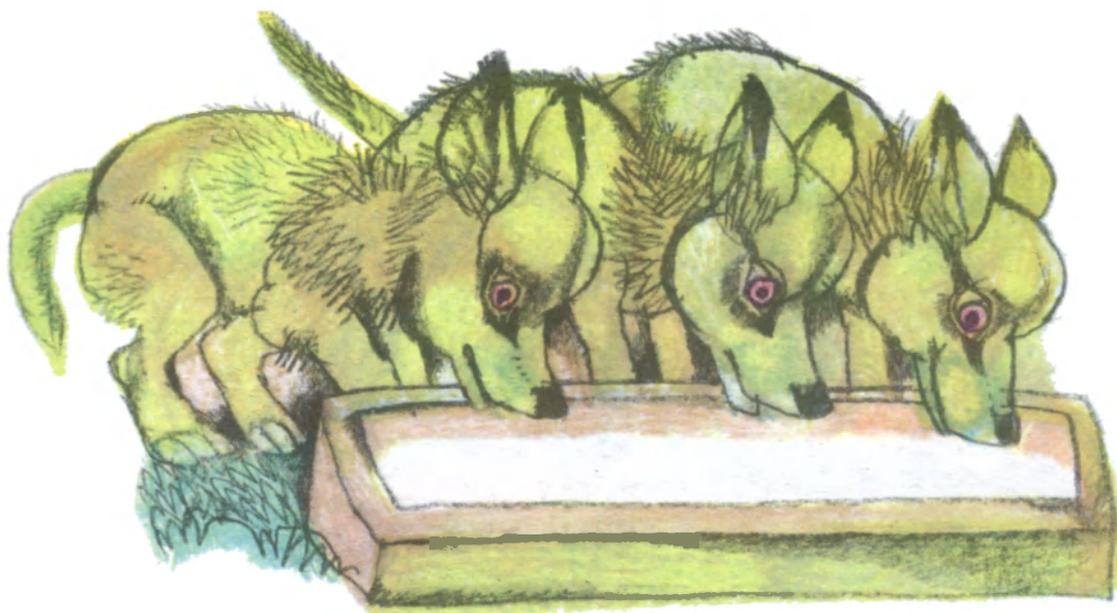
Наконец, союзники остановились перевести дух среди тихой лесной поляны.

— Страшное дело, — сказал медведь. — Еле шкуру унес. Как за-
свищут мне вслед пули градом. Хорошо еще, что шкура у меня толстая,
не смогли пробить.

— А со мной что было! — вздохнул волк. — Собака настигла меня
у обрыва и ну сбрасывать на меня целые скалы. Все косточки мне пе-
реломала. Вы, братцы, так и знайте, с этих пор я в ее кошару ни ногой.

ПРИРУЧЕННЫЕ ВОЛКИ

Однажды молодой пастух нашел в волчьем логове трех маленьких беззубых волчат и принес их к себе. Устроил им мягонькую постельку возле очага, кормил их овечьим молоком и каждую субботу купал, чтобы блохи не завелись.

Пришел к нему как-то старик-отец. Увидел волчат и воскликнул:

— Сейчас же убери прочь этих зверенышей, они тебе всё стадо передуют, когда подрастут!

— Не бойся, отец, — усмехнулся молодой пастух, — я этих волчат приручу. Они будут благодарны мне за то добро, которое я им делаю, и не только не тронут моих овец, но будут сторожить их лучше собак.

— Волк волком остается, сынок! — возразил отец и недоверчиво покачал головой.

Прошел год. У маленьких волчат выросли острые зубы, а сами они превратились в больших волков.

„Теперь они будут сторожить стадо!“ — решил пастух и, чтобы даром не переводить хлеб, прогнал своих верных собак.

Но в одну темную ночь, когда пастух крепко уснул, прирученные волки напали на стадо, передоушили овец и, вскинув себе на спину по барашку, убежали в лес.

Горько заплакал пастух, увидя утром, что случилось с его стадом.

— Так мне и надо, — сказал он, — зря я не послушался мудрого совета отца!

УМНЫЙ КОЗЕЛ

Как-то жарким летним днем гналась кума-лиса за длинноухим зайцем. Заяц забежал на огород и, увидав перед собою глубокую яму с водой, птицей перелетел через нее. Лисица с разгона прыгнула вслед за ним, да и свалилась в воду. Попробовала она выбраться, но не тут-то было — глубока оказалась яма. Стоит лисица в холодной воде по шею и дрожит. Откуда ни возьмись, подходит к яме козел-умная голова, бородой трясет, рогами покачивает. Увидал в яме лису и спрашивает:

— Что ты тут делаешь?

— Купаюсь. А то солнце уж очень печет, вот я и надумала освежиться, ведь огородник — мой приятель, — ответила лиса.

- А хороша вода-тс? — спросил козел. — Не очень мокра?
- Чудо, как хороша! — воскликнула лиса и окунулась с головой.
- И я к тебе спрыгну, — промолвил козел.
- Прыгай, только смотри воду не замути!

Бородатый козел нагнул голову и плюхнулся в яму.

Лиса как запищит:

— Ай-ай-ай! Всю меня обрызгал! Шкурку мою испачкал! Разве так прыгают?

— А как? — спросил козел.

— Сейчас покажу, только помоги мне из ямы выбраться. Ну-ка встань поближе к стенке.

Козел встал. Лиса взобралась ему на спину, потом на рога и выбра- лась из ямы.

— Прощай, глупая голова! — крикнула она, помахав лапкой.

Козел обиделся:

— Голова у меня не глупая, а умная!

— Кабы умная была, не сидел бы ты сейчас в яме! — И лиса убежала.

А козел целых три дня в яме проторчал. На четвертый день пришел огородник, привязал ему к рогам веревку и наверх вытащил.

ВОЛК И СОБАКА

— Это что за собака? — спросил пастух.

- Овчарка, — ответил продавец.
- Будет она мое стадо от волков стеречь?
- От целой стаи устережет, не побоится.

Пастух купил собаку и отвел в загон.

Однажды ночью прибежал волк и унес самую жирную овцу. Собака с лаем бросилась вдогонку. Волк в лес, собака — следом. Всю ночь пастух поджидал, когда вернется сторож его стада. Собака вернулась лишь поутру — усталая, отяжелевшая, и целых два дня после этого ничего в рот не брала.

Дней через десять волк унес еще одну овцу. Убежал, как и в первый раз, в лес, и собака за ним следом. Вернулась она лишь под утро и опять два дня к пище на прикоснулась.

В душу пастуха закралось сомнение.

„Нужно проследить, — решил он, — куда ходит и что делает мой

верный сторож“.

Когда волк унес в лес третью овцу и собака побежала за ним, пастух отправился следом, хоронясь за деревьями. И что же он увидел? На одной полянке волк остановился и стал поджидать собаку. Вот она прибежала, высунув язык. Тогда лесной хищник и сторож стада по-братски разделили между собой овцу. Наевшись, они улеглись в тени и задремали.

„Вот как ты стадо мое сторожишь!“ — подумал пастух и ушел обратно.

На другой день он накинул на шею собаки веревку и отвел в лесную чашу, откуда по ночам доносился вой волчьей стаи. Там он ее и оставил на привязи.

Ночью прибежала волчья стая, и первым набросился на собаку ее сотоварищ.

ЧЕЛОВЕК, ЗМЕЯ И ЛИСА

Целый день бродил рыбак вдоль берега реки, закидывал сеть, но так и не поймал ни одной рыбешки. Настал вечер. Только было хотел рыбак убрать сеть и уйти, как к нему подошел незнакомый человек и сказал:

— Подожди, не убирай сеть. Закинь ее еще раз мне на счастье. Что поймашь — мое будет. А за труд я тебе дам золотой.

Рыбак забросил сеть в самый глубокий омут. А когда вытянул ее на берег, то к ногам незнакомца покотился кувшин с узким горлышком и железной затычкой.

Рыбак наклонился, поднял кувшин и сказал:

— Тяжелый. Наверное, полон золота. Может, открыть?

— Не трогай! Кувшин мой. Бери свой золотой и отдай мне мое счастье! — закричал незнакомец.

— Ладно уж! Не везет мне и только. — Рыбак удрученно покачал головой, отдал кувшин и, взяв свой золотой, уныло побрел прочь.

Человек схватил кувшин обеими руками, огляделся вокруг, спрятался под мостом и принялся вытаскивать пробку. Руки у него дрожали. Сердце колотилось. С большим трудом вытащил он железную пробку и заглянул одним глазом в кувшин. В эту минуту в кувшине что-то зашевелилось и из него выползла длинная змея с зелеными глазами. Угрожающе зашипела и бросилась на человека. Обвилась вокруг шеи и стала его душить. Тот выронил кувшин.

— Стой! — закричал перепуганный человек. — Почему ты меня душишь?

— Потому что я поклялась удушить первого человека, которого увидят мои глаза. Жила я у одного из твоих братьев, и было мне неплохо. Но он решил отделаться от меня. Поймал, засунул в кувшин, накрепко закрыл его горлышко железной пробкой и бросил в глубокий омут. Три года пролежала я на дне реки. Каково мне было, не стану описывать. Я чуть было не околела от голода. И однажды я поклялась удушить первого человека, который попадетс я мне на глаза. Ты первый.

— Но ведь я твой спаситель. Если бы я не дал рыбаку золотой, ты бы навсегда осталась на дне речном. Нет, ты не права.

— Как так — не права? Ведь я нарушу клятву, если не удушу тебя! — удивленно сказала змея.

— Давай спросим первых трех встречных, кто из нас прав. Если они скажут, что права ты, так и быть, удуши меня, своего спасителя. Но если скажут, что ты не права, — тогда ты слезешь с моей шеи. Согласна?

— Согласна, — ответила змея.

Пошел человек по дороге, а змея лежит у него на шее, только немного расслабила свои кольца. Идут, а навстречу им старый конь бредет. Тощий, одни ребра торчат.

— Вот первый встречный, — сказал человек. — Расскажи ему, как было дело.

Змея вытянула шею к коню и поведала ему свою историю.

— Жила я у одного человека, и мне было хорошо, но он засадил меня в кувшин, накрепко закрыл горлышко железной пробкой и бросил кувшин в глубокий омут. Целых три года лежала я в кувшине, свернувшись в клубок. Думала, что мне уже пришел конец. Тогда я поклялась удушить первого человека, который попадетс я мне на глаза. Этот человек открыл кувшин. Он первый. Что ты скажешь: удушить мне его или нет?

— Удуши его! — ответил конь.

— Почему ты так говоришь? Что плохого тебе сделали люди? — спросил человек.

— Что сделали? — воскликнул конь. — Я родился в одном селе. Мой хозяин был бедный человек. Когда я вырос, он продал меня богачу. Пока я был молод, богач пылинке не давал на меня упасть. Двое конюхов

ходили за мной. Расчесывали гриву, поили ключевой водой, кормили отборным зерном. Богач без меня шагу не мог ступить. А когда я постарел, он купил себе другого коня, помоложе, а меня приказал запрягать в телегу. И начал я возить дрова, песок и камни на постройку нового дома, мешки с мукой. Конюхи частенько забывали подбросить мне сена в ясли. От голода и непосильной работы у меня начали заплетаться ноги. Однажды я вез телегу, груженную картофелем, споткнулся и упал. Богач увидел это, покачал головой и сказал своим батракам:

— От этого коня уже толку не будет. Пустите его под нож.

Батраки распрягли меня и пошли точить ножи. Тогда я вышел со двора и бросился наутек. Еле спасся. Теперь ты понял, сколько зла я видел от людей?

Человек опустил голову и пошел дальше со змеей на шее. Шел он, шел и встретил старую собаку. Змея прошипела собаке:

— Постой, я хочу тебя о чем-то спросить.

— Спрашивай скорее, а то я спешу, — ответила собака.

Змея рассказала ей всё, как было, и спросила, что ей делать: задушить своего спасителя или нет?

— Задуши его! — зарычала собака. — Я на людей сердита.

— Что плохого причинили тебе люди? — спросил человек.

— А вот послушай. Когда-то я жила в богатом доме. Хозяйка души во мне не чаяла, купала в том же корыте, что и детей. Шею мою украшал позолоченный ремешок. Все меня баловали, все ласкали, кормили тем, что сами ели. Я умела стоять на задних лапках, и хозяева хвалили меня за это, радовались, хлопали в ладоши. А когда я выросла и стала большой собакой, меня прогнали во двор. Днем и ночью сидела я у ворот и сторожила дом от воров, а за это мне кидали объедки. Шли годы. Я состарилась, ослепла на один глаз. Хозяйка, увидев это, рассердилась:

— На что мне эта собака! Она только даром хлеб ест! Прогоните ее!

И меня прогнали. Перед самым носом захлопнули ворота, которые я сторожила всю жизнь. Долго бродила я по свету. Стоило мне заглянуть в какой-нибудь двор, как люди поднимали крик: „Ату! Пошла прочь! Бейте этого чужака!“ — и бросали в меня камни. Изголодавшись, я возвратилась туда, где провела всю жизнь. Ворота были открыты, и я вошла во двор. Увидев меня, хозяйка крикнула в сердцах:

— Неужто некому избавить меня от этой паршивой собаки?

Выскочили ее сыновья, схватили палки и давай меня колотить. Еле ноги унесла.

— Куда же ты идешь? — спросила змея.

— Иду топиться в глубоком омуте, — ответила собака и поплелась прочь.

— Вот видишь? — сказала змея и потуже стянула обруч вокруг шеи своего спасителя.

— Подожди, давай спросим третьего встречного. Посмотрим, что он скажет, — взмолился человек.

Пошел человек дальше, а навстречу ему бежит лиса. Человек раскинул руки в стороны, чтобы остановить ее, а лиса подумала, что он обещает ей десять курочек, — столько, сколько пальцев у него на руках.

— В чем дело? — спросила она.

— Один человек, — начала змея свой рассказ, — засунул меня в кувшин, закрыл горлышко железной пробкой и бросил кувшин в глубокий омут. Там я ...

— Подожди, — перебила ее лиса. — Ты ври, да не завирайся. Лгать тоже надо в меру. Неужели такая большая змея может уместиться в небольшом кувшине? Не верю.

— Это правда, так было, — вмешался человек.

— Может, и так, но я не поверю, пока не увижу собственными глазами. Где кувшин?

— Остался под мостом.

— Пойдем, я должна проверить, можешь ли ты уместиться в кувшине.

Вернулись под мост. Нашли кувшин.

— Ну-ка, залезай в кувшин! — сказала лиса.

— Хорошо, — ответила змея, спустилась на землю и залезла в кувшин, только голова торчала снаружи.

— Видишь, я права, — крикнула лиса, — для головы нет места.

— Есть! — ответила змея и втянула голову в кувшин.

Лиса шепнула человеку:

— Скорее заткни кувшин пробкой!

Человек быстро заткнул горлышко кувшина железной пробкой и забил ее камнем.

— А теперь бросай кувшин в глубокий омут и никогда больше не связывайся со змеями!

Человек схватил кувшин и швырнул его в глубокий омут.

— Спасибо тебе! — сказал он лисе.

— А десять курочек? — спросила она.

— Да не десять — все куры в деревенских курятниках твои! Как проголодаешься — приходи! — ответил человек.

С тех пор лиса каждую ночь заглядывает в курятники и таскает кур — считает, что они принадлежат ей по праву.

ПАСТУХ И ЕГО ЖЕНА

Молния попала в старое дерево, загорелась сухая трава на меже. Перекинулся огонь на виноградные лозы, заросли ежевики, терновник. Разбежались зайцы, что прятались в кустах, птицы покинули свои гнезда, одна только ядовитая змея — гадюка — не успела уползти. Она извивалась и жалобно шипела. Мимо проходил пастух. Увидев его, змея взмолилась:

— Прошу тебя, пастух, сделай доброе дело, выручи меня!

„Почему бы и не помочь змее? — подумал пастух. — Тоже ведь живая душа“.

И, сунув в огонь палку, он крикнул змее:

— Ползи по этому мосту!

Змея обвилась вокруг пастушьей палки и выбралась из пламени. Она доползла до руки пастуха, но не спустилась на землю, а скользнула вверх по рукаву и обвилась вокруг шеи человека.

— Ой! — испуганно вскричал пастух. — Разве так оплачивают за добро? Правду говорят люди: на крепкий сук — острый топор.

А змея приблизила голову к его уху и прошептала:

— Я сильно обгорела и не могу ползти. Отнеси меня в горы, там в пещере живет мой отец — старый удав. Он царь всех змей в этом краю. Я ему расскажу, какое добро ты мне сделал, и он щедро наградит тебя. Пойдем!

— А кто будет сторожить стадо? — спросил пастух.

— О стаде не заботься. Туда, где бушует огонь, волки не пойдут — побоятся.

Понес пастух змею в горы. Когда подошли к пещере, змея сказала:

— У моего отца много драгоценных камней и золота. Он предложит тебе набить ими суму, но ты не соглашайся. Скажи, что сокровища тебе не нужны, что ты хочешь только одного: узнать язык птиц и зверей. Послушай меня, не пожалейся.

Пришли к пещере. Вход в нее был забран живой решеткой — из змей. Гадюка что-то прошипела, и змеи пропустили человека.

Старый удав с короной на голове, увидев дочь, прослезился от умиления.

— Где ты пропадала? — спросил он.

Змея рассказала ему, как молния ударила в старое дерево, как загорелась межа и пастух спас ее.

Удав повернулся к пастуху и сказал:

— Ты спаситель моей дочери. Говори, что дать тебе в награду — золота, серебра или драгоценных камней?

— Я хочу только одного: узнать язык птиц и зверей. Другого мне не надо.

Старый удав озабоченно покачал головой.

— Не проси ты у меня этого, человек, потому что если ты кому-нибудь скажешь, о чем говорят птицы и звери, то тут же умрешь. Откажись!

— Нет, не откажусь. Или дай мне награду, или отпусти меня по добру-здорову!

— Так не годится! Не могу я отпустить ни с чем спасителя своей дочери, — сказал удав. — Открой-ка рот!

Пастух открыл рот. Старый удав наклонился и дунул три раза.

— Теперь, — сказал он, — ты сможешь понимать язык каждого зверя, каждой птицы, каждой букашки. Только смотри, умей хранить тайну!

Пастух простился с царем змей, поклонился его дочери и вышел из пещеры. Змеи, которые сторожили пещеру, опять переплелись, образовав живую решетку, и мигом закрыли вход. Идет лесом пастух и прислушивается к голосам птиц, и радостно ему на душе, потому что он по-

нимает, о чем они говорят между собой. Но еще более радостно от того, что он понимает, о чем они поют.

Когда он дошел до того места, где оставил стадо, пожар уже кончился.

Сел пастух под деревом отдохнуть, прислонился спиной к стволу. В это время прилетели два черных ворона. Уселись на верхней ветке и принялись разговаривать на своем вороньем языке.

— Видишь этого пастуха? — прокаркал ворон постарше. — Он пасет чужих овец и ест черствый хлеб. Сидит бедняга под деревом и не знает, что в двух шагах от него зарыт горшок с золотом.

— Откуда тут взяться золоту? — спросил второй ворон.

— Сто лет тому назад трое разбойников убили купца, ограбили его и зарыли золото под большой грушей. Я тогда был молодым вороненком вроде тебя. Сидел вот на этой ветке и всё видел. Разбойники спрятали золото, а сами опять ушли на разбой, да так и не вернулись. Видно, где-нибудь на разбойничьих дорогах смерть свою нашли.

Услышав такие слова, пастух вскочил, побежал домой и вернулся с мотыгой. Начал рыть землю и выкопал горшок. Наполнил пастушью суму деньгами и пошел в село. Купил себе целое стадо овец, построил новый дом и зажил безбедно.

Однажды бывший пастух вспомнил о своих товарищах, которые пасут стада в горах и едят одни сухие просяные лепешки.

— Жена, — сказал он, — испеки белый каравай, зажарь самую жирную курицу. Вечером у нас будут гости.

— Кого ты пригласил?

— Есть у меня три добрых товарища — три бедных пастуха. Целый год они пасут овец в горах и получают за свой труд от богачей одни сухие просяные лепешки. Вот я и решил угостить их.

Засучила жена рукава и приготовила ужин, а муж пошел в горы.

— Идите, братцы, ко мне, — стал он звать пастухов. — Жена моя приготовила славный ужин. Угоститесь на славу, а потом сходите домой, повидайтесь с домашними.

— А кто же будет сторожить стада этой ночью? — спросили пастухи.

— Я буду сторожить.

Спустились пастухи в село, а бывший пастух согнал овец к шалашу и лег спать. Собаки улеглись и задремали. Вдруг из леса вышли шестеро больших волков. Вот подошли они поближе, а один волк, самый голодный, и говорит:

— Давайте унесем по ягненку!

— Я не прочь, только у этих пастухов уж очень злые собаки. Лучше с ними не связываться! — ответил другой волк.

Услыхала их разговор молодая собака.

— Идите сюда, братья волки, — сказала она. — Выберите себе самых жирных барашков. Мы не станем поднимать шум, только пообещайте, что поделитесь с нами. Нам тоже хочется отведать молодой баранинки.

Но среди собак был один старый пес, у которого осталось всего два зуба.

— Не бывать тому! — зарычал он, и шерсть у него на загривке встала дыбом. — Пока целы у меня два зуба, никому не позволю тронуть барашков.

И он поднял такой лай, что волки испугались, поджали хвосты и убежали в лес.

На следующий день, когда пастухи вернулись из села, их товарищ, карауливший стадо, посоветовал им привязать молодой собаке камень на шею и утопить ее в глубоком омуте, а старого пса хорошенько кормить. Пастухи спросили, чем провинилась собака. Он ответил:

— Не спрашивайте, это моя тайна. Послушайтесь моего совета, так будет лучше.

Сказал и ушел в село.

Пастухи послушались. Молодую неверную собаку утопили, а старого пса стали лучше кормить.

Воротился их побратим домой и говорит жене:

— Давай съездим на виноградник.

— Давай, — согласилась жена.

Оседлал он себе вороного жеребца, а жене каурую кобылку. Поехали они к винограднику. По дороге кобыла начала отставать, и конь стал над ней подсмеиваться.

— Поспешай, чего отстаешь? Так мы и до вечера не доберемся до виноградника.

— Тебе-то легко говорить. Побывал бы ты в моей шкуре! — огрызнулась кобыла.

— А что такое?

— Да ведь ты везешь одного человека, а я троих: хозяйку, ее младенца в утробе и моего жеребенка.

Услыхав такие слова, хозяин громко рассмеялся.

— Чего ты смеешься? — спросила жена.

— Не скажу, — ответил он.

— Прошу тебя, скажи.

— Нельзя.

— Почему?

— Если скажу, случится беда.

— Ну и пусть! Я хочу, чтобы ты сказал мне. Я твоя жена и должна знать все твои тайны. Не скажешь, брошусь в глубокий омут, где пастухи утром утопили собаку.

Что тут было делать? Бедный человек еле уговорил жену подождать до вечера, когда они возвратятся домой. Вот набрали они полную корзину спелого винограда и поехали назад. Возвратились домой. Жена опять за свое:

— Говори, над чем смеялся, когда мы ехали на виноградник!

— Подожди немного, вот только выкопаю яму, — сказал муж, выкопал яму длиной в человеческий рост и лег в нее.

Как раз в это время во двор вбежал старый беззубый пес. Он лег на край ямы и начал жалобно выть. Жена вышла из дома, отломилла большой ломоть хлеба и бросила псу, чтобы он замолк. Но тот даже не понюхал хлеба. Тут прибежал петух, увидел хлеб, созвал кур. Потом взлетел на плетень, расправил крылья и закукарекал.

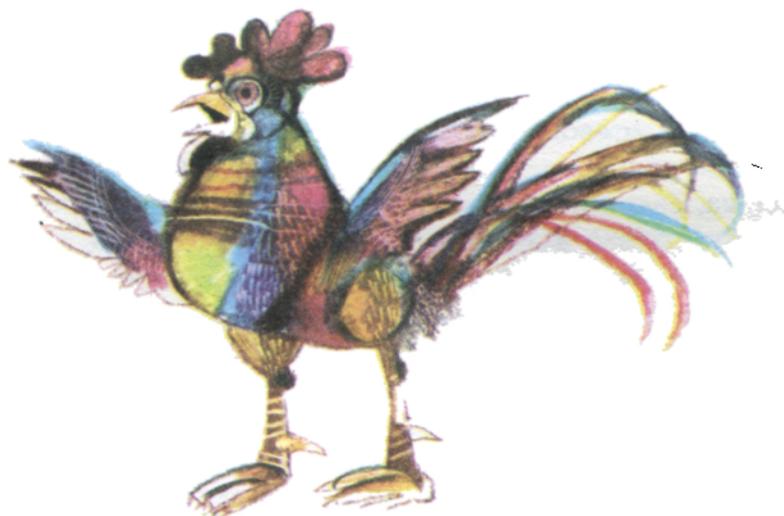
— Чего орешь? Не видишь разве, что хозяин умирать собрался? — залаял на петуха старый пес.

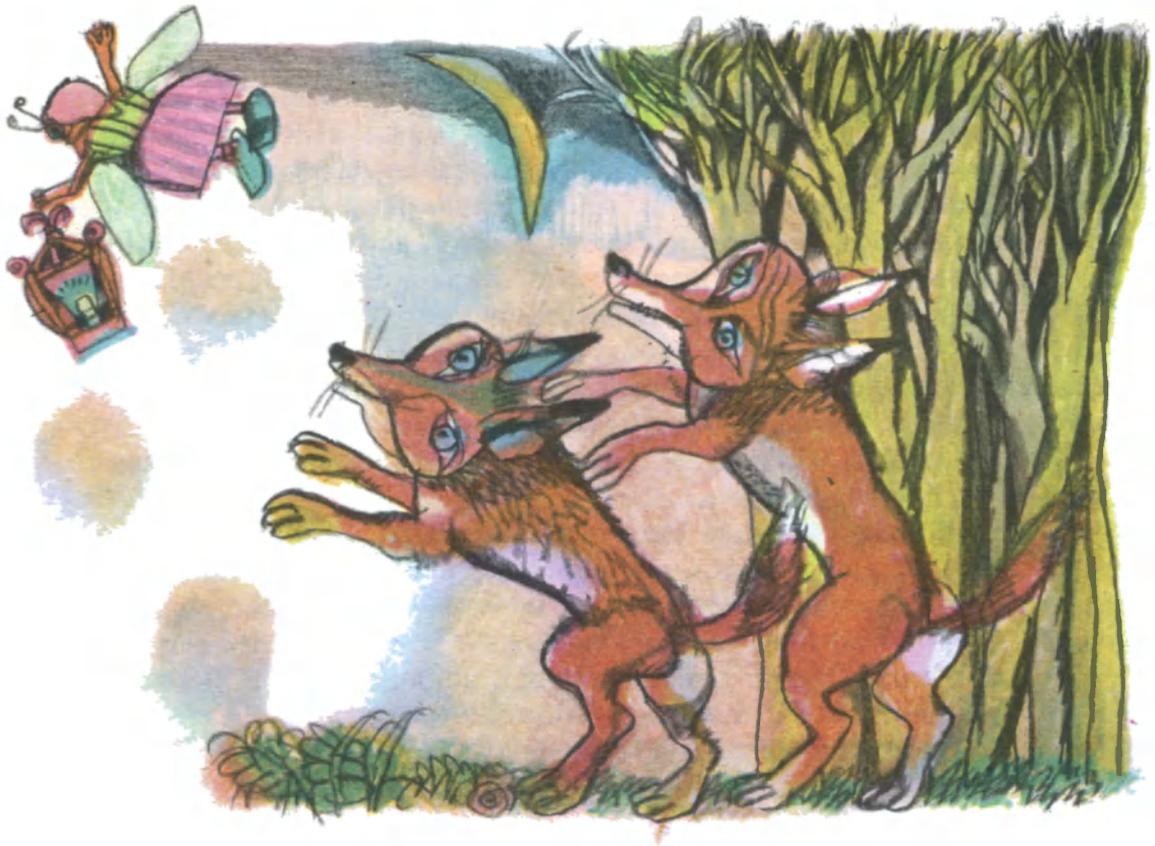
— Пусть умирает, раз не может договориться с женой. У меня сорок жен, и все меня слушаются — и молодые, и старые. А наш хозяин не может с одной управиться. Чего он ей не скажет, что умрет, если выдаст тайну?

Услыхав такие слова, хозяин вскочил, подошел к жене и сказал:

— Послушай, жена, если я скажу тебе тайну, мне конец. Это яма будет моей могилой.

— Ох, муженек, не слушай меня, глупую! Молчи, муженек, молчи! Не хочу я знать твоей тайны, только будь жив-здоров! — запричитала жена и велела мужу поскорей зарыть яму.

ЛИСА И МЕЛЬНИК

Надула раз лиса два пустых меха для воды, завязала их, вскинула на спину и отправилась в путь. Но перед тем как уйти, сказала своим лисятам:

— Этой ночью, детушки-хвостатушки, вы одни в норе останетесь, ложитесь-ка, закройте глазки и спите. Не вздумайте ночью из норы вылезать. Как только ясный месяц покажется — по лесу Змей бродить начнет. Увидит вас и тут же проглотит.

— А ты куда с пустыми мехами собралась? — спросил младший лисенок, что был поумнее.

— На мельницу. Принесу мучицы и испеку завтра лепешечек. А коли попадетсЯ цыпленок, будет вам и по крылышку.

Отправилась лиса на мельницу, а лисята спать улеглись. Через некоторое время пролетел мимо лисьей норы светлячок. Мигнул два-три раза своим фонариком и улетел.

— Кто это? — спросил старший лисенок, что был поглупее.

- Светлячок, — ответил младший.
- Давай поймаем его, чтобы в норке нам светил.
- Давай!

Выскочили лисята из норы и погнались за светлячком. Вдруг из-за ветвей показался ясный месяц, и Змей вышел на охоту. В лесной чаще, куда нога человеческая не ступала, был у него беломраморный дворец. Днем Змей спал, а по ночам выходил лисят да зайцев ловить. В темноте Змей ничего не мог разглядеть и потому всегда ждал, когда покажется месяц. Увидал он издали лисят, крикнул, фыркнул, кинулся на них и тут же проглотил.

А в это время лиса на мельницу пришла, скинула со спины пустые мехи, положила их под окном и вздохнула:

— Ох, и тяжела пшеница! Эй, мельник, смели мне ее до утра! Два полных мешка тебе оставляю. Сбегаю посмотрю, что лисята мои поделывают, и вернусь.

— Хорошо, — ответил из окна мельник.

Лиса подбежала к возам помольщиков, стоявшим на дворе, взяла стрекало, вернулась тихонечко под окно и проткнула тем стрекалом мехи. Воздух вышел наружу, и они опали. Хитрая лиса повертелась по двору, выбрала укромный уголок и улеглась спать. Хорошенько выспавшись, попробовала было в курятник залезть, да он был заперт, и, видя, что курятиной на этот раз полакомиться ей не придется, опять вернулась на мельницу.

— Готова моя мучица? — спрашивает она мельника.

— Нет еще. Где твои мехи?

— Вот там, под окном.

Пошел мельник за ними, нагнулся — а мехи-то пустые.

— Ох, кумушка, беда, кто-то пшеничку твою украл, — заохал мельник.

— Знать ничего не хочу, — накинулась на него лиса, — подавай мне муку!

— Да в мехах-то пусто, что же мне молоть?

— Как что? Вон сколько мешков помольщики оставили, отсыпь из каждого по миске и наполни мои мехи, не то судиться с тобой стану!

— Ну что ж, быть по-твоему, — согласился мельник, отсыпал зерно из чужих мешков, смолот его и отдал лисе ее мехи, доверху наполненные мукой.

Потащила лиса муку в лес. Еще солнышко не взошло, когда она добралась до своей норы. Глядит, а лисят нет как нет. Оставила она мехи и выбежала из норы. Увидела светлячка и спрашивает:

— Не знаешь ли ты, братец, где мои детушки?

— Знаю. Их Змей съел!

— Ах, беда какая! Горемычные мои детки!.. Вот я ему, проклятому, покажу, как чужих лисят есть! — И лиса побежала к мельнику.

— Слушай, братец-мельник, — сказала она, — очень я тебе благодарна за мучицу. За добро добром хочу тебе отплатить. На царской дочери тебя женить!

— Как же это так?

— А это уж моя забота. Пойдем со мной!

Мельник подумал — была не была! Обул свои лапти и пошел за лисой. Шли они, шли, подошли к городу, где царский дворец стоял. Лиса остановилась и сказала мельнику:

— Ты спрячься вон под тем мостом и жди меня, а я во дворец пойду.

Мельник спрятался под мостом, а лиса напрямик через поле побежала. А на том поле паслись табуны лошадей, стада овец и коров. Пробежала сваха-лиса мимо пастухов и наказала им:

— Если кто-нибудь спросит, чьи это стада, вы отвечайте: „Нашего хозяина, господина Лапотана“.

Добралась она до дворца и вошла в него. А царь тот был волчьего рода и потому дружил с лисой.

— Добро пожаловать, кумушка! По какому делу пришла? — спросил он приветливо.

— Хочу дочку твою сосватать, — ответила лиса.

— За кого?

— За господина Лапотана.

— А он что — богатый? — полюбопытствовал царь.

— Лошадей, коров да овец у него столько, сколько просяных зернышек в полном мешке. А дворец у него весь из мрамора.

— Где же сейчас господин Лапотан?

— Как ехали мы к тебе, напали на нас разбойники. Сняли с господина Лапотана его богатое платье и нагишом оставили. Стыдно ему в таком виде тебе показаться.

— Я пошлю ему платье, — сказал царь и велел своим министрам тотчас же отнести под мост лучшие царские одежды.

Облачился в них мельник и отправился во дворец. Вскорости сыграли свадьбу. Потом усадили царя и молодых в золотую карету, а лиса против них на скамеечке села. Когда карета выехала со двора, мельник нагнулся к лисе и шепнул ей на ухо:

— Куда же мы молодую повезем? Уж не на мельницу ли?

— А ты знай помалкивай! — ответила лиса.

Едут они полем, царь и спрашивает пастухов:

— Чьи это стада, люди добрые?

— Нашего хозяина, господина Лапотана! — отвечают пастухи.

„Видать, и впрямь этот господин Лапотан богат!“ — подумал царь.

Чтобы с молодыми в дороге какой беды не случилось, за каретой маршировал целый полк солдат, и по всему полю разносился треск барабанов.

Подъехала золотая карета к лесу, лиса соскочила на землю и говорит:

— Вы поезжайте по дороге, а я напрямик во дворец побегу, слуг предупрежу, чтобы гостей дорогих встречали.

Забралась она в самую чащу, куда нога человеческая не ступала, и подбежала к беломраморному дворцу Змея.

— Идут! — закричала она во весь голос.

Змей выглянул в окошко.

— Кто идет? — спросил он.

— Целый полк солдат, разве не слышишь, как в барабаны бьют?

— А зачем они идут? — перепугался Змей.

— Хотят кожу с тебя содрать!

— Ах, батюшки, что же мне делать?

— Спрячься, — посоветовала лиса.

— Куда?

— Полезай в печь! А я соломки принесу да сверху прикрою, никто тебя и не заметит.

Змей спрятался в печь, лиса же приволокла полную корзину соломы и накрыла ею чудовище. Потом взяла горящую головню и подожгла солому. Змей и задохнулся.

Подъехали ко дворцу царь со свитой, видят — ворота настежь, а у ворот лиса стоит.

— Милости просим! — приглашает их лиса.

Приехавшие вошли во дворец и стали дивиться, разглядывая богатые покои господина Лапотана.

А больше всех глаза таращил сам мельник.

— Да, дворец у меня неплохой! — сказал он и повел молодую жену по беломраморным ступеням.

Долго ли, коротко ли — к полуночи свадебный пир кончился. Молодые к себе ушли, солдаты в дворцовом саду спать улеглись. Когда все уснули, мельник вспомнил про свою мельницу. Кто ее без него пустит? Кто людям зерно смелет? Выбрался он украдкой из дворца и во весь дух побежал на мельницу. До рассвета зерно смолот и помольщиков по домам отпустил. Вернулся во дворец. Открыл тихонечко дверь, чтобы царскую дочь не разбудить. Но та уже проснулась.

— Куда это ты ночью ходил? — сердито спрашивает она.

— Ходил посмотреть, хорошо ли пастухи стада мои стерегут.

— А почему голова у тебя в муке, как у мельника?

— Да я и есть мельник! — признался он и всё ей рассказал.

Как разгневается царская дочь, как раскричится, всех людей во дворце

на ноги подняла. Забрала свое приданое, выбежала во двор и заставила отца увезти ее домой.

— Что ты наделал! — сказала лиса мельнику. — Верно же говорят: „Кто не умеет врать, тому с голоду помирать!“

— Не бойся за меня, кумушка! Покуда мельница моя работает, для меня кусок хлеба всегда найдется!

ТРИ ОХОТНИКА

Три мужика, три умные головы, решили отправиться на охоту. Вместо ружей взяли по скалке, воткнули в шапки по гусиному перу и тронулись в путь. Перевалили с горем пополам через Балканские горы и спустились на Софийскую равнину. Идут, видят: посреди поля стоит береза, а под ней безбородый поп в камилавке накидывает на шею гусю петлю.

— Добрый день, батюшка! — сказал первый охотник. — Что это ты делаешь?

— Собираюсь повесить гуся, — ответил поп.

— Что же он такого натворил? — спросил второй охотник.

— Очень он передо мной провинился, — сказал поп. — Этой ночью я лег спать во дворе, — в доме-то очень жарко, — а он подошел, увидел мою бороду, решил, видать, что это трава, и выщипал до волоска.

— Не вешай его, отдай нам, мы утопим его в Искыре, — сказал третий охотник.

— Возьмите, — пнул поп гуся ногой, — Делайте с ним, что хотите, только избавьте меня от него.

Три охотника схватили гуся, побежали к реке, нашли место поглубже и опустили гуся в воду. Держали, держали, решили, что гусь захлебнулся, и отпустили его. Гусь быстро вынырнул из воды, всплеснул крыльями и переплыл на другой берег.

— Ну и дела, — удивился первый охотник, — не удалось утопить гуся, слишком мала наша река. В другой раз, как выщиплет гусь попу бороду, понесем его к Черному морю, оно поглубже.

Пошли дальше. Шли, шли, притомились. Легли у дороги подремать, а скалки положили под головы. Не успели глаза закрыть, как на них налетел целый рой назойливых мух.

— Ой-ой-ой! — закричал второй охотник. — Сожрут нас проклятые мухи. Давайте пойдем к тому попу с выщипанной бородой и спросим его, как истребить мух. Он умный человек и научит нас.

Поднялись охотники, поплелись к попу.

— Батюшка, — сказали ему охотники, — научи нас уму-разуму. Не знаем, что делать с проклятыми мухами, совсем заели нас, не дают подремать.

— Бейте! — ответил поп. — Как увидите муху, бейте ее.

— А чем бить-то? — спросили умники.

— Да хоть скалками!

В эту минуту на голову попу села муха. Первый охотник, не долго думая, размахнулся и хлопнул попу по голове скалкой.

— Что ты делаешь? Зачем ударил попу? — раскричались остальные.

— Дак ведь он сам разрешил, — ответил первый охотник и почесал затылок.

Делать нечего, подождали охотники, пока поп придет в себя, и пошли дальше.

Направились они к селу Дервеница. По дороге нашли арбуз.

— Что это за штука? — спросил первый охотник.

— Это, — ответил второй, — верблюжье яйцо. Давайте высидим его!

— Где же его высиживать? — спросил третий.

— На солнцепеке.

Отнесли арбуз на высокую гору Витошу и принялись высиживать по очереди. Первый охотник нечаянно толкнул арбуз, и он покатился в заросли терновника. Все трое охотников закричали и бросились вдогонку. Бежали, бежали, добежали до терновника. Вдруг из куста, под который закатился арбуз, выскочил заяц.

— Смотрите! Из верблюжьего яйца вылупился длинноухий верблю-

жонок! Держите его! — закричал первый охотник.

— Стой! — закричали остальные.

Но заяц скрылся в лесу, только его и видели.

Почесали охотники затылки. А один и говорит:

— Странное дело! Когда же успел вылупиться верблюдажонок и когда у него выросли такие длинные уши? Нужно непременно отыскать его.

— Как? — спросили двое других.

— Найдем топоры и вырубим лес.

Сказано — сделано. Нашли топоры, засучили рукава и начали рубить лес. Проезжал мимо путник верхом на кобыле, а рядом с кобылой жеребенок бежал. Остановился путник и спросил, зачем они рубят лес. Охотники всё ему и рассказали.

— Хорошо вы всё это надумали, — сказал путник, поняв, с какими людьми он разговаривает, — да только топоры у вас уж очень тупые. Дайте я их дома наточу.

— А нам что делать? — спросил первый охотник.

— Подождите, я скоро.

Охотники отдали ему топоры и стали ждать. Путник пустил кобылу вскачь, а жеребенок остался.

Тогда один из охотников и говорит:

— Этот человек обманул нас, давайте убьем его жеребенка.

— Как это сделать?

— Навьючим на него наши штаны и шапки и прогоним. Он побежит, споткнется и сдохнет под тяжелым грузом.

Сказано — сделано! Навалили они на жеребенка свою одежду, вспугнули его, он побежал.

— Ну всё, крышка ему! — засмеялись охотники и пошли дальше простоволосые, без штанов. Дошли до небольшой речушки, а над водой верба стоит — старая, плакучая.

— Интересно, зачем она наклонилась над водой? — спросил первый.

— Наверное, пить хочет, — ответил второй.

— Так давайте напоим ее! — предложил третий.

— Как? — спросил первый.

— Один из нас ухватится за ветки и повиснет над водой. Второй ухватится за ноги первого, третий — за ноги второго. Верба наклонится еще больше, ветки коснутся воды. Вот она и напьется.

Сказано — сделано. Повисли наши охотники над речкой, а верба стоит, как стояла.

— Давайте поплюем на руки да ухватимся покрепче, — крикнул первый охотник.

Разжали они руки, чтобы поплевать на ладони, и шлепнулись в воду. Вылезли все мокрые и пошли сушиться. Поднялись на высокие скалы.

Смотрят: далеко внизу клубится густой белый туман.

– Что это такое, братцы? – спросил первый охотник.

– Должно быть, вата, – отозвался второй.

– Давайте прыгнем вниз, поваляемся на мягком, – вставил третий.

– А почему бы и не повалиться? – воскликнули остальные.

И трое охотников, не долго думая, взялись за руки да с криком „ух, ты-ы-ы!“ бросились с высокой скалы. Упали и разбились.

ЦАРЬ С ОСЛИНЫМИ УШАМИ

У царя Траяна были ослиные уши, но он прятал их под короной. Никто не знал, что его величество вислоух. Каждый раз, как только брадобрей заканчивал брить Траяна, входил палач и рубил ему голову, чтобы он не мог раскрыть тайну про ослиные уши царя. Совсем мало осталось брадобреев в Траяновом царстве. Пришел черед еще одному молодому безусому брадобрею идти к царю. Дрожая от страха, явился он во дворец. Побрил царя и, увидав его уши, начал испуганно озираться. Царь спросил его:

— У тебя братья есть?

— Нет, — ответил тот, — я один у матери.

— Ну раз так, я пощажу тебя, только дай мне слово никому не говорить о том, что ты видел. Проговоришься — погибнешь!

Парень поклялся, что будет молчать, и царь отпустил его. Вернулся он домой живой и здоровый, но с той поры начал чахнуть. В щепку превратился. Дунешь на него — упадет. Так его тайна мучила. Закручилась его мать, видя, как он тает, и сказала ему:

— Открой мне, сынок, что у тебя на сердце.

— Не могу, матушка, потому что я дал слово никому про то не говорить. Если скажу — не быть мне живым.

Тогда умная мать научила сына, чтобы тот пошел в лес, вырыл глубокую яму и, нагнувшись над ней, три раза произнес то, что лежит у него на сердце.

Как мать сказала, так он и сделал. Вырыл яму, стал перед ней на колени и трижды прокричал:

— У царя Траяна уши, как у осла!

— Царские уши ослиные!

— Наш царь вислоухий!

И зарыл яму.

Ему сразу же полегчало, и он вернулся домой веселый.

Долго ли, коротко ли, на том месте, где рыл парень, выросла бузина. Однажды пастушата увидели ее, срезали ветку, смастерили себе дудки и начали на них играть. И дудки заговорили человеческим голосом:

— У царя Траяна уши, как у осла!

— Царские уши ослиные!

— Наш царь вислоухий!

Что тут делать! К вечеру новость разнеслась по всей стране. Царь узнал об этом и приказал привести брадобрея. Тот рассказал ему, как это произошло. Тогда вислоухий царь сам вырезал из той бузины дудку, заиграл на ней и, услышав, что она говорит, сказал себе:

— Нечего дальше скрывать.

И перестал прятать свои ослиные уши.

УТКАН И ЛАПОТАН

Погнался однажды Хитрый Петр с палкой за зайцем. Заяц в лес — Хитрый Петр за ним. Заяц на поляну — Хитрый Петр за ним. К вечеру заяц подбежал к реке. Недолго думая, разогнался и прыгнул. Но разве перепрыгнешь реку Вит? Упал заяц в воду и утонул. А Хитрый Петр отдышался, огляделся и принялся в затылке чесать:

— Гляди-ка, куда меня занесло! Придется в чужих краях заночевать. Пошел он берегом и пришел в какое-то село. Остановился у ворот большого дома и говорит:

— Видать, здесь богатые люди живут.

Постучался. На стук вышла молодка с засученными рукавами.

— Чего тебе, дяденька?

— Да вот ищу, где бы переночевать.

— Входи, у нас переночуешь, — сказала женщина и вынесла ему

скамеечку, чтоб посидел да отдохнул, пока муж ее с поля воротится. Хитрый Петр сел и стал ждать. Вдруг чует — чем-то вкусным запахло. Заглянул он в окно и обрадовался: в горшке утка большая варится.

„Будет ужин на славу!“ — подумал Хитрый Петр. Сидит, а сам все на ворота поглядывает: не возвращается ли хозяин.

А хозяйка, хлопотавшая у очага, подумала:

„Этот прохожий, видно, сильно проголодался. Поддай ему уточку, в один присест съест. Спрячу-ка я ее, а завтра, когда гость уйдет, мы с мужем наедемся всласть!“

Взяла она горшок и поставила на полку, а сверху крышкой прикрыла.

„Ишь ты, и крышкой прикрыла, чтобы не остыло варево“, — подумал Хитрый Петр и облизнулся, как кот на свежую рыбку.

Вот и телега застучала у ворот — хозяин приехал. Распряг волов, вошел в дом.

— А у нас гость! — крикнула ему жена.

— Вот и хорошо! — ответил муж. — Накрывай скорей на стол, а то с голоду помру.

— Ох! — притворно вздохнула хозяйка, — а ведь я, как на грех, сегодня ничего не сготовила.

— Давай, что есть!

Положила хозяйка на стол черствого хлеба краюху да три луковицы. Голодный хозяин не знал, что жена его уточку варила, и тут же принялся хлеб уплетать да заедать его луком. А Хитрый Петр отщипывал понемногу, чтобы червячка заморить, все ждал, когда хозяйка уточку на стол поставит. Ждал и диву давался: чего это хозяйка хороший ужин горьким луком портит!

Хозяин наелся и говорит:

— Спасибо, женушка, что накормила!

А хозяйка повернулась к Хитрому Петру и давай извиняться:

— Уж не обессудь, гость дорогой, угостили чем могли.

Тогда Хитрый Петр понял, что хозяйка решила уточку припрятать. Да делать нечего.

— Что ты, хозяйюшка, ужин был — лучше не надо, — поблагодарил он ее.

— Ну, раз так, давайте укладываться спать, а то завтра рано вставать, — сказал хозяин, зевнул во весь рот и ушел к себе. Хозяйка постелила гостю возле огня, пожелала „спокойной ночи“ и тоже ушла.

Хитрый Петр только этого и ждал. Живо вытащил уточку из горшка, половину съел, а другую половину в котомку спрятал, запил холодной водицей и спать улегся. Наутро проснулся ни свет, ни заря, увидел у очага хозяйские лапти, сунул их в горшок, крышкой прикрыл и сел к огню обуваться. В это время хозяин вышел.

- С добрым утром, гость! Куда это ты так рано собрался?
— Мне пора, — ответил Хитрый Петр, — до дома не близко, а я по дороге хотел бы какую-нибудь дичь подстеречь, детишкам отнести.
— Какой же ты охотник без ружья?
— А я за зайцами с палкой гоняюсь.

Хозяин усмехнулся в усы.

— Чего только на белом свете не бывает. Ну, а как в ваших краях людям живется?

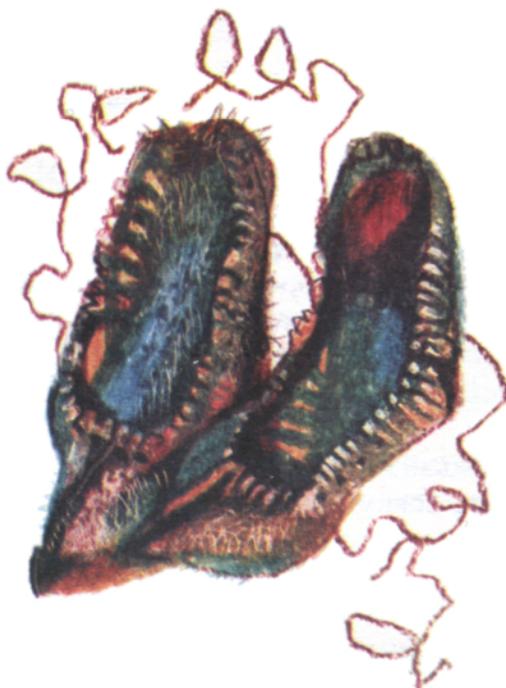
— Да теперь неплохо. Есть у нас город такой — Горшкоград. Покуда в нем правил царь Уткан, богатым было хорошо, а бедным плохо. Но с тех пор как на царство сел Лапотан, бедняки что сыр в масле катаются. Ну, прощайте!

Хозяин так и не понял, что за цари в Горшкограде правят.

А Хитрый Петр вышел на дорогу, свернул в кусты, что на берегу реки растут, — только его и видели.

Вскоре проснулась хозяйка. Увидела она, что гость ушел, давай горшок с полки снимать. Подняла крышку, заглянула, а там вместо утки лапти мокнут. Рассказала она всё мужу, тут только он смекнул, что за цари в Горшкограде правят.

— Так тебе и надо, жена! От гостей еду не прячут.

ДЕД ПЕТКО И БАБКА ПЕНА

Жили в одном селе дед Петко и бабка Пена. Уж состарились один около другого, а все ладу меж ними не было.

Сварила как-то раз бабка Пена на ужин бобовую похлебку. Уселись они за стол и опорожнили весь горшок — очень уж вкусна она им показалась.

— Я похлебку варила, — сказала после ужина бабка Пена, — а ты возьми и помой горшок, чтобы утром было куда молока надоить.

— Не пристало мне женским делом заниматься, — ответил дед Петко, — мой сама!

— Не стану мыть!

— Ну пусть тогда грязным остается.

Стемнело. Стали старики спать укладываться.

— Слушай, — говорит дед Петко, — утром встань пораньше и приготовь мне тюрю с молоком, я в лес за дровами пойду.

— А во что я молока-то надою, коли горшок немытый стоит? Помой его, будет тебе молоко.

— Ну уж нет, мыть горшок я не стану, — отвечает дед Петко. — Давай лучше побьемся об заклад. Кто проиграет, тому и мыть!

— Давай, — согласилась старуха. — А какой заклад?

— Да вот будем молчать. Кто первый скажет слово, тот и вымоет горшок.

Умолкли они и заснули. Ночь прошла, выглянуло солнце. Народ на работу пошел. Пастух собрал стадо и погнал его на луг. А корова упрямых стариков во дворе мычит — некому ее подоить и в стадо отвести. Ведь хозяйева ее сидят, не шелохнувшись, и молчат. Соседи через плетень заглянули, что такое у них творится, почему корова привязанная стоит и мычит, а во дворе ни души. Вошли, видят: старики сидят сложа руки и ни гугу, словно немые.

— Что с тобою, бабка? Почему корову не подоишь? — спрашивает одна из соседок.

Бабка Пена как воды в рот набрала.

— Скажи хоть ты, дед! Почему бабка Пена молчит?

Но и тот ничего не ответил, только головой, словно лошадь, замотал.

— Батюшки, — разохалась соседка, — никак старики онемели! Игнатושка, сынок, сбегай-ка за лекарем!

Маленький Игнат побежал за лекарем на другой конец села, а люди стали расходиться: кто пошел в поле, кто — на базар, кто — домой. Наконец остались только одна старушка да поп.

Немного погодя поп тоже собрался уходить и сказал старушке:

— Ты оставайся здесь, куда лекарь придет, да присматривай за немыми, чтобы не вышло чего худого.

— Не останусь я, батюшка.

— Почему?

— Потому что нынче никто даром не работает. Заплати мне, тогда останусь.

— Еще чего захотела! Где это слыхано, чтобы поп кому-нибудь платил?

Огляделся поп вокруг, увидел, что на стене старый изодранный передник висит, и потянулся за ним.

Тут бабка Пена вскочила и давай ругаться:

— Ты чего это вздумал этакой бездельнице мой передник отдавать, а я в чем ходить буду?

Услыхал дед Петко, что старуха заговорила, поднялся и сказал:

— Ты первая рот раскрыла — тебе и горшок мыть!

Поп и старушка поняли, почему те до сих пор молчали, как немые, сердито покачали головами и ушли.

МУДРЫЕ СЛОВА

Один бедняк нанялся к кузнецу и проработал у него целых двадцать лет. Под конец решил он вернуться домой и сказал хозяину:

— Дай мне расчет, хочу пойти посмотреть, что дома делается.

— Я привязался к тебе, словно к сыну, — ответил кузнец. — Побудь у меня еще годик-другой! Ты ведь моя правая рука.

— Не могу, — заупрямился работник, — у себя в селе я оставил жену. Она обещалась ждать меня двадцать лет. Если я теперь же не вернусь, то она покинет мой дом.

— Раз так, ничего не поделаешь, — промолвил кузнец, — получай расчет. — Но я не богат. Ведь молотом да наковальней много денег не наживешь. Удалось мне припрятать про черный день всего три золотые монеты. Возьми их. Это немного, но я даю их от всего сердца. Коли когда-нибудь понадобится тебе, приходи сюда. Я готов и кузницу тебе уступить.

Работник взял золотые, распрощался с хозяином и пошел к себе в село. По дороге нагнали его трое прохожих: двое молодых, а третий старик. Молодые стали расспрашивать работника, откуда он идет, что делал и много ли заработал, а старик все время молчал и лишь то и дело усмехался в усы, прислушиваясь к птичьему щебету.

— Кто этот старик, что слова не вымолвит? — спросил работник.

— Наш отец, — ответили молодые.

— А почему он усмехается в усы?

— Потому что понимает птичий язык и, наверное, слышит, о чем болтают вон те пташки на придорожных кустах.

— Но чего же он все молчит? — стал допытываться работник.

— Оттого что даром рта не открывает.

— Сколько же ему надо платить?

— Каждый раз по золотому.

Работник, у которого в кармане были три золотые монеты, подумал: „Дыр у меня столько, что их все равно не заткнешь, отдам-ка я этому старику одну монету, зато услышу, что он скажет“. Вынул из кармана золотой и отдал старику.

Тогда тот раскрыл рот и сказал:

— В мутную воду не суйся!

Пошли они и дальше вместе. Работник шел позади старика и, глядя, как тот опирается по свою суковатую палку, думал:

„Чудной старик! Голоса птиц понимает и чуть ли не за каждое слово по золотому берет. Что-то он скажет, если я дам ему еще одну монету?“

И он опять сунул руку в карман.

Старик взял второй золотой и промолвил:

— Коли увидишь, что над каким-нибудь местом орлы кружат, пойд и посмотри, в чем дело!

Работник почесал у себя в затылке и подумал:

„Смотри ты! Сколько раз я видел, как орлы кружат, а ни разу не удосужился пойти посмотреть, в чем дело. Дам-ка я ему последний золотой: что с ним, что без него — все равно“.

Опять сунул он руку в карман и вытащил последний золотой.

Старик взял монету и промолвил:

— Прежде чем решиться на что-нибудь, посчитай до двадцати пяти!

Прошли они еще немножко вместе, да на перепутье и расстались. Отец с сыновьями своей дорогой отправились, а работник своей. Подошел он к реке, воды которой несли целые деревья, грозно ревели и были мутными-премутными. Тут он вспомнил слова старика и не стал пробовать перейти реку, а уселся на берегу и вынул из котомки краюшку хлеба.

„Сначала подкреплюсь, а потом мост или брод поищу“, — подумал он.

Немного погодя на дороге показался купец верхом на белой лошади.
— Эй, приятель! — крикнул купец. — Ты почему на тот берег не переходишь?

— Не хочу в мутную воду соваться.

„Вот дурень-то“, — подумал купец и погнал коня в реку.

Течение подхватило и лошадь, и всадника и затащило их в водоворот. Купец утонул, а конь обратно на берег выбрался. Работник поймал его и поехал верхом вдоль берега мост искать. Нашел мост, переправился на другую сторону и поскакал к себе в село. А дорога туда шла мимо одного оврага, заросшего кустарником. Когда работник подъехал к нему, то увидел, что над оврагом орлы кружат.

„Дай-ка посмотрю, что там такое“, — подумал он, сошел с коня, спустился в овраг. Видит — лежат два усатых мертвеца, а возле них мешок с золотом. То были разбойники. Ночью они кого-то ограбили, пришли в овраг добычу делить и заспорили. Выхватили свои пистолеты и застрелили друг друга.

Работник взял мешок с деньгами, засунул за пояс один из пистолетов и отправился дальше. Под вечер подъехал он к своему дому. Открыл ворота, въехал во двор, слез с коня, привязал его к забору и направился в дом. Но прежде, чем войти, подумал:

„Дай-ка погляжу в окошко, что жена делает“.

Окошко было растворено. Заглянул он, видит — в горнице стол накрыт, а за столом — спиной к окошку — сидят его жена и какой-то парень. Увидел их работник и разгневался.

„Обязалась двадцать лет дожидаться меня, замуж не выходить, а оно вон что! Обманщица!“

Вытащил он пистолет, чтобы застрелить их обоих, но в этот миг вспомнились ему слова старика, купленные за последний золотой: „Прежде чем решиться на что-нибудь, посчитай до двадцати пяти!“

„Посчитаю до двадцати пяти, — подумал он, — а после того застрелю их. Они от меня все равно не уйдут!“

Начал он считать, но не дошел еще и до пятнадцати, как парень повернулся к его жене и сказал:

— Матушка, завтра пойду отца разыскивать. Сколько лет прошло с тех пор, как он нас покинул?

— Двадцать лет, сынок. Тебе и трех месяцев не было, когда он ушел.

„Вот наделал бы я дел, кабы не начал считать до двадцати пяти!“
— ахнул вернувшийся отец и крикнул в окошко:

— Сынок, жена, встречайте гостя!

ПРО ДВУХ БРАТЬЕВ-ХРАБРЕЦОВ

Было нас двое, брат да я, — храбрецы, каких мало. Отправились мы в лес за дровами. Нарубили мы сколько надо и сели отдохнуть. Брат и говорит:

— Вот бы сейчас белый каравай — мы бы его натошак в один присест уплели!

Не успел он это промолвить, как, откуда ни возьмись, очутился перед нами белый-пребелый каравай. Разломали мы его и съели.

— А теперь бы флягу вина, мы бы ее до дна выпили! — сказал брат.

И тут же перед нами фляга с вином появилась. Ну мы, конечно, осушили ее.

Разгорелись у брата глаза.

— Хорошо бы сейчас с медведем побороться! — сказал он, и, словно из-под земли, вырос перед нами косматый черный медведь.

Что тут делать?

А у меня словно два сердца. Одно говорит „силу покажи!“, а другое кричит — „беги!“ Которого послушаться?.. — „Ну, думаю, послушаюсь-ка я того, что „беги“ кричит!“ — да как припущу домой. Наутро вернулся я в лес посмотреть, что там без меня случилось: от брата одни лапти остались, а от медведя — ни шерстинки.

МЕШОК С ВЫДУМКАМИ

Хитрец-турок Ходжа Насреддин пришел из Анатолии в болгарскую землю народ дурачить. Дурачил тут, дурачил там, наконец, добрался до села, в котором жил Хитрый Петр. Встретились они на улице, возле поповского плетня.

- Ты Хитрый Петр? — спросил Ходжа Насреддин.
- Он самый.
- Слышал я, что ты ловко людей вокруг пальца обводишь.
- Ходит такой слух, — сказал он, — но ведь и про тебя люди говорят то же самое.
- А что ты здесь делаешь? — спросил Ходжа.
- Плетень подпираю, чтобы не завалился.
- Давай померимся, кто из нас на выдумки искуснее окажется, — предложил Ходжа.
- Давай. Только сейчас я не могу, мои выдумки дома остались. Я их с собою в мешке ношу, а когда они мне не нужны, мешок на стену

вешаю. Подопр-ка вместо меня плетень, покуда я за своим мешком сбегаю.

— Беги, — сказал Ходжа, — только поживее!

Хитрый Петр завернул за угол, вошел в кофейню и заказал себе чашку кофе, а Ходжа, подставив спину, стал подпирать поповский плетень и дожидаться Хитрого Петра. Ждал, ждал, покуда не стемнело. Рассердился и ушел.

На другой день встречает он Хитрого Петра и говорит:

— Что же ты вчера не пришел? Сказал, что только за мешком с выдумками сбегаешь, и пропал. Видно, испугался!

— Ходжа, — отвечает ему Хитрый Петр, — какую тебе еще выдумку надо? Разве ты не подпирал до самого вечера поповский плетень, поджидая, когда я вернусь с мешком?

Ходжа прикусил язык.

— Уж не рассердился ли ты? — спросил Хитрый Петр. — Пойдем в лес, погуляем, пока у тебя от сердца отойдет.

Ходжа согласился. Вышли они из села и отправились в лес. Идут потихоньку и разговаривают.

— У нас, — говорит Ходжа, — два солнца светят, у ослов крылья растут, а зайчихи в гнездах на деревьях яйца несут.

— Здорово выдумываешь, Ходжа, — поддакивает Хитрый Петр, — только я тебе не верю.

А тот все продолжает:

— Вода у нас сухая, мы ее не пьем, а ножами режем.

— Так, так, только я тебе не верю!

Углубились они в лес. Наступил полдень. И Хитрый Петр и Ходжа Насреддин проголодались.

— Хорошо бы перекусить, — сказал Хитрый Петр.

— А чем?

— Я и сам не знаю, ничего тут нет. — И Хитрый Петр стал озираться.

Вдруг видит: идет им навстречу один его богатый односельчанин и несет на плече барашка.

— Ты веришь, что этот барашек нашим станет? — спросил Хитрый Петр.

— Нет, не верю, — ответил Ходжа, — уж больно этот человек силен, тебе его не одолеть.

— Отойди в сторонку и знай себе помалкивай!

Хитрый Петр свернул в кусты, обогнал богача, разулся и оставил один свой лапоть на дороге. Затем, пробежав дальше, оставил другой. Богач наткнулся на первый лапоть и сказал, отпихнув его ногой:

— Сгодился бы, да что с ним с одним делать!

Пошел дальше. Видит — еще один лежит.

„А вот и второй, вернись-ка я за первым!“ — подумал богач, снял с плеча барашка, оставил на полянке и вернулся назад. В это время Хитрый Петр, который уже успел забрать первый лапоть, выскочил из кустов, схватил барашка и второй лапоть и вернулся к Ходже. А того такая досада разобрала при виде, до чего Хитрый Петр на выдумки горазд, да что поделаешь!

Развели они костер, зарезали барашка, зажарили и уселись обедать.

— Ходжа, — сказал Хитрый Петр, — хочешь, я такое выдумаю, что ты, не пообедавши, сам уйдешь?

— Куда тебе!

— Говори, хочешь?

— Ну что ж, попробуй!

— Сейчас, дай только баранинку посолим. Вон в том овражке соленая земля есть — я пойду принесу горстку, посолю баранину и примусь за выдумки.

— Иди, только поскорее возвращайся, у меня в глазах от голода темно, — ответил Ходжа, глотая слюнки.

Хитрый Петр спустился в овраг, помедлил немного, а потом как закричит:

— Ой-ой-ой! Не бей меня! Ой-ой-ой! Это Ходжа твоего барашка унес! Вон он там! С ним и расправляйся!..

Перепугался Ходжа, услышав, что кричит Хитрый Петр, и вскочил на ноги.

„Тот здоровяк все бока мне обломает, — подумал он, — уберусь-ка я лучше подобру-поздорову!“

И давай бежать — только пятки засверкали.

А Хитрый Петр выбрался из оврага и целого барашка один съел.

КАК ХИТРЫЙ ПЕТР НЕДРУГАМ ОТПЛАТИЛ

Целое лето Хитрый Петр пас свою корову на лугах, где росла самая сочная трава. Отъелась корова, гладкая стала, всем на удивление. Вот однажды утром погнал он свою буренку на базар — продавать. А его односельчане — трактирщик, лавочник и поп, завидовавшие доброй славе, которая шла про Хитрого Петра, задумали обмануть его и сделать посмешищем в глазах людей. Они еще ночью вышли из села и, условившись кому что говорить, стали поодиночке поджидать его на дороге в город. Первым встретил его трактирщик.

- Здравствуй, Петр, — сказал он, — куда это ты корову гонишь?
- На базар. Как, покупатели есть?
- Видимо-невидимо. Один другого щедрее. Но хоть и хороша у тебя коровка, да не верится мне, чтобы ее кто-нибудь купил.
- Почему? — спросил Хитрый Петр.

— Хвост у нее длинный, а нынче на бесхвостых спрос. Ну, в добрый час!

И трактирщик пошел своей дорогой.

Хитрый Петр почесал у себя в затылке.

„В толк не возьму, — подумал он, — на что им бесхвостые понадобились. Но раз такое дело, отрежу-ка я хвост моей корове. Это дело немудреное!“

Зашел он в придорожный кабаk, взял у хозяина ножницы и отрезал своей корове хвост. Пошел дальше. Навстречу ему лавочник.

— Как, по-твоему, — спросил его Хитрый Петр, — найдется на мою корову покупатель побогаче?

— Найдется. Она у тебя без хвоста, а на таких нынче спрос. Только вот рога ей цену собьют.

— Почему?

— Потому что покупатели от рогатых шарахаются, настоящей цены не дают. Ну, прощай!

Опять Хитрый Петр почесал у себя в затылке да не долго думая зашел в другой кабаk, взял у хозяина пилу и отпилит корове рога. Пошел дальше.

У самого города встретил Хитрый Петр третьего заговорщика — попа.

— Поторапливайся, Хитрый Петр, народ уже расходится. Удачливый ты человек. Нынче на базаре люди за бесхвостых и безрогих коров все готовы отдать. Только ты еще лучше сделаешь, коли и уши ей подкарнаешь.

— Чем же ее уши плохи? — удивился Хитрый Петр.

— Разве ты не видишь, что они ни дать ни взять — ослиные.

Поп отошел, а Хитрый Петр посмотрел на корову и сказал себе: „Пожалуй, и впрямь на ослиные смахивают!“ Вытащил ножик и тут же подкарнал бедняге уши.

Пришел он на базар. Обступили его люди со всех сторон и начали смеяться.

— Поглядите вы на этого хитреца, вот так скотину на продажу привел! Какой дурак купит у него эту уродину! Скажи, кто это тебя надоумил так обкарнать корову? Вернешься в село, поклонись ему до земли!

Хитрому Петру впору было сквозь землю провалиться со стыда. Кое-как выбрался он из толпы, отвел корову на бойню и продал ее там за бесценок. Так даром труды его и пропали.

Вернулся он домой. А насмешники уже по всему селу разнесли, как им удалось провести Хитрого Петра, но он и словом не попрекнул их. Когда же его стали спрашивать, доволен ли он сделкой, Хитрый Петр снял шапку, поклонился своим завистникам и сказал, похлопав себя по карману:

— Уж так я доволен! Полный кошель денег получил. Спасибо вам, надоумили, что мне с коровой сделать, чтобы продать ее втридорога. Вижу, вы настоящие друзья, и поэтому сделайте милость — приходите завтра ко мне ужинать. Жена индейку зажарит. Придете?

— Придем, — ответили трактирщик, лавочник и поп, — завтра вечером жди нас!

У Хитрого Петра была пара зайцев. На другой день, как только стало смеркаться, он сказал жене:

— Я пойду на огород и там спрячусь, а ты прими гостей и скажи им, что я, мол, в поле. Когда индейка зажарится, вытащи из корзины зайца, вели ему за мной сбегать и выпусти его. А остальное — моя забота.

Гости не заставили себя ждать. Пришли, расселись на подушках и глаз с печи не сводят. Вот жена Хитрого Петра взяла ухват и вынула из печи подрумянившуюся индейку. У гостей слюнки потекли.

— Индейка готова, — сказала хозяйка, — что же это Петр не идет?

— А где он? — спросил трактирщик.

— В поле. Обещался пораньше вернуться, а до сих пор не пришел. Придется зайца за ним послать.

Вытащила она из корзины зайца, встала на пороге и говорит громким голосом:

— Слушай, косой, сбегай-ка в поле и передай хозяину, что гости пришли и индейка изжарилась. Пусть сейчас же домой возвращается!

С этими словами она выпустила зайца. Тот кинулся к воротам, выскочил на улицу и стрелой помчался в поле.

Времени прошло немного, а Хитрый Петр уж тут как тут.

— Простите, гости дорогие, я немного припозднил. В поле задержался. Хорошо еще, что заяц прибежал и сказал мне: „Гости пришли, и индейка изжарилась, скорей домой возвращайся!“

Гости переглянулись и говорят:

— Сколько лет прожили мы на свете, а такого чуда не видали — чтобы заяц на посылках был!

— Очень я им доволен, — стал хвастаться Хитрый Петр. — Вчера в город за покупками его посылал, так он за два часа обернулся и всё принес... Ну, давайте, гости дорогие, ужинать, пока индюшка не остыла.

Принялись гости за еду. Когда все наелись до отвала, поп сказал Хитрому Петру:

— Продай нам своего зайца! И для нас такой быстроногий помощник — большое подспорье.

— Вас же трое, как вы поделите его?

— Нет ничего легче. Сегодня одному будет помогать, завтра — другому, послезавтра — третьему. Продай зайца!

— Что ж, согласен, — ответил Хитрый Петр, — только он дорого стоит.

— Сколько возьмешь за него?
— Столько же, сколько за откормленную корову. Согласны?
— Согласны! — крикнули трактирщик, лавочник и поп и, развязав кошель, отсчитали Хитрому Петру целую кучу денег.

Хитрый Петр вытащил из корзины второго зайца и, отдав его гостям, наказал хорошенько смотреть за ним, потому что, мол, другого такого на всем свете не сыскать.

Поп спрятал зайца за пазуху и сказал:

— Завтра заяц у меня на посылках будет.

Проводил Хитрый Петр гостей и вернулся довольный.

— Здорово я их одурачил! — похвастался он жене.

На другой день поп поднялся пораньше, накормил зайца капусткой и наказал ему:

— Сбегай к моим приятелям, с которыми я вчера у Хитрого Петра в гостях был, и скажи им, чтобы вечером зашли ко мне. Попадья пирог испечет. Да поскорее возвращайся, пострел, у нас сегодня дел будет по горло.

Выпустил поп зайца на улицу — и того как не бывало. А поп уселся у калитки и стал поджидать своего посланца. Вот и полдень миновал, и смеркаться стало, а косога нет как нет. Поднялся поп и поплелся к своим приятелям.

— Почему зайца не возвращаете?

— Никакой заяц к нам не прибежал! — ответили трактирщик и лавочник.

— Куда же он мог убежать? — удивился поп.

— Куда, спрашиваешь? Соседский парнишка видел вчера, как один заяц в лес удирал, а сегодня — как второй туда же улепетывал.

Догадались приятели, в чем дело, поняли, что обманул их Хитрый Петр. Начали думать и гадать, как бы ему за это отомстить, и решили:

— Отведем его завтра к судье. Пусть тот его накажет.

На другой день судья, который тоже был зол на Хитрого Петра, присудил: завязать обидчика в мешок, отнести на берег моря и бросить в пучину рыбам на съедение.

— Ничего не поделаешь, брат, такова твоя судьба, — сказали трактирщик, лавочник и поп Хитрому Петру, подставляя мешок. — Полежай!

Хитрый Петр залез в мешок и стал кричать:

— Не хочу! Не хочу, слышите, вы!

— Чего ты не хочешь?

— В море не хочу!

— Хочешь — не хочешь, придется, таков приговор.

Тут лавочник взвалил мешок на плечи и сказал своим приятелям:

— Сначала я его понесу, а как устану, вам отдам. Ну и тяжелый!

Потащил лавочник Хитрого Петра к морскому берегу, а поп с трактирщиком следом пошли и взяли у него мешок, когда он совсем из сил выбился.

Шли они, шли, подошли наконец к морскому берегу. Видят — человек под дубом сидит, а рядом, в тени, стадо отдыхает.

— Эй, братец, — крикнул лавочник, — нет ли тут поблизости ручья, водицы испить? У нас от жары в горле пересохло.

— Есть, — ответил человек со стадом. — Идите вон в ту ложбинку.

Приятеля оставили завязанный мешок и пошли в ложбинку. А Хитрый Петр знай себе повторяет:

— Не хочу! Не хочу, слышите, вы!

— Чего ты не хочешь?

— Царем не хочу быть! — отвечает Хитрый Петр.

— Почему?

— Да потому, что не привык я таскать корону на голове, жареных барашков есть и на пуховиках спать. Не хочу, и все тут!

— А как ты в мешке оказался? — спрашивает человек со стадом.

— Те трое во всем виноваты. Пришли к нам в село меня в цари звать, а как увидели, что я не согласен, схватили и засунули в мешок. Насильно хотят меня на престол посадить.

— А ты согласишься! — посоветовал человек со стадом.

— Сам согласишься, коли на то пошло! — ответил Хитрый Петр из мешка.

— Так не меня же зовут, а тебя.

— Если хочешь, полезай в мешок вместо меня, а я твоих овец стану пасти.

А человек этот всю жизнь только и мечтал о том, как бы за чужой счет разбогатеть. Развязал он мешок и залез в него, а Хитрый Петр пошел и лег в тени под дубом.

Приятеля напился в ложбинке студеной воды и вернулись. Поп поднял мешок.

— Хочу! Хочу, слышите! — закричал из мешка чабан.

— Чего хочешь? — спросил поп.

— Царем быть хочу!

— Бедняга рехнулся со страха! — промолвил поп, пошел к крутому берегу и бросил мешок в море.

Мешок утонул.

— Вот мы от него и отделались, — сказали злодеи и отправились домой.

Под вечер Хитрый Петр пригнал стадо в село. Увидев его, трактирщик, лавочник и поп чуть языки не проглотили от удивления.

— Мы ведь тебя в море бросили! — сказали, наконец, они. — Почему

же ты здесь и что это за овцы?

— Я домой к себе возвращаюсь, — ответил Хитрый Петр, — а овцы это мои.

— Где ты их раздобыл?

— На дне морском.

— Разве там есть овцы?

— Видимо-невидимо; пасутся там, водоросли щиплют. Я вот только сотню пригнал, продам их — за другими пойду.

— Пойдем, батюшка! — крикнул лавочник.

— Куда? — спросил поп.

— На дно морское, за овцами!

— Пойдем, — согласился жадный поп и схватил свою камилавку.

Побежали все трое к морю. Первым прыгнул с берега поп и в тот же миг утонул. Только камилавка над водой осталась.

— Смотри, смотри! — крикнул трактирщик лавочнику. — Поп уже выгнал одну овцу! Поспешим, брат, не то он всех овец себе заберет.

Бросились они в море и утонули. Так Хитрый Петр отплатил своим недругам.

ХИТРЫЙ ПЕТР И ЗМЕЙ

Говорят, что в стародавние времена жили на земле огромные чудовища. У них были огненные крылья, и когда они взлетали, то становились невидимыми. Обитали они в глубоких горных пещерах, но если на земле происходили кровопролитные сражения, то покидали пещеры и тоже начинали биться друг с другом. Незримые, они кружились над головами воинов, и, когда мечи их скрещивались, в небе сверкали молнии. Этих чудовищ прозвали Змеями. Во время великого потопа все они утонули, так как не умели плавать, а долго летать не могли — крылья уставали. И остался на земле один-единственный Змей. Он забрался в Ноев ковчег и переждал там, пока спадет вода, а как только земля подсохла, пошел бродить по свету. Добрался, наконец, до наших краев и остался жить в одной пещере. Потом взял себе в служанки старую

ведьму и, оставив ее сторожить пещеру, сам отправился разыскивать богатырей.

Повстречался ему Хитрый Петр, и Змей спросил его:

— Эй, человек, богатырь ты или нет?

— Богатырь, — ответил Хитрый Петр.

— А что ты можешь делать?

— Я-то? Как стисну камень — из него вода течет.

— Не верю, — сказал Змей.

— Сейчас покажу. Только сперва ты возьми камень и стисни.

Змей поднял с земли камень, стиснул, — он рассыпался, но вода из него так и не потекла.

— Теперь гляди, — сказал Хитрый Петр, поднял другой камень и, незаметно вынув из сумки кусок брынзы, стиснул его вместе с камнем. Из брынзы потекла вода.

Змей диву дался.

— Да, ты, пожалуй, посильнее меня будешь. Давай побратаемся!

— Давай, — согласился Хитрый Петр, и они побратались.

Пошли вместе. Подошли к одному винограднику. Посреди виноградника росла высокая черешня. Змей, который был ростом с великана, стал рвать спелые ягоды с макушки дерева и глотать их горстями. А Хитрый Петр вертелся под деревом и только облизывался, потому что не мог дотянуться до спелых ягод.

— Что же ты не ешь, побратим? — спросил его Змей.

— Высоко, не дотянусь, — ответил Хитрый Петр.

Тогда Змей ухватился за верхушку дерева и пригнул ее к земле.

— Теперь держи и ешь!

Хитрый Петр взялся за ветку и сорвал было ягоду, но не успел еще отправить ее в рот, как Змей отпустил согнутое дерево. Оно тотчас же выпрямилось, и Хитрый Петр взлетел в воздух, словно птица, перелетел через дерево и упал возле куста терновника. А под кустом заяц дремал. С перепугу тот вскочил и пустился наутек.

— Что это ты, побратим? — удивился Змей.

— Да, вот, увидал зайца и подумал: „Дай-ка перепрыгну через черешню и поймаю его за уши!“ А он убежал, пострел!

Змей еще больше диву дался. Пошли они дальше. Пришли в лес, а в нем зайцев, серн да оленей видимо-невидимо.

— Хочешь обнесем лес высокой изгородью и переловим всю дичь себе на ужин? — предложил Змей.

— Еще бы не хотеть! — ответил Хитрый Петр.

Принялись они за дело. Змей таскал целые скалы и изгородь городил, в поте лица трудился, а Хитрый Петр дырки между глыбами глиной замазывал. Долго ли, коротко ли — обнесли они лес высокой изгородью

и переловили всех зверей. Сто оленей, двести серн и пятьсот зайцев на вертеле изжарили. Сели обедать. Змей по три зайца зараз глотал, а Хитрый Петр с ногой молодой серны едва справился. К тому времени уже стемнело, и они отправились в пещеру на ночлег. Ведьма встретила их и, чтобы Хитрый Петр не понял, спросила Змея на его языке:

— Кто это?

— Мой побратим.

— А зачем ты его взял в побратимы?

— Потому что он богатырь сильнее меня.

— Что ж ты его тогда не изведешь?

— А как?

— Ночью, когда он заснет, возьми молот потяжелее и преврати его в лепешку!

А Хитрый Петр все языки на свете знал и понял, о чем говорят. Перепугался, но виду не подал. Когда все улеглись спать, он тихонько поднялся, вышел из пещеры, набрал целый мешок камней и положил его на то место, где перед этим лежал. А сам забился в угол и стал ждать, что будет дальше. В полночь Змей встал, схватил тяжеленный молот — в сто пудов, не меньше — и ну колотить по мешку. Из камней искры так и посыпались. Колотил он, колотил, наконец, сказал: „Теперь от него и мокрого места не осталось!“ — и улегся спать.

На рассвете Хитрый Петр вышел из своего угла и крикнул:

— С добрым утром, побратим!

Змей глаза вытаращил.

— Ты еще жив? Я ведь ночью в лепешку тебя превратил!

Хитрый Петр рассмеялся.

— Вон оно что! А я было думал, что это блоха меня кусает. Ты, брат, лучше не пытайся убить меня — я закаленный.

— Как же тебя закалили?

— В кипятке держали.

— Закали и меня, — попросил Змей, — мы же с тобой побратимы.

— Ладно, — согласился Хитрый Петр. — Скажи старухе, чтобы воду в котле согрела.

Змей кликнул ведьму и приказал ей развести огонь да поставить на него котел с водой. Когда вода закипела, Хитрый Петр велел Змею залезть в огромную бочку. Змей кое-как поместился в ней, а Хитрый Петр крепко-накрепко заколотил днище бочки гвоздями. Только небольшую дырку оставил и стал лить в нее кипяток.

— Ой-ой-ой! Побратим, сварюсь! — закричал Змей.

— Терпи, побратим, коли хочешь закалиться, как я! — отвечал Хитрый Петр.

Вылив в бочку всю воду, Хитрый Петр сказал старой ведьме:

— Пусть посидит так до вечера, тогда он крепче железа станет! А как только солнце зайдет, разбивай бочку, выпускай Змея. — И ушел. Стала ведьма дожидаться сумерек. Когда месяц поднялся на небо, разбила она бочку, глядит, а Змей-то — сварился. Так земля освободилась от последнего Змея.

КАК ХИТРЫЙ ПЕТР СТАРОСТОЙ СТАЛ

Собрались крестьяне на сельскую площадь старосту выбирать. Пришел и Хитрый Петр. По этому случаю новую шапку надел, потому что знал — есть люди, которые судят о человеке не по уму, а по шапке. Позже всех явился самый богатый человек в селе: брюхо вперед, в зубах трубка, в руке четки.

— Эй, Петр, — сказал он. — Такие шапки, как у тебя, одни богачи носят. Дай-ка поглядеть!

Хитрый Петр протянул ему шапку. Тот взял и смеха ради ударил ею о землю.

— Грому-то сколько, словно из пушки выпалили!

Хитрый Петр нагнулся, поднял шапку, отряхнул от пыли и обратился к крестьянам:

— Расскажу я вам сейчас одну сказочку!

Зная, что Хитрый Петр мастер рассказывать сказки, все столпились вокруг него, и он начал:

— Вы, конечно, слышали, что жил на свете в давние времена царь по имени Соломон. Говорят, что он знал прошлое, предсказывал будущее и понимал язык животных. Вот раз Соломон созвал к себе всех зверей: львов, медведей, волков, зайцев, буйволов, лошадей, ослов. Зачем же, спросите вы, он созвал их? Да потому, что хотел послушать, о чем они говорят и посмеяться, — они ведь немало смешных вещей друг другу рассказывают. Заполнили звери царский сад. Позже всех осел пришел. Увидев, что в саду собралось столько зверей, осел остановился перед царем Соломоном, задрал хвост и заревел во всю мочь. Звери стали переглядываться, а Соломон заткнул уши. Когда осел умолк, к нему приблизился лев и спросил:

— Что ты делаешь, дурень?

— Реву, — ответил осел.

— Зачем же ты реवेशь?

— А где же мне и показывать свой нор, как не перед таким сборищем? — сказал осел ему в ответ.

— Вот и вся сказка, — закончил Хитрый Петр. — Поняли вы ее?

— Очень хорошо поняли, — сказали крестьяне со смехом.

Богач поспешиллизнуть. И тогда крестьяне выбрали старостой Хитрого Петра.

ХИТРЫЙ ПЕТР И ТРАКТИРЩИК

Отправился раз Хитрый Петр на ярмарку. А там народу полным-полно. Одни продают, другие покупают, третьи едят и пьют. Остановился он перед одним трактиром, заглянул в окно, увидел на столах открытые горшки, а кушанья в них — одно другого вкуснее. Хитрый Петр проголодался, но денег у него не было. Что тут делать? В котомке у него была только одна черствая горбушка. Вытащил он горбушку и протянул руку к тому горшку, из которого шел самый густой пар. Подержал над ней хлебушек, покамест тот не пропитался паром и не стал мягче, с удовольствием съел его и пошел было прочь.

Трактирщик, который молча наблюдал за Хитрым Петром, заступил ему дорогу:

- Эй, земляк, куда это ты собрался, не заплатив?
- За что же мне платить?
- За съеденное.

— Вот тебе раз, неужели ты не видел, что я один только пар от твоего горшка и отведал!

— А ты что ж думаешь, он и денег не стоит? Я ради этого пара, который ты со своим черствым хлебом съел, дрова жег, воду носил, кушанье варил! — стал перечислять трактирщик.

— Братец, — кротко промолвил Хитрый Петр, — все это я понимаю, но чем же я тебе заплачу, коли у меня гроша ломаного нет?

— Коли у тебя денег нет, так получи десять палок, авось, запомнишь, что значит чужой пар жрать! — раскричался трактирщик.

На шум к трактиру сбежался народ.

— Ну, что ж, бей! — согласился Хитрый Петр и вышел на солнце.

— Бери палку и начинай, да только смотри не притрагивайся ко мне, как и я не притронулся к твоему кушанью. Иначе палка по твоей спине прогуляется.

— Кого же мне бить? — оторопел трактирщик.

— Отсыпь десять палок моей тени!

Все вокруг покатались со смеху. А пристыженный трактирщик скрылся за дверью.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Был у Хитрого Петра баран, которого он очень любил.

Своим соседям он говорил:

— Этого барана я вам завещаю. Когда я закрою глаза, вы соберитесь у меня в доме, зажарьте его, наешьтесь до отвала и помяните меня добрым словом.

Однако соседям Хитрого Петра — корчмарю и сельскому богатею — не терпелось полакомиться бараниной. Вот они и отправились к попу за советом, как бы им уговорить хитреца резать барана.

— Вы это дело мне предоставьте! — сказал поп, нахлобучил камиллаву и пошел к Хитрому Петру.

— Как дела, батюшка? — спросил Хитрый Петр.

— Плохи дела, Петр, плохи! — вздохнул поп. — Начинается свето-

преставление. Послезавтра и конец наступит. Остается нам всего один день жизни.

Хитрый Петр почесал в затылке и спросил:

— Откуда ты про это узнал?

— Из книг. Ты ведь веришь книгам?

— Верю, — ответил Хитрый Петр. — Что ж нам теперь делать?

— Ничего, — промолвил поп. — Соберемся-ка мы завтра и устроим вскладчину пирушку, чтобы веселее провести последний день своей жизни. От нас — вино, от тебя — баран, согласен?

— Ладно, батюшка, только это надо устроить где-нибудь в укромном местечке. Лучше всего собраться на лугу, возле речки. И давайте завтра оденемся все в лучшее платье, так будет веселее.

— Я всегда считал тебя умным человеком! — похвалил поп Хитрого Петра и отправился восвояси.

На другой день рано утром все четверо, одевшись как на свадьбу, были на лугу возле речки. Развели наскоро костер и зарезали барана. Разгорячились, пока сдирали с него шкуру да насаживали на вертел. Вот поп и говорит:

— Ты, Петр, останься здесь и смотри, чтобы баран хорошенько зажарился, а мы искупаемся в речке перед тем, как начнем угощаться.

Раздевшись, поп, корчмарь и сельский богатей бросились в прохладную воду. А Хитрый Петр, повертев барана над огнем, схватил одежду троих приятелей и бросил в костер. Немного погодя купальщики вернулись и начали искать свое платье.

— Петр, — принялись они кричать, — что ты сделал с нашей одеждой?

— Сжег, — спокойно ответил Хитрый Петр.

— Да ты что, рехнулся? Как же мы покажемся голышом людям?

— Вовсе я не рехнулся, — сказал Хитрый Петр, — просто подумал: завтра светопреставление — зачем моим друзьям одежда, раз им больше не жить? Да и батюшка не раз говорил в своих проповедях: нагими пришли мы в этот мир, нагими должны и покинуть его.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Хитрый Петр был бедным человеком и не мог платить брадобрю. Вот он и пошел к своему богатому соседу и стал просить его:

— Сосед, у тебя есть острая бритва, побрей меня, а то я так оброс, что стал на ежа похож.

— Садись! — воскликнул сосед, слывший большим шутником, и подал Хитрому Петру стул. Посадил его лицом к солнцу, вынул бритву и начал брить, не намалив подбородка.

У Хитрого Петра дух занялся от боли, слезы потекли из глаз, однако он стиснул зубы и молчал. А сосед скоблил сухую щетину и посмеивался.

— Петр, — наконец сказал он, — дам-ка я тебе тесло, сунь его топорщиком в рот, не то ты так стиснул зубы, что того и гляди язык прикусишь.

— Делай свое дело, сосед! — ответил Хитрый Петр. — А долг платежом красен.

— Ну, вот и всё! — сказал сосед, окончив брить.

— Спасибо! — пробормотал Хитрый Петр. — Век не забуду твоей услуги.

И ушел.

Прошел год. Наступила весна. Богач позвал Хитрого Петра и сказал ему:

— Ты, Петр, поди, помнишь, сколько добра я тебе сделал. Пришел твой черед отплатить мне. Сходи-ка ты на мой виноградник и обрубь лозы, только, смотри, хорошенько обрубь!

Хитрый Петр взял секач, отправился на виноградник богача, засучил рукава и принялся рубить всё подряд. Все побеги обрубил — до самого корня.

Вернулся он в село, а богач спрашивает:

— Ну, как, обрубил?

— Еще как! — отвечает Хитрый Петр. — Всё как есть! Второй раз уже не придется обрубать.

— А побеги?

— Все до одного вычистил.

— Ну и что, „плачут“ лозы-то?

— Не просто плачут, а надрываются, — покачал головой Хитрый Петр. — И ты заревешь, как их увидишь.

СКОЛЬКО ОСЛОВ?

Погнал однажды Ходжа Насреддин пять ослов продавать на базар. Бежал он вслед за ними, погонял, наконец устал и уселся на одного из них. Отдохнул немного и принялся пересчитывать тех, что семенили перед ним, развесив уши.

— Вот так-так, да их же только четыре! — воскликнул перепуганный Ходжа и соскочил на землю. — Один, видать, отстал, вернись-ка да поищу его!

Но перед тем, как повернуть обратно, он снова пересчитал ослов и увидел, что их пять. Довольный, Ходжа снова уселся на одного из ослов и погнал остальных перед собою.

Спустя некоторое время он снова принялся их пересчитывать.

— Опять четыре! — воскликнул Ходжа и в недоумении стал хлопать глазами.

В это время встретился ему Хитрый Петр.

— Хитрый Петр, будь добр, скажи мне, сколько ослов ты видишь перед собой? Когда я считаю их с земли — получается пять, а как только сяду одному из них на спину — один пропадает.

Хитрый Петр усмехнулся и ответил:

— Ослов-то шесть, только у одного из них две ноги.

ХИТРЫЙ ПЕТР И АРХИЕРЕЙ

Однажды Хитрый Петр отправился на рынок поглядеть, что народ продает и что покупает.

Встретился ему архиерей.

— Эй, Петр, иди-ка сюда! — поманил он его пальцем.

Хитрый Петр подошел к нему.

— Зачем я понадобился тебе, владыко?

— Это лукошко, — сказал архиерей, — полно яиц. Отнеси его в мои покои, ибо не пристало архиерею тащить ношу, словно он вьючный мул.

— А чем ты мне заплатишь?

— Денег я тебе не дам, ибо архиерею подобает только брать, а не давать, но расплачусь с тобой тремя мудрыми поучениями.

— Идет, — согласился Хитрый Петр и взял архиерейское лукошко.

Когда они уже подходили к хоромам владыки, Хитрый Петр повернулся к архиерею, важно шествовавшему позади.

— Ну, давай, владыко, говори свои мудрые поучения!

Архиерей откашлялся и произнес внушительно:

— Если кто-нибудь скажет тебе, что в шалаше лучше жить, чем во дворце, не верь ему!

— Вот тебе на! А второе? — спросил Хитрый Петр.

— Сейчас узнаешь: если кто-нибудь вздумает утверждать, что головка лука стоит больше жареного барашка, — не верь ему!

Вот и архиерейские хоромы.

— А теперь, владыко, я жду третьего поучения! — напомнил архиерею носильщик.

— Третье вот какое: если кто-нибудь скажет, что найдется носильщик глупее тебя, — не верь ему!

И архиерей затрясся от смеха.

Тогда в глазах у Хитрого Петра помутилось, он схватил лукошко обеими руками, швырнул его на мостовую и крикнул:

— А если кто-нибудь тебе скажет, что в лукошке осталось хоть одно целое яйцо, — советую не верить ему!

И удалился.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИТЧА О БОЧКЕ	5
КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ	7
БОГАЧ И ЖНЕЦ	10
БОЯРСКИЙ СЫН И ПАСТУХ	13
ПРО ЛЕНТЯЯ	19
НУЖДА	22
НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ – САМ В НЕЕ ПОПАДЕШЬ	24
ДВА СОСЕДА И ГОРЕ	26
КАМЕНЬ И ВОЗЧИКИ	30
КАКИЕ ЛЮДИ НА СВЕТЕ БЫВАЮТ	34
ИЗБАЛОВАННАЯ ДОЧКА	39
НЕДОТЕПА	44
МУДРЫЙ СТАРИК	47
НЕЗАДАЧЛИВЫЙ МУЖ	49
ПРО ДВУХ УБОГИХ	54
ИВАНКА И МАРИЙКА	55
КАК КРЕСТЬЯНИН РАЗБОГАТЕЛ	60
КОШЕЛЬ С ЗОЛОТОМ	61
ПАХАРЬ И ГУСИ	64
СТАРЫЙ ОЛЕНЬ И МАЛЕНЬКИЙ ОЛЕНЕНОК	67
ХИТРЫЙ КОРЧМАРЬ	69
КАМНИ С НЕБА	71
ДАРЕННЫЕ ГОДЫ	77
ОСЛИНЫЙ СОВЕТ	79
СТРАШНЫЕ ЗВЕРИ	81
ВОЛК И ЕСТЬ ВОЛК	86
НЕБЛАГОДАРНЫЙ МЕДВЕДЬ	88
МЕДВЕДИЦА И ДРОВОСЕК	91
ЛЕС И ТОПОРЫ	93
ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И СОБАКА	94
ХРАБРЫЙ ПЕТУШОК	96
СЕРНА И ЛОЗА	100
ВОЛК И ЕГО ЖЕРТВЫ	101
ПАХАРЬ И МЕДВЕДЬ	103
СТАРУХА И МЕДВЕДЬ	106
ЧЕЛОВЕК И ЛЕВ	107
ОСЕЛ И КОНЬ	110
ВИНОГРАДАРЬ И ДРОЗД	111
ЛЕВ И ЛИСА	113

СОН ВОРОБУШКА	114
КАК ВОРОБУШЕК БУСИНКУ ПОТЕРЯЛ	115
ВОРОБЕЙ И ЛИСА	117
ХИТРЫЙ ПЕТУХ	119
СПРАВЕДЛИВЫЙ ДЕЛЕЖ	120
ХИТРАЯ ЛИСА	121
РАК И ЕГО СЫНОВЬЯ	124
КАК ОВЦА ВОЛКА ПРОВЕЛА	125
ГОЛОДНЫЙ ВОЛК	126
КОТ-КОТОФЕЙ	128
ЛЖИВЫЙ КОЗЕЛ	130
ДЕДУШКА И ВНУЧЕК	136
КУРОПАТКА И ЛЕНТЯЙ	137
ПРО ОВЕЦ И СОБАКУ	139
ВЕРНЫЙ СТРАЖ	141
ПРИРУЧЕННЫЕ ВОЛКИ	146
УМНЫЙ КОЗЕЛ	147
ВОЛК И СОБАКА	149
ЧЕЛОВЕК, ЗМЕЯ И ЛИСА	151
ПАСТУХ И ЕГО ЖЕНА	156
ЛИСА И МЕЛЬНИК	162
ТРИ ОХОТНИКА	169
ЦАРЬ С ОСЛИНЫМИ УШАМИ	174
УТКАН И ЛАПОТАН	176
ДЕД ПЕТКО И БАБА ПЕНА	179
МУДРЫЕ СЛОВА	181
ПРО ДВУХ БРАТЬЕВ-ХРАБРЕЦОВ	185
МЕШОК С ВЫДУМКАМИ	186
КАК ХИТРЫЙ ПЕТР НЕДРУГАМ ОТПЛАТИЛ	189
ХИТРЫЙ ПЕТР И ЗМЕЙ	196
КАК ХИТРЫЙ ПЕТР СТАРОСТОЙ СТАЛ	201
ХИТРЫЙ ПЕТР И ТРАКТИРЩИК	203
СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ	205
ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН	207
СКОЛЬКО ОСЛОВ?	209
ХИТРЫЙ ПЕТР И АРХИЕРЕЙ	210

Ангел Каралийчев
БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
Том первый

Издание второе
Редактор Майя Качаунова
Художник Румен Скорчев
Художественный редактор Жеко Алексиев
Технический редактор Магардич Моралян
Корректоры Изабелла Томова, Нелли Василева
Формат 60 × 90 × 8 Печ.л 26 Уч.-изд.л. 25 Тираж 100150
13/95372-35274/6008 –41— 85
Государственное издательство „Свят“, София
Государственная типография имени Благоева, София
Издано в Болгарии

